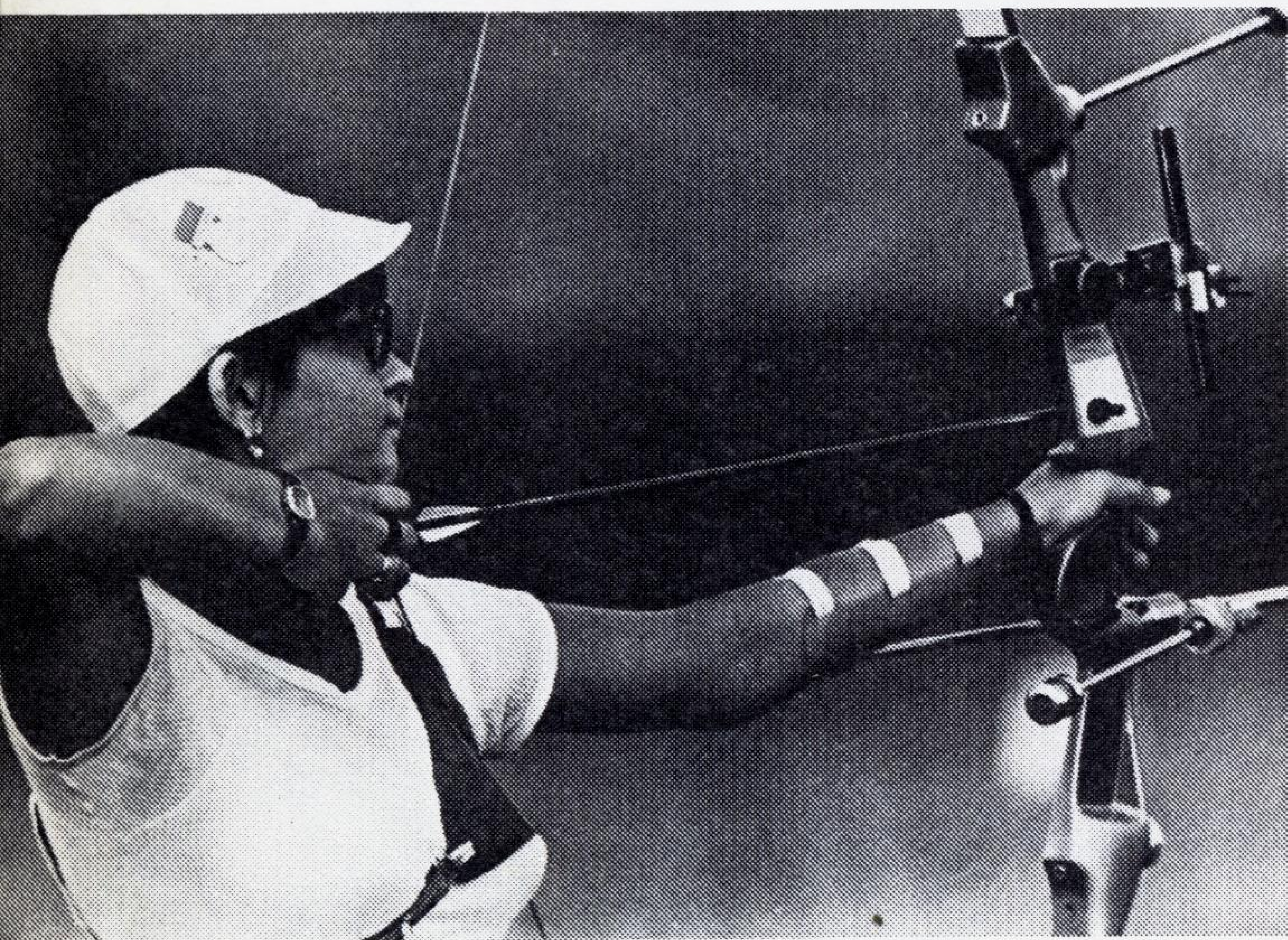

ПИОНЕР 7

1980

ПИОНЕРСКИЙ ПРИВЕТ ОЛИМПИАДЕ-80 В МОСКВЕ!

Кто из вас не знает замечательного спортсмена, олимпийского чемпиона, чемпиона Европы, вратаря сборной СССР по футболу и вратаря московского «Динамо» Льва Ивановича Яшина? Его спортивному долголетию может позавидовать каждый. Многие годы спортивное мастерство Льва Яшина восхищало мир. Сколько раз он спасал ворота своей команды и сборной СССР от, казалось бы, неминуемых голов! После прощального матча журналисты «Пионера» задали ему вопрос:

— Когда и при каких условиях сборная СССР по футболу станет чемпионом мира?

Лев Иванович лукаво улыбнулся, а потом очень серьезно ответил на наш вопрос:

— Сборная СССР по футболу станет чемпионом мира тогда, когда все ребята страны будут любить спорт, когда каждый, забыв о лени, будет делать по утрам зарядку.

И как тут не вспомнить замечательные слова звездного сына Земли Юрия Алексеевича Гагарина, который на вопрос: «Как стать космонавтом?» ответил: «Хорошо учиться и делать по утрам физзарядку».

Сам Юрий Алексеевич Гагарин был замечательным спортсменом, азартно играл в хоккей, футбол, баскетбол, волейбол, любил совершать многокилометровые пешие прогулки, увлекался плаванием.

Сейчас, когда на нашу землю вот-вот шагнет олимпийский огонь и пройдет весь путь от границы СССР до столицы нашей Родины — Москвы, нам хочется поговорить с тобой об утренней зарядке.

Не удивляйся. Именно об утренней зарядке, о ГТО, о твоем участии в спортивных соревнованиях. С зарядки, с первого участия в школьных, районных и городских соревнованиях начинался путь в большой спорт многих наших прославленных чемпионов страны, мира и Олимпийских игр.

А всегда ли ты, наш читатель, соблюдаешь режим дня, делаешь утреннюю гимнастику, совершаешь однодневные и многодневные путешествия? Бывает и так: наступили каникулы, стало много свободного времени и можно подольше поваляться в кровати. Зарядка, мол, никуда не убежит. Зарядка-то не убежит, но будут ли крепче твои мускулы, будешь ли ты бодрым и радостным, если сон и ничегонеделание в хорошие летние деньки в твоем режиме дня станут главными? Другие ребята любят гонять футбольный мяч до изнеможения, любят купаться, пока губы не станут похожими на синие-синие сливы, а загорают так, что потом несколько дней спина горит. От такой «закалки» тоже мало проку.

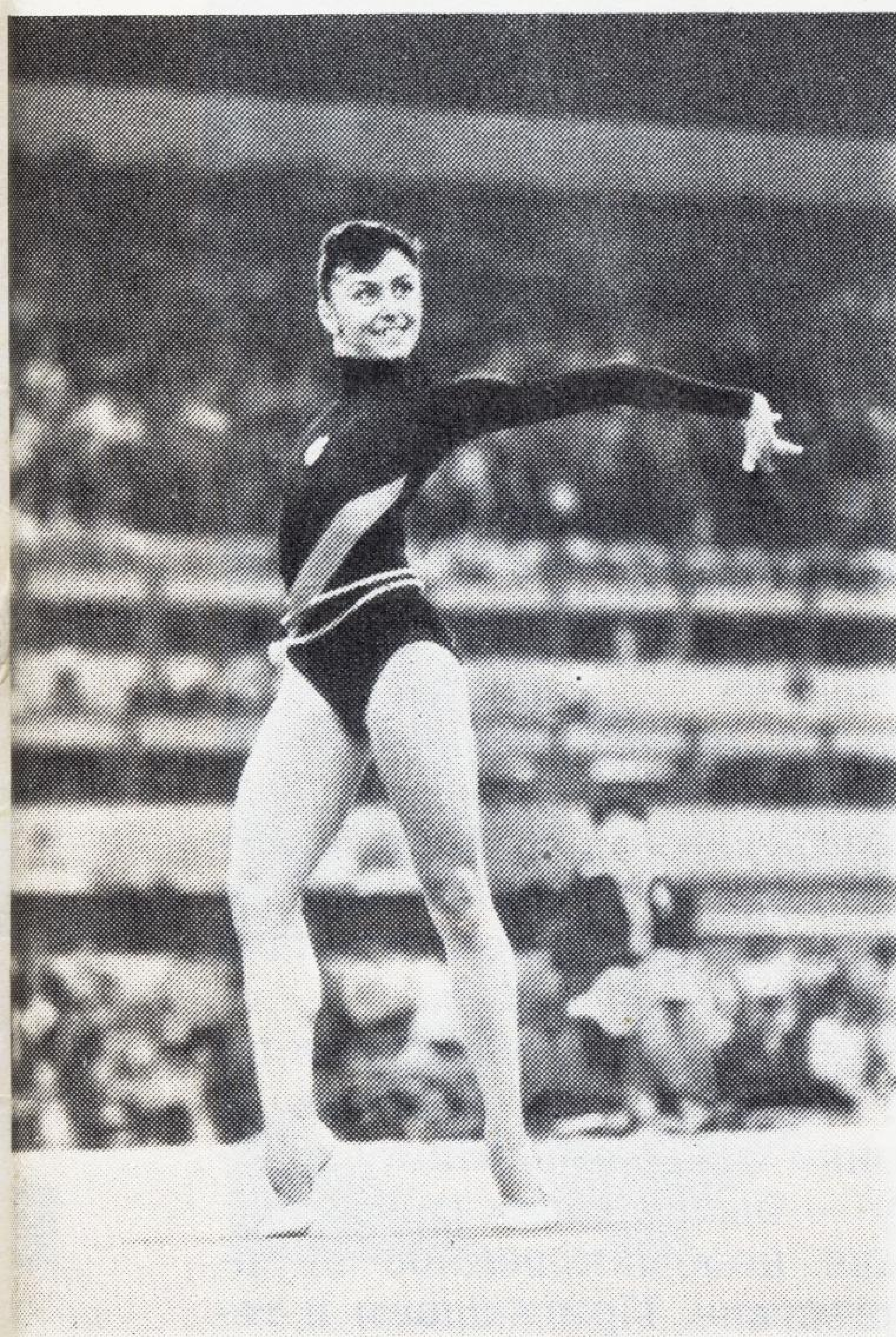
Олимпийское лето — прекрасная пора для отдыха, для спортивных соревнований. Не теряй времени зря — иди на стадион! И... ты можешь стать в будущем олимпийцем.

Спорт — твой добрый и надежный друг!

Фотографии А. БОЧИНИНА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

Встреча в мастерской художника

Мы — в гостях у художника Виктора Чижикова. Того самого, который придумал и нарисовал Олимпийского Мишку.

— Такие талисманы — забавные зверушки — были на многих Олимпиадах,— рассказал художник.— Например, смешная такса, трудолюбивый бобер, могучий медведь... И когда был объявлен конкурс на лучший эскиз талисмана для Московской олимпиады, мне захотелось нарисовать медвежонка. Я часто рисовал их для детских журналов и книжек. Мне нравится, что медвежата порой похожи на людей: добродушием, повадками. Недаром это любимые герои русских народных сказок.

Вот уже пятнадцать лет я рисую для детских журналов — «Веселых картинок», «Мурзилки», «Пионера». Наверное, поэтому мой Мишка похож на озорного, веселого мальчугана... Но он не хвастун и не зазнайка, хотя его знает теперь весь мир. Он очень много работает, готовится к Олимпиаде. Словом, трудолюбивый медведь...

— Миша! — позвал художник.— Иди чай пить. С медом!

Миша спрыгнул с плаката, укрепленного на стене, и сел к нашему столу. Но от меда решительно отказался.

— Сладкое для спортсмена — первый шаг к поражению! — заявил медвежонок.— А мне нужно быть в форме.

— В каких видах спорта ты собираешься выступить на Олимпиаде-80? — спросили мы.

— Во всех! — был ответ.

— А в каких видах рассчитываешь на медали?

— В каждом!

После такого ответа мы руками развели: вот это воля к победе!

— Кроме того, Миша в курсе всех олимпийских новостей,— добавил Чижиков.— Вы встретите его всюду, где идет подготовка к спортивным сражениям.

О лучшем гиде для нашего путешествия по стране Олимпиаде мы не могли и мечтать. И попросили художника отпустить Мишу с нами, а самого Мишу — быть нашим гидом.

Так началось наше необыкновенное предолимпийское путешествие. Приглашаем и тебя, читатель «Пионера», попутешествовать вместе с нами.

Ведет
журналист-международник
Павел ГРИГОРЬЕВ

Мы — в главном олимпийском пресс-центре...

Мишка показал нам телетайпы, которые на непрерывной ленте напишут увлекательную повесть об Олимпиаде и олимпийцах. Показал цветные телевизоры, которые будут вести непрерывный репортаж со всех спортивных арен Москвы, Ленинграда, Таллина, Минска и Киева. Показал телефоны, по которым можно быстро позвонить в Хельсинки или в Париж...

Сюда скоро войдут организаторы Московской олимпиады, спортсмены, советские и зарубежные журналисты.

Первый наш рассказ будет, конечно, о самом олимпийском пресс-центре.

Добро пожаловать!

Во время Игр XXII Олимпиады наша столица примет рекордное для олимпиад число журналистов: около трех с половиной тысяч. Да еще четыреста фоторепортеров, да сто кинооператоров.

У каждого журналиста будет в пресс-центре свое рабочее место. С пишущей машинкой, с телевизором.

Помощником спортивных журналистов станет автоматизированная система АСУ-«Олимпиада». Она сможет держать в электронной памяти результаты всех соревнований, даст быстрый и точный ответ.

Для фотожурналистов и кинооператоров здесь есть лаборатории для обработки пленки и мастерская ремонта любой фото- и киноаппаратуры.

А чтобы репортеры как можно скорее передали свои заметки об Олимпиаде в газеты и журналы, в пресс-центре установлено девяносто кабин с международными и междугородными телефонами-автоматами.

Пресс-центр встречает журналистов. Добро пожаловать!

И НА АНГЛИЙСКОМ, И НА БИРМАНСКОМ...

В дни Олимпиады на улицах и спортивных аренах Москвы будет звучать речь на сорока пяти языках. Как понять друг друга в этой многоязыкой толпе?

Московский государственный педагогический институт имени Мориса Тореза подготовил целую армию студентов-переводчиков — девять с половиной тысяч. Ребята и девушки быстро овладели разговорной речью с помощью магнитофонных записей, электронных экзаменаторов, кинофильмов.

Конечно, всем студентам хотелось работать на Олимпиаде. Но отобрали самых лучших. Притом большинство из них — заядлые спортсмены. А как же иначе они смогут переводить репортажи с соревнований?

Но молодому переводчику надо разбираться не только в спорте. Он должен знать Москву, ее музеи, театры, концертные залы. Ему придется отвечать и на вопросы о нашей стране: о ее географии, истории, работе общественных организаций...

Каждый кандидат в олимпийские переводчики провел не меньше десяти экскурсий по Москве. Это и по-русски нелегко. А представьте себе, что такую экскурсию студент ведет, например, на датском или бирманском языке!

Откуда бы ни приехал наш гость, Москва будет говорить с ним на языке его родины!

Спорт против политиканов

Американские спортсмены упорно готовились к XXII Олимпийским играм. И вдруг президент США Дж. Картер принял решение объявить бойкот Олимпиаде-80.

— Как быть? — задумались спортсмены. — Сколько труда положили, и все насмарку? Нет, спортсменам не годится быть пешками в политической игре!

И спортсмены решили послать к президенту в Вашингтон своего парламентера — штангиста Джиордана.

Тот купил билет на самолет и через несколько часов был у ворот Белого дома. Здесь его остановила охрана. Когда он объяснил цель своего визита, ему велели подождать...

Прошел час, другой... На исходе третьего спортсмен догадался, что его никогда не пустят к президенту. И он отправился восвояси.

Это было как раз в канун зимней Олимпиады в Лейк-Плэсиде. Шестьдесят членов сборной США на зимних Играх написали президенту Картеру письмо-протест. В нем были такие слова: «Олимпийские игры принадлежат не какой-то одной стране, а всему миру...» И подписались — Эрик Хайден, завоевавший на зимней Олимпиаде пять золотых медалей, Рэнди Гарднер, Тай Бабилония и другие известные американские спортсмены.

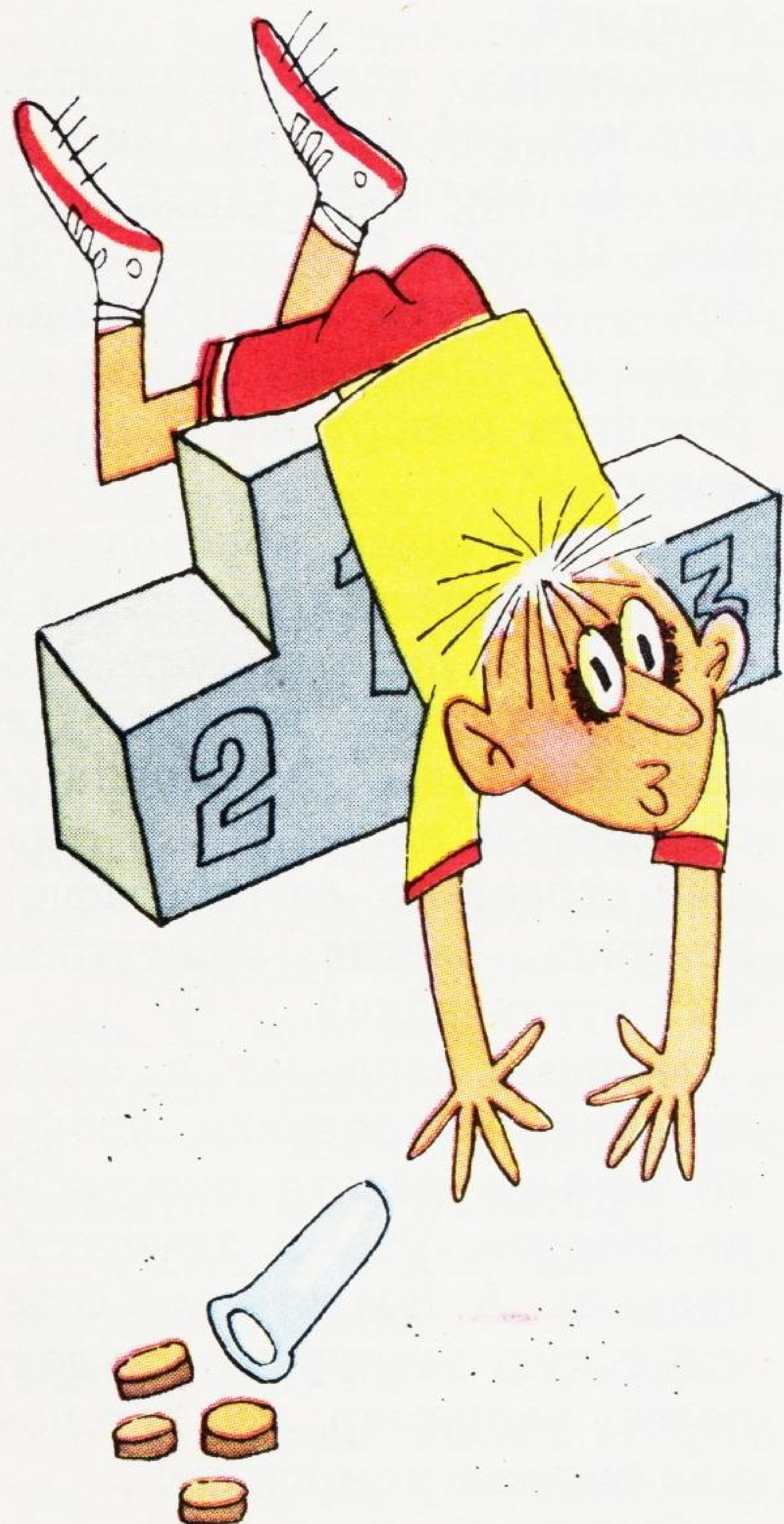
К протесту американцев присоединились семьдесят семь английских спортсменов. В письме премьер-министру страны Маргарет Тэтчер они требовали, чтобы Англия приняла участие в Московской олимпиаде.

Четыреста французских спортсменов выступили в защиту своих прав. «Мы не хотим быть заложниками в грязной политической игре!» — заявили они.

И все же Национальный олимпийский комитет США не посмел ослушаться своего правительства: американские спортсмены не смогут участвовать в Олимпийских играх. Да разве могли члены комитета устоять под грубым нажимом президента? Вот и получилось, что Дж. Картер с помощью бесчестной игры выкрутил руки спортсменам США, так и не дошедшим до стартовой черты...

Многие Национальные олимпийские комитеты Западной Европы не поддались нажиму Картера и отвергли бойкот США. Олимпийский огонь будет гореть! Он будет звать на честную борьбу против тех, кто грубо вмешивается в олимпийское движение.

Допинг не пройдет!

У спорта есть давний враг — допинг. Это такие средства, которые заставляют сильнее работать сердце, быстрее сокращаться мышцы, переносить тяжелейшие нагрузки. Но человеческий организм выносит лишь такое напряжение, какое ему отпущено природой.

И каждое насилие над собой смертельно опасно.

В зарубежном спорте известно много случаев, когда сердце спортсмена, принявшего допинг, не выдерживало: в самом разгаре соревнования он падал замертво.

Но даже когда спортсмен под воздействием допинга побеждает, это нельзя назвать настоящей спортивной победой.

Потому что спорт развивает силу человека, данную ему от природы. Потому что спорт учит честности в борьбе!

Чтобы закрыть путь на Олимпиаду допинговому жульничеству, спортсменам делают после выступлений анализы. Это большая и трудная работа. С ней не всегда хорошо справлялись. Например, на Олимпиаде-76 в Монреале результаты анализов сообщались только через четверо суток!

К Олимпиаде-80 у нас в столице специально построен антидопинговый Центр. Он похож на научно-исследовательский институт. Под его крышей находится множество лабораторий и счетно-вычислительных машин: Центру предстоит обслуживать все соревнования и не только в Москве, но и в Ленинграде, Киеве, Таллине и Минске. Это приблизительно шестьсот анализов в сутки.

Московский центр — самый совершенный в истории спорта. Он будет сообщать результаты анализов на следующий день.

Скоро зарубежным спортсменам вручат ключ от Олимпийской деревни. Ничего себе ключик! Почти полметра длиной! А вместо бородки у него пять олимпийских колец. И слова: «Москва-80, Олимпийская деревня».

* * *

Низко летящие самолеты

Тоннель

Место отдыха

С 1 июня в СССР вводятся новые правила дорожного движения. Больше станет дорожных знаков: они помогут советским водителям и иностранным автотуристам лучше ориентироваться в пути.

* * *

В канун Олимпиады-80 журнал «Советская женщина» проводил для зарубежных читателей олимпийскую викторину. Любители спорта Калиане Синх из Индии, Исабель Мендес Карвальо с Кубы, Даниэла Матури, Стефано Дзанонни и Армандо Пеллозо из Италии награждены главным призом — путевками в Москву, на Олимпиаду. А всего в викторине участвовало больше восьми тысяч читателей из шестидесяти четырех стран.

* * *

Семь зарубежных стран готовили судейскую аппаратуру для тяжелоатлетического турнира Олимпиады-80.

* * *

Первые сигналы в эфир послала телебашня в Таллине. Ее «рост» — триста четырнадцать метров.

* * *

Много гостей Олимпиады-80 приплывут по Тихому океану в наш дальневосточный порт Находку. Уже оттуда они отправятся в столицу. В Находке создан специальный центр по приему и обслуживанию гостей. Они смогут и отдохнуть на тихоокеанском побережье.

* * *

Во время XXII Олимпийских игр московские аэропорты будут принимать каждый день до шестидесяти тысяч пассажиров. Открыт новый аэровокзал Шереметьево-2. Это настоящий город под крышей: восемьдесят пять тысяч квадратных метров, больше двух тысяч «жителей» — пассажиров.

Продолжение на странице 24.

Эди ОГНЕЦВЕТ

Бульба

В почву, напоенную снегами,
Солнышком прогретую, весной
Высадили клубень.
Над полями
Тучи шли, поили их дождями,
Заслоняли, как ладонью, в зной.

Подремала под землей картошка,
Приоткрыла сонные глазки,
После поднатужилась немножко —
И на волю, к солнцу, к лунным рожкам
Потянулись дружные ростки.

Под землей работа закипела:
Там картошка спорая росла,
Не по дням, а по часам тучнела,
И ботва над нею зеленела
И цветком сиреневым цвела.

Праздниками завершились будни:
Горы клубней извлекли на свет,
Каждый — будто бык, рогатый, буйный!
Лучше нашей белорусской бульбы
В целом свете не было и нет!

Из золы достанешь в поле сонном —
Не продержишь долго в кулаке.
Жаркую, катаешь по ладоням,
Пахнущую дымом, в подпаленном,
Рыжевато-сером кожушке.

Перевел с белорусского
Федор ЕФИМОВ.

Петро и Петрусь

Сидели два друга у глади широкой,
Один — кареглазый, другой — синеокий.
Они повстречались в Артеке недавно
И вот подружились... И вместе им славно:
И оба Петра — Петро и Петрусь:
Петро — Украина, Петрусь — Беларусь.

Петрусь вдруг сказал, почему-то вздыхая:
— У нас Беловежская пуща какая!
Там водятся зубры! В чащобе ее
Какие деревья, какое зверье!
Какие там птицы, какие цветы!..
Все это увидишь когда-нибудь ты.

Петро хитровато взглянул на дружка:
—Ты видел Донбасс? Ты слыхал Гнатюка?
А Лавра? А наша Каховская ГЭС?
— А наш Новополоцк? Там в городе — лес!

— А знаешь ли ты, что из дальней земли
В Одессу плывут и плывут корабли?

— Покамест не видел я мачты заморской...
А что ты слыхал о руде солигорской?
В ней — соли!.. И, знаешь, от этих солей
Колосья пшеницы в пять раз тяжелей!

— Зато голубой огонечек Дашавской
По трубам бежит. Он работник заправский!

Хвалили, хвалили Петро и Петрусь:
Один — Украину, другой — Беларусь.
Чего только не перебрали ребятки:
Антоновку
и кукурузы початки,
Галушки,
На сале ржаные лепешки,
Вареники,
драники из тертой картошки...
И садик вишневый,
И шорох сосновый,
«Лявониху» танец
И танец «Гопак»...
Остановиться не могут никак!

Как эхо веселое, голос Петра:
— Всех лучше поют соловьи у Днепра!

Петрусь похвалился:
— У нас в Могилеве —
Там тоже ведь Днепр. Там еще соловьевей!
Вода, как стекло, ныряй хоть до ночи! —
И вдруг затуманились синие очи.

А карие очи смеются в ответ:
— Один у нас Днепр! И милей его нет!
Плывет по России лесами, лугами,
Смоленскими славится он берегами.

— Чудесно,— сказали Петро и Петрусь,—
Что есть Украина и есть Беларусь!

Боксер

Дрожит земля,
дрожит весь двор,
Идет Егор-боксер.
Он беззащитных малышей
Толкает кулаком взашей.

Егор идет, беда, беда!
И малышата — кто куда!
Кто в подворотню, кто за клен,
Пока проходит он.

Я спрашиваю:
— Что с тобой?
Ведь это же разбой!
Сбежались дети повзрослей:
— Ты настоящий Бармалей!
Кто слабых бьет, тот не боксер,
А просто трус...
Ты трус, Егор!

Они — стеною на него,
Толкают, тормошат его,
А он размяк, заголосил,
Прощенья запросил:
— Не буду больше!
— Честно?
— Да!
Не буду никогда!
Не помнят ребятишки зла:
— Пошел!
— Пошли!
— Пошла!..

И снова оживился двор.
И думает Егор:
«Ты слово честное им дал?
Гляди, брат, чтоб сдержал!»

Перевела
Елена БЛАГИНИНА.

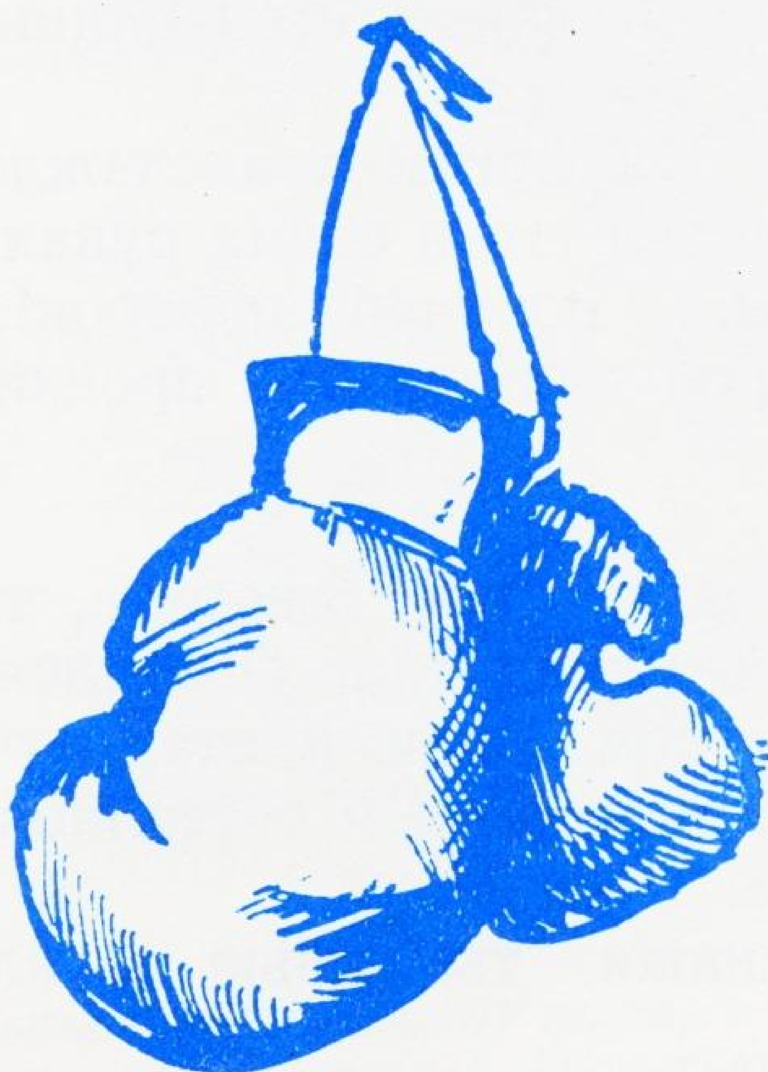

Рисунок В. МЕЛЬНИКА.

ДЕНЬ «ПИОНЕРА»

В Москве, на улице Дмитрия Ульянова, находится Государственная республиканская детская библиотека. В этом году она отметила свое десятилетие. Знают и любят ее юные москвичи. Здесь можно прочесть любой детский журнал, издающийся в нашей стране, любую книгу, написанную для ребят.

Вот в этом чудесном доме книги и прошел День «Пионера», который станет теперь традиционным.

Перед читателями выступил поэт Виталий Коржиков. Он прочитал новую поэму, которая вскоре появится в «Пионере». Писатель Владимир Красильщиков рассказал о том, как он работал над повестью «Хлеба осталось на два дня». Борис Камов, писатель и исследователь творчества Аркадия Гайдара, прочел ребятам отрывок из новой пьесы «Сумка Гайдара». Кандидат экономических наук Мурад Аджиев поделился своими впечатлениями о поездке по Сибири и новостройкам БАМа. С чтением своих стихов выступила юный автор «Пионера» Светлана Кудряшова — ученица 6-го класса 648-й московской школы.

В год 110-й годовщины со дня рождения Ленина, 35-летия великой Победы читательские конференции, встречи с авторами «Пионера» прошли во Дворце культуры ЗИЛа, в Центральном доме работников искусств, школе-интернате № 58, в Пскове, Казани, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Ленинграде, Самарканде...

Впереди новые встречи — «от Москвы до самых до окраин»!

Федор **КАМАЛОВ**

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 5.

Рисунки С. **ТРОФИМОВА.**

Глава седьмая, о страхе и смелости

Едва мы приехали в пионерский лагерь, начальник лагеря позвал меня и объявил:

— Будешь командиром «зеленого патруля». Не позволяй малышам объедаться дичками! Ужас, что делается! — Он посмотрел на мои мускулы. — Но запрещать надо грамотно, не пинками...

Я попросил в патруль двух крепышей. Мы осмотрели сад. Малыши уже висели на яблонях гроздьями. Нет, здесь нужно торчать чучелом целый день, переселиться сюда жить.

Мы написали устрашающие объявления: «Здесь вчера видели волка-людоеда. Не подходи близко!», «Когда эта яблоня была маленькая, рядом росло ядовитое дерево анчар. Не рви с нее яблок, отравишься», «Здесь водится страшная африканская змея кобра. Укусит — никакой доктор не поможет!».

Мы прикрепили эти зловещие надписи к самым большим яблоням. Вернувшись через полчаса, мы с изумлением услышали в саду гул и гомон, как на субботнике. Пол-лагеря искало страшную африканскую змею кобру — переворачивая камни на километр вокруг. Мрачноватый малый ковырял ствол «ядовитой» яблони, собираясь наполнить смертельным соком кружку. На нас — ноль внимания.

— А ну, Тимка, доставай блокнот! — закричал я. — Записывай фамилии!

Чудеса! Через минуту сад очистился — не жалея ног, их владельцы уносили от нас свои фамилии.

На пятый день смены яблок убавилось наполовину. И вдруг мне пришло в голову: на большом листе ватмана мы написали совершенно бессмысленную угрозу: «Иди, иди! Один такой уже приходил в сад, больше не придет!» Повесили. Помогло. Ни одного фруктоеда мы больше в саду не видели.

По дворам, задирая голову к верхним этажам, ходит старушка с бидоном.

— Свежее-е молоко-о!

Ленка из окна потихоньку передразнивает:

— Деньги-и далеко-о!

А когда она оказывается внизу, около старушки, молчит.

Отшельник говорит: «У нас самый храбрый — язык, потому что за зубами прячется».

— Знаешь, Артем, едем мы с Жанной в автобусе, а впереди дядька страшный-престрашный без билета едет и смотрит на нас. Мы стали лица изменять, чтобы он нас потом не узнал.

— Как это изменять лица?

— Морщились изо всех сил. Как ты думаешь, он нас не найдет?

За мной когда-то во сне бегал распроклятый Фантомас. Жуткая фигура. Засыпаю, а он уже выходит из мрака. Я на крышу, он еще выше, я в самолет — он злобно скалится из ракеты, я в море — он прыгает на акулу и догоняет. Догоняет, хватает, мучает, бьет молотком по голове.

Почему-то я ни разу не забежал во сне в милицию — это был бы удивительный сон!

Сейчас мне смешно, но тогда было не до смеха. Для всех сон — удовольствие, а для меня кошмар. Днем еще ничего, а вечером я трясся при виде постели. Потом и днем стал вздрагивать, когда видел на улице лысого.

Каждый вечер я стал внушать себе, что в постели рядом со мной лежит стозарядный автомат. Целый месяц внушал.

С каким диким восторгом и наслаждением я впервые почувствовал его в своих руках во сне. Выходи, Фантомас, получай подарок! Светящийся, горячий рой пуль сейчас пронзит мучителя.

Он не явился.

Хотите верьте, хотите нет, говорите, что угодно, Фантомас исчез навсегда. Оказался подлецом и зеленым трусом. Видимо, стал мучить кого-то другого, беззащитного и бестолкового, каким был я раньше.

— Сережка, скажи, ты ночью на кладбище боишься?

— Не-е!

— Докажи! Можешь просидеть ночь на кладбище?

— А ты, Отшельник?

— Что, бояться мертвых?

Отшельник говорит: «Если воробью бросить кусочек хлеба, он сначала испугается».

Весной в нашем городе случилась потрясающая история. Один безумный папаша с дочкой переходил замерзшую зимой Клязьму. Главное, мост был недалеко, а он двинулся по рыхлому льду. И так вышло, что почти у самого берега лед затрещал и дрогнул. Испуганный папаша мгновенно оказался на берегу, а дочку понес ледоход. Папаша ей руку протягивает — коротка рука, палку нашел — уже и палка коротка. Ринулся он в воду, сшибло его льдиной, едва сумели вытащить.

Опомнившись, безумный папаша заревел и кинулся напролом через заборы и огороды по берегу. Лед трещит, крошится, дочку уносит все дальше и дальше.

Народ собрался на обоих берегах. В этой части города движение остановилось на улицах, такой стоял крик на речке. Девчоночке орут:

— Держись!

Чем дальше мы уходили от норы, тем больше поцарапанный Арсентьев вырастал в глазах всех, особенно девчонок.

За что?

Девчоночка сделала самое умное, что можно было ей сделать: она, конечно, тоже криком кричала, но крепко устроилась на середине большой льдины, даже села на нее.

Льдина плывет к мосту. Мост не то что низкий, но и не очень высокий. Народу на мосту тьма — все суетятся, руками машут.

Льдина все ближе.

И тут три парня сделали сами из себя живую цепочку, гирлянду. Первый лежит на мосту, держит второго. Тот повис вниз головой, держит третьего. А третий, последний, тоже висит головой вниз, руками почти до льда достает. А того первого парня, что на мосту лежит, весь народ за ноги держит, как бы не упал.

Льдина подплывает... Эй, не промахнись, парень! Девчоночка руки тянет.

Подхватил ее парень, как орел уточку. Тут можно и «ура» кричать и начать медали чеканить!

Только вдруг весь народ замолчал, по мосту вроде ледяной ветер пронесся. Все съежились. Как парням подняться на мост? Ну-ка, мудрецы, посоветуйте! Ни один закон физики не подскажет, как поднять висящего, если сам висишь вниз головой.

— Парень, ты извернись!

Сам бы извернулся?

Льдины с шумом толкаются. Вдруг какая-нибудь развернется неловко! Лица у парней побагровели.

Безумный папаша вдруг заголосил:

— Да помогите им, господи!..

Толпа снова зашевелилась:

— Лестницу бы!..

— У кого есть веревка?..

— Мужики, ремни снимайте, ремни связывайте!

— Еще немного потерпите, парни!

Несколько сильных мужчин пытались вытянуть цепочку на мост. Бесполезно. Парни уже, наверное, сознание теряли, но держали друг друга мертвой хваткой.

И тут на мосту раздалась пронзительная сирена, перекрывшая и треск льда и людской крик. На мост ворвалась пожарная машина.

— Расступись!

Хорошо, что не расступились, — ухнула бы цепочка вниз.

С двух сторон цепочки пожарные выкинули свои крюкастые лестницы и ринулись вниз.

Девчоночку на руках —

а-ах!

Парня двое пожарных —

ы-ых!

Второго, не переводя дух —

у-ух!

А третьего поднял народ.

Вот!

Разнесчастный папаша был изумлен, когда два милиционера пригласили его пройти — известно куда.

— Па-азвольте, чья дочь чуть не утонула! — закричал он.

— Как раз за это и приглашаем в отделение.

В таких случаях, как любят писать газеты, смельчаки незаметно исчезают, бросив на ходу: «Не надо мою фамилию, это сделал бы каждый!» У парней не было сил отползти с дороги, не то что скрыться, они лежали пластом, просто не могли надышаться, до того им было тяжело.

Я честно спросил себя: я тоже мужчина, тоже гражданин, смог бы я сделать такое? На вопрос, который задаешь себе сам, легко ответить откровенно. Не знаю. Не знаю! Не знаю!!!

Смог бы я совершить подвиг? Не вообще — подвиг далекий, теоретический, а вот этот? И ловлю себя на том, что сказать «Да!» мне страшно, а произнести «Нет!» мучительно стыдно. Значит, и я смог бы? Ведь стыд часто сильнее страха...

Надо чаще задавать себе вопросы. Спрашивать себя всю жизнь.

В одно майское воскресенье мы отправились всем отрядом в лес собирать лекарственные травы. Нас повела Марионетта.

В лесу на нас какой-то бес напал. Мы принялись аукать, мяукать, болтать, орать, выть, вопить, лазить по деревьям, качаться на ветках, устраивать друг другу засады, одним словом, веселиться. Марионетта смеялась:

— Вот сумасшедшие! Ладно, побегайте, дикари, подурачьтесь, только деревья не ломайте!

— Улю-лю-лю-лю-лю!

А Сережка разнежился. Сережка лег на спину и смотрел, как в вершине сосны застряло утреннее солнце, как оно легонечко, стараясь не обжечь сосну, выкатывается из ее зеленых рук. Сережка видел, как между кустами серые паучки натягивают серебристую паутину. На лопушиный лист взобрался муравей и пошел по нему, как по зеленому полю. Сережке казалось, что он слышит, как от твердых шагов муравья лист колышется и гремит.

— Артем, посиди рядом!

Я с досадой отмахнулся.

— Серый, не то время для мечтаний выбрал!

Призывный клич собрал нас в толпу. Арсентьев нашел нору, уходящую под старое, завалившееся дерево. Девчонки, что были не с Марионеттой, а с нами, завизжали:

— Лиса!.. Барсук!.. Волк!..

— Медведь!.. — басами пугали их ребята. — Змей-Горыныч!..

Арсентьев стаскивал с себя куртку.

— Арсентьев! — закричали все. — Остановись, не лезь!

Не остановился, полез.

Он всунул голову, плечи, туловище, вот уже скрылись извивающиеся ноги. И после напряженной минутной тишины из норы раздался вопль. Глухой такой подземный вопль, а затем еще и невнятное мычание. Все оцепенели. Некоторые отскочили от норы прочь — глаза круглые от страха.

В нору ринулся Сережка. Ринулся — это я так сказал, он втиснулся в нее и закричал:

— Тяните!

Мы вытянули за ноги Сережку, а он — Арсентьева. Лицо Арсентьева было в крови, и всем со страха показалось, что это не лицо вовсе, а одна сплошная рана. Девчонки, повизгивая, бегом повели его к реке. И мы все за ними.

Ирка Махалина ловко перебинтовала Арсентьеву голову: на щеке была глубокая узкая рана, как от ножа.

— Как он в морду вцепится! Когти — во! — томно говорил Арсентьев.

— Кто там, кто?

— Вот дуб! Ясно же — кто!..

— Надо выкурить его! — предложил Даянов, лязгая зубами. — Хворост поджечь у входа!..

— Даянов! — закричали все. — Брось, поджигатель, истребитель лягушек!

Марионетта, увидев рану, ударилась в панику: ах-ах, страх, бегом к врачу! Схватила Арсентьева за руку и велела всем собираться домой.

Чем дальше мы уходили от норы, тем больше Арсентьев вырастал в глазах всех, особенно девчонок, и шел уже чуть ли не былинным героем.

Меня что-то раздражало в этой истории. Ужасно противно было. Тут еще я заметил, как Сережка отстал. Я нырнул в кусты и отправился назад.

— Серый! — Я его застукал у норы. — Ты что здесь делаешь?

Сережка с жадным и боязливым любопытством заглядывал в нору.

— Артем, я тоньше тебя, я полезу!..

Мы накрепко сцепили два ремня, один конец я привязал к Сережкиной ноге, а он полез. Я сидел у норы, заглядывая в ее черное горло, а минуты тянулись. Сережка пропал, и я чуть не состарился у проклятой дыры. Наконец из-под земли послышалось глухое «ы-ы-ы», и я изо всех сил потащил за ремень.

Потный, весь перемазанный, Сережка, отдышавшись, презрительно сказал:

— Там торчит поломанный корень, острый. Он об него порезался. Я загнул корень.

— А нора? — спросил я.

— Она вбок уходит. У меня сначала гибкости не хватило, а потом я руками дотянулся. Там тупик.

Мы пустились бегом догонять всех. С Марионеттой, заметь она наше отсутствие, случился бы сердечный приступ.

Отшельник говорит: «Есть страх, который можно понять, есть страх, который нужно простить, и есть благородный страх за человека — его нужно приветствовать».

Иногда мне все кажется трын-травой, а иногда я всего опасаюсь: как бы тут не споткнуться, там бы не ляпнуть что-то такое, после чего на тебя пальцем покажут...

— Серый, если бы с тобой все друзья перестали знаться?

— Да такого быть не может! За что?

— Ага, испугался? А если бы с тобой, Отшельник?

— Это жутко! — хмуро говорит он. — Это все равно, что умереть. Этого я боюсь!

Глава восьмая, о скуке и веселье

Лень, по поговорке, раньше нас родилась. А скука и того раньше. Какой древний пережиток!

Отшельник говорит: «Веселиться через силу умеют лишь сильные люди».

Лето на дворе.

Небо дождем заряжено, льет второй день.

Отшельник и Сережка уехали в пионерский лагерь, живут там, в ус не дуют. Я сам лишь позавчера вернулся из лагеря, теперь валяюсь на диване и смотрю, как бойкий паук вьет свою рыбацкую сеть.

На Клязьме бухал паровой молот. Сначала сквозь дождь доносилось — «Чш-ш!», потом — «Вщ-здох!» — и как-то влажно звенела чашка на столе. Вчера я с утра, пока не было дождя, как привязанная коза, торчал на берегу. Ну вбивают и вбивают сваи, меня не спрашивают.

Скука.

Я по-разному пытался отделаться от нее — пел, свистел, читал, разобрал приемник. А собрать не захотел — опять стало скучно. Скука все глубже, глубже запускала в меня когти. Я даже подумал, что по мне скоро ржавчина пойдет.

Потом я сел писать рассказ. Выбрал хорошую ручку, взял чистую тетрадь. «Я с детства люблю город Рязань. — Сам удивился, почему с этого началось. — Мне кажется, это единственный город, в котором осталось что-то от старинной Руси: от богатырей, витязей, Соловья-разбойника и бродячих гусляров.

Там ходит Балда по базару. Попы его не берут, сами безработные сидят. А Балда не тужит, всему городу служит — забор вокруг Рязани строит, щелчками гвозди вколачивает. Все вокруг толкаются, с удивлением на Балду смотрят. И я... поеду, посмотрю...»

Мне вдруг, и правда, ужасно захотелось самому поехать в славный город Рязань. Я посидел еще немного, бросил ручку и опять лег на диван. Паучишка бегал, таскал за собой бесконечную нить.

Дождь за окном шевелился, шевель-лился. Я подумал, что дождь залил всю землю, мир уже по горло в этом тягучем дожде, и не пора ли мне строить ковчег? В дверь тарабахнуло. Я открыл. На пороге стояла нежданная Марионетта Григорьевна.

— Проходите! — растерялся я.

Она прошла и села на диван.

— Родители на работе, сестренка в лагере, Артем валяется на диване, — сама себе расска-

зала Марионетта. — А в это время на свете происходят интересные события.

— Что, кто-то уже ковчег строит? — спросил я с усмешкой.

— Ну-у, ковчег!

— Тогда меня не интересуют никакие события: ни которые в дальнем свете, ни которые в ближнем, — вяло сказал я.

— Через улицу. В подвале вон той девятиэтажки открылся детский клуб «Алый парус».

В подвале «Алый парус», надо же!

— Лучше бы они назвали «Дети подземелья»! — сказал я.

— Не остри так грубо, Артем! Не они, а мы! Мы открыли детский клуб. Нам хочется, чтобы ты принял участие.

— А мне не хочется, — сказал я.

— Нам новенькое фортепиано привезли, два хороших стола для пинг-понга. Мы задумали провести шахматную олимпиаду...

— Надоело, — сказал я. — Олимпиады, спартакиады, кавеэны, марафоны!

— Ты бы мог создать у нас футбольную или волейбольную команду!

Я чуть не застонал от досады.

— Во дворе мог бы, если бы ребята вернулись! И вообще мне все это неинтересно!

Марионетта огорчилась. Когда она вошла, на ней искрились капельки дождя, она была блестящая, оживленная, а сейчас сидела просто мокрая.

— Что же тебе интересно?

— Хотите знать? Пожалуйста! Землю насквозь просверлить! Клязьму повернуть назад! Колодцы выворачивать наизнанку! Четыреста кошек запрячь в бричку! Когда будете такими делами заниматься, я обязательно приду, если даже не позовете. Кошек наловлю сам!

— Артем, Артем! — Марионетта покачала головой. — Вся нормальная жизнь, по-твоему, ерунда?

— Это вам кажется, что жизнь нормальная, а на самом деле она не нормальная!

— Ты будто плесенью покрылся от сырости, Артем. Может, заболел? Может, врача вызвать?

— Это вы все больные! — не сдержавшись, зло сказал я. — Кубики, клубики в подвале, игрушки для малолетних!

— Все же я позову врача! — сказала Марионетта, вставая.

— Отвечать будете за ложный вызов!

Она еще раз покачала головой и ушла.

Вечером мама, а она летом работала воспитателем в городском пионерском лагере, тоже сказала мне:

— Да что с тобой, сын, ты рассыпанный какой-то?! Тебе, друг, двигаться надо!

— Куда?

— А это все равно! С утра наладь велосипед и поезжай куда-нибудь. В любую сторону. Съезди в лагерь к друзьям. Лень в тебе угнездилась, оттого и скука и тоска.

Паук раскачал невод, убеждаясь, что соткано крепко, и притворился в углу, будто он засохшая муха.

— Эх ты, слышал, двигаться надо! — сказал я пауку и смел паутину. — А то заскучаешь сидя!

Он огорченно задергал лапками и побежал по потолку.

Назавтра я починил велосипед и покатил к Отшельнику и Сережке. До лагеря можно было добраться прямой дорогой и в обход лесной тропинкой. Я двинулся лесом.

На полпути меня догнала свирепая гроза. Над высокими зонтами сосен желтые злые тучи с грохотом дрались. А я ехал себе, звонил в звоночек.

И тут тучи ахнули таким тяжким ударом, что я свалился с велосипеда и заполз под дрожащий куст. Там под листьями попискивала обомлевшая мышь. Я лежал рядом с мышью, и мне казалось, что я сейчас лопну: этот адский гул наполнил меня всего, распирая ребра изнутри. В лесу раздавались глухие взрывы, это, наверное, бились о деревья разлетающиеся осколки чудовищного грохота!

Мне захотелось зареветь под мокрым кустом. Вдруг по-новому вспомнились эти два дня: каким я был занудой, нытиком. Как посмеялся над Марионеттой, над «Алым парусом», мирно вплывшим в тихий подвал...

Неужели людьми мы становимся, когда над головой гром грянет?

Яростно пролился ливень, будто Земля на бешеном ходу проскочила сквозь водопад. Налетел ветер, в небе что-то хлопнуло и словно свистнул гигантский кнут. Гроза унеслась пугать, а может быть, и приводить в чувство другие леса и других людей.

Я тихонько поехал дальше. Я ехал, удивляясь всему и все запоминая: грибные запахи, вымытое небо, лесную дорогу с лукавыми поворотами.

Как будто в новом мире на новом велосипеде ехал новый человек.

Какой народ самый веселый в мире?

Говорят, на далеких островах живут беззаботные люди, которые день и ночь смеются: когда солнце, когда звезды, когда дождь, когда палец покажут...

Счастье ли это?

Отшельник говорит: «Всегда быть веселой умеет лишь кукла, и то — новая».

Я читал, что в Америке проводятся такие соревнования: кто больше сигарет выкурит, кто дальше плюнет, кто быстрее пианино разломает... На конкурсе «смехачей» один несчастный смеялся подряд чуть не двое суток. Всех пересмеял, у всех челюсти свело давно, а он все смеялся.

Жутко, наверное, было смотреть на него, беднягу.

Отшельник говорит: «Соловей веселится — поет, а огонь веселится — дом сжигает».

Ирка Махалина дала в своих «Вилах» ужасную заметку, почти слово в слово списанную из

сборника «Анекдотов о Ходже Насреддине»: «Артема Остролуцкого поймал в своем саду хозяин:

— Ты как сюда попал?

— Поднялся ветер, и меня перебросило через забор...

— А за пазухой что?

— Ветер бросал меня из стороны в сторону, и я хватался руками за яблоки...

— А почему за пазуху складывал?

— Сам удивляюсь...»

Всем было весело от этого старого дурного анекдота. «Сам удивляюсь...» Никогда бы я так не сказал. Вот Махалина, вот кому-то достанется невеста, не обрадуется!

Смех лечит. Сколько раз мы слышали эту фразу! Хочешь быть веселым человеком, надо чаще смеяться. Развеселить других — посложней, но и это можно. А вот всегда помнить, что смех — лекарство, и веселить при этом всех — слава такому веселому человеку!

Малыши у нашего дома решили организовать цирк. Ленка записалась в певицы и акробаты, Жанна пошла в дрессировщицы, дошкольник Минька Голопятов вызвался в фокусники. Меня для поддержания авторитета цирка позвали директором.

Расположились мы на уютной лужайке. Я произнес короткую вступительную речь:

— Много существует на свете всяких цирков, но ни один не сравнится с нашим. У нас цирк без подделок и махинаций. За честным исполнением номеров следят сами зрители. Называется цирк «Мы и сами с усами!». Объявляю первый номер: песня «Арлекино» в исполнении популярной, но пока никому еще не известной певицы Елены Остролуцкой.

Ленка спела уже надоевшую песню про Арлекина. Потом она запрыгала по лужайке, взмахи-

Тучи ахнули таким тяжелым ударом, что я свалился с велосипеда и заполз под дрожащий куст.

вая широкими рукавами — изображала двадцатикилограммовую бабочку. Последний номер был ничего: Ленка переворачивалась через голову, да так быстро, что ноги в черном трико замелькали, как черные спицы в велосипедном колесе. Я и не подозревал в сестренке таких талантов. Под восторженные аплодисменты малышей и двух чьих-то бабушек Ленка поклонилась и села.

— Страшнее кошки зверя нет! Эту поговорку придумали не поэты и не мыши, а циркачи! Кошки — самые не поддающиеся дрессировке звери! Но сейчас Жанна со своим всемирно известным котом Джоном хочет доказать, что это не так.

— Надо, чтобы было тихо! — сказала она мне.

— Кто вякнет, выведу из цирка! — предупредил я. — Величанский, уберись со сцены!

Жанна позвала:

— Кис-с, кис-с!

Из-за спины малышей появился черный котище, большой и мрачный. Он шел медленно и важно. Жанна чуть сгорбилась, кот вспрыгнул на ее плечо, изогнулся и потерся о Жаннин затылок.

Жанна устроила замечательное представление. Котище послушно ходил за ней, валялся на траве, задумчиво жуя свой хвост. Когда Жанна достала из кармана конфету, он сам развернул ее и слопал.

Проделав все это, кот умильно посмотрел на Жанну: мол, довольна ли ты мной, душа моя хозяйка?

Все были в восторге, даже я хлопал.

— Самые знаменитые индийские факиры, маги и йоги просят директора детского сада номер тридцать разрешить им увидеться с Минькой Голопятовым. Они хотели бы поучиться у Миньки фокусам. Директор сейчас раздумывает — разрешить или нет, потому что фокусы Голопятова почти государственная тайна, военный секрет. Таких чудес ни в Индии, ни в Африке еще не видели! Так что смотрите во все глаза и удивляйтесь!

Дошкольник шумно дышал за моей спиной.

— Очень хитрые фокусы! — хриплым от волнения голосом выкрикнул он. — Первый фокус думательный: кто отгадает, какие мысли у меня в голове?

С минуту все ошарашенно молчали.

— Не знаете! — победно сказал дошкольник.

— Наверное, глупые! — басом сказал второклассник Величанский. — Какие могут быть мысли у такой балды?!

— Это у тебя глупые!

— У меня есть одна умная мысль! — закричал второклассник. — Треснуть тебя по башке!

— Артем!.. — обратился дошкольник.

— Замолчи, Величанский! — сказал я. — Без билета, наверное, пролез, а разоряешься как с билетом. Шпарь дальше, Миня!

— Видите воду в бутылке? — Минька показал бутылку с водой. — Отвернитесь все, через минуту воды не будет!

Все отвернулись. Было слышно, как булькает в узком горлышке вода. Мы все опять повернулись и увидели, как Голопятов спиной к нам старательно выливает воду из бутылки.

— Все? — спросил я.

Он показал пустую бутылку.

— Все.

— Эй, Голопятов, фокусник! — крикнул Величанский. — Такие фокусы дома козе показывай!

— Я еще по-турецки сидеть умею, — неуверенно предложил дошкольник, — и загадку знаю: течет, а не Волга, что такое?

Я больше не мог, меня всего трясло от хохота. Величанский выпучился, стал красным и закряхтел: «О-хо-хо!» Через минуту трава на лужайке полегла — зрители катались, держась за животы.

— Мировая загадка, Голопятов! — стонал Величанский. — Бежит, а не собака!

И все наперебой стали кричать:

— На дереве, а не яблоко?

— Идет, а не дождь?

— В лес, а не по дрова?

— Большой, а не умный?

— Внимание! — сказал я, когда все немного успокоились. — Тяжел труд акробата, дрессировщика, клоуна. Выходя на сцену, эти люди думают о том, чтобы развеселить и порадовать нас. Награда им — наши аплодисменты. Что же, поблагодарим Миню Голопятова!

Может быть, никогда в жизни Миньке больше не будут хлопать так, как в этот раз. Он сиял от счастья. А когда Величанский крикнул со смехом:

— У дошкольника на плечах, а не голова, — что?

Пять или шесть голосов ответили:

— У тебя самого... кочан!

Утром я вспомнил, что сегодня день рождения мамы.

— Ленка! — сказал я. — В доме номер восемнадцать объявляется аврал! Моем полы, посуду... чтобы все в доме блестело!

И еще мне пришло в голову: хорошо бы испечь пирог, большой именинный пирог с изюмом, поджаристой корочкой, поставить его к приходу мамы на стол, покрытый белой скатертью, и окружить тонкими, горящими свечками.

Я взял большую фарфоровую чашку, насыпал в нее муки, налил воды, разбил туда же пять яиц, накидал изюму и стал месить тесто. Получилось, но какое-то странно липкое. Я весь перемазался. У меня даже на ухе висел комочек теста, а руки я поднимал с трудом...

— Ленка, тащи сюда противень и соскребай с меня ложкой! — велел я.

Она так и сделала. Получился полный противень теста. Я пригладил его, вывел буквы: «Маме» и сунул в духовку. И мы с Ленкой сели ждать, когда в доме запахнет пирогом.

Через пять минут из духовки повалил дым. Пирог сверху был жидким, а снизу подло горел.

Я убавил огонь и сунул пирог на прежнее место. Дым повалил почти сразу — черный, едкий.

— Я знаю, что делать! — предложила Ленка. — Надо его перевернуть в другой противень и с другой стороны жарить.

Я хотел перевернуть, он не отлипает. Тогда маленький противень с пирогом я положил вверх дном в другой, побольше. Получился железный сундучок: в середине — пирог.

Когда я снова вытащил это металлическое сооружение, оно дымило на полу, трещало и подпрыгивало. Я погнул нож, пытаясь отлепить один противень от другого, потом взял молоток и стал выколачивать пирог. Пирог выколачивался по кускам, и они валялись по всей кухне.

Ленка молча со страхом смотрела, во что превратилась кухня.

— Молчишь?! — сказал я ей. — Женщина называется! В пирогах ничего не понимает! Тесто даже не умеет делать!

Ленка заплакала. Я опомнился.

— Ну, Ленка, хватит, извини! Извини, говорю, а то сейчас тресну! К черту пироги эти, давай быстро приберемся!

Мы прибрались. Я побежал на Клязьму и, в чем был, прыгнул в воду. От меня по реке пошло мутное облако, мальки так и закружились вокруг. Настроение было такое, что домой идти не хотелось. Конечно, я был уверен в маме, знал, что она не будет ругать за погубленные изюм, яйца и муку. Просто я сам ругал себя и злился.

А мама обняла меня и сказала:

— Спасибо, сынок, что ты хотел испечь мне пирог! Ну не получилось... У меня тоже не все сразу получа́лось, и я говорила себе: не вешай носа, улыбнись и попробуй еще.

А потом был белый стол и прекрасный именинный пирог, испеченный мамой, и тонкие горящие свечи вокруг. Я ткнул пальцем в пирог и профессионально сказал:

— Хорошо прожарился!

И все засмеялись. И я сам засмеялся.

Отшельник говорит: «Добрый смех лечит, злой — калечит».

Глава девятая, о любопытстве и тяге к путешествиям

Я знаю мальчишку, убежавшего однажды с двумя буханками хлеба на Олимпиаду в Канаду. Похудевшего, но ужасно гордого тем, что сумел добраться «почти до Греции» (как он говорил), путешественника привез милиционер и сдал заплаканной матери под расписку. И стали его звать с тех пор Попандопуло. Может быть, из зависти.

Через некоторое время он удрал в Ашхабад. Говорили, что вроде он с кем-то поспорил, будто сумеет на верблюде пересечь красную пустыню Кызылкум. Вместо того чтобы дать ему ездового верблюда, его посадили на жесткую скамью в ашхабадском детприемнике. Когда его вернули из Ашхабада, он заимел среди мальчишек полный титул — Саксаул Саксаулович Попандопуло. Но это его не заботило.

— Откуда в тебе зуд? — горько произнесла его мать. — Ты же вроде умный сын у меня!

— Не знаю, — сказал сын. — Просто у меня голод на путешествия.

— Может, твою голодную душу досыта накормить? — предложила умная мать. — Хочешь, я куплю тебе билет — поездом до Хабаровска или теплоходом до Астрахани?

Сын отказался.

— Не-е, мам, с билетом неинтересно. Я его выброшу все равно и поеду так.

— Обо мне ты не думаешь... — сказала мать.

Сын решил:

— Ладно, мам, не буду я больше удирать! Но купи мне велосипед.

Велосипед ему купили.

В третьем классе я мечтал о кругосветных путешествиях. Плывешь на могучем корабле, думалось мне, а за кормой остается вечный след открытия: остров Мельникова, залив Отшельника, архипелаг Артема...

В четвертом я узнал, что ни на земле, ни в океане не осталось даже бородавки, которую можно открыть и назвать своим именем — все давным-давно открыто и названо. И тогда решил стать летчиком. Я прыгал на землю из окна второго этажа, делая промежуточную посадку на крыше сарая, прыгал до тех пор, пока не подвернул ногу.

В пятом хотелось иметь своего ослика, как у веселого Ходжи Насреддина. Ездил он на ослике и раздавал знаменитые шутки: бедным — добрые, богатым — ядовитые. И я хотел так. Приезжаю в Бухару и говорю: «Минарет — это вывернутый наизнанку колодец, да?» Все смеются.

В шестом одно время меня ужасно избивали на тренировках, я так уставал, измочаливался, что стал мечтать: наполнить бы вагон душистым сеном и ездить на сене по разным континентам и странам: по Турции, по Бразилии, по Мексике...

Я не рисуюсь, не хочу показать себя каким-то особенным. Почти все мальчишки мечтают жить в пути, в приключениях. Я это хорошо знаю.

Я взял в библиотеке «Сказки» Киплинга со стихами.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
к далеким берегам.

Я читал Ленке сказки и каждую заканчивал этим стихотворением.

— Это лучшее в мире стихотворение! Понимаешь, лучшее!

Сколько интересных мест на Земле!

В Пизе чуть не миллион лет падает башня, и едут туристы посмотреть на нее. Пизанцы время от времени начинают плакаться на весь мир: ой, наша башня вот-вот, скоро-скоро упадет-рухнет. И едут, едут в этот хитрый итальянский город толпы любопытных.

Хочется походить по дорожкам в ташкентских садах. Они, наверное, желтые и скользкие из-за осыпающихся абрикосов.

В пятом классе мы решили отправиться в Чили.

У нас вначале было три бумажки со словами «Азия», «Африка» и «Южная Америка». На всех этих континентах творилась несправедливость. Везде нужны были крепкие бойцы, которые могли бы постоять за дело освобождения народов. Но все-таки мы засобирались в Чили. Заправлял в этой стране злобный и весь черный, как старый ворон, генерал Пиночет.

Приняв решение ехать, мы мешкать не стали. Только оружия у нас не было достаточно: «воздушка» — стартовый пистолет Сережкиного брата — и тяжелый охотничий нож моего отца. А денег совсем не было.

— Продадим велосипеды, — предложил Отшельник. — На такое дело не жалко!

В одно воскресенье мы отправились за город и в первой же деревеньке лихо продали три велосипеда прижимистому старику. На велосипедные деньги купили двенадцать буханок хлеба и шесть килограммов конфет. Путь предстоял сложный — поездом до Одессы, оттуда в трюме попутного теплохода — через океан — в Америку.

В тот же вечер попрощались со своим городом. Знайте все — мы уехали не грибы собирать, не сады обворовывать, не с Волохом с соседней улицы разбираться, а помогать народу освобождаться от тирана!

Мы подобрались близко к сортировочной горке. Вдоль длинного товарного состава ходил усатый железнодорожник. Я его спросил:

— Этот состав, случайно, не в Одессу направляют?

Он хмуро сказал:

— Как это ты угадал!..

В углу одного из полуоткрытых вагонов — знаете, такие без крыши — лежали огромные рогожи. Мы зарыли в них тяжелый рюкзак и счастливо притаились сами. Скоро состав с лязганьем стал вытягиваться на главный путь.

И пош-ш-шли, пош-шли, пошли, поехали, помчались, понеслись мы стальной дорогой к своему героизму. К героизму, из которого могло и не быть возврата назад. Про-ща-а-йте!

Вслед за нами спешило тяжелое вечернее облако, притворялось быстрым, летучим. Но за нами ему было не угнаться. В грохоте колес пришла первая железнодорожная ночь, облако растворилось в небе, словно медуза в море.

Над вагоном зажглась яркая голубая звезда, и мы сказали себе, что это наша звезда, и устроились спать на рогожах, переглядываясь со своей путеводной звездой.

Ночью мы просыпались, подталкивали друг друга кулаками, переговаривались шепотом. Поезд иногда подолгу стоял на станциях, дергался. Его, кажется, постоянно растаскивали и обновляли. Но наша звезда неугасимо сверкала над железной дорогой, над всем миром — наш вагон не трогали.

Утро и весь следующий день поезд то стоял, то подпрыгивал на хорошем ходу. Мы торопливо «глотали» километры и терпеливо грызли черствеющий хлеб, заедали им конфеты.

В нас тогда все перемешалось. Вроде игра, и в то же время витало рядом приключенческое слово «вдруг». Вдруг мы и в самом деле доберемся до Чили...

— Оружия у нас нет, — сказал я. — Отшельник, тебе нужно приготовить хорошую речь!

Отшельник вытащил из рюкзака блокнот и карандаш, отсел от нас и забубнил:

— Слушай нас, измученный народ Чили!

А колеса все стучали, стучали — на юг, на юг! У нас от конфет внутри все слиплось, и страшно хотелось пить, но мы этого друг другу не говорили, а терпели до вечера, пока поезд не встал на перегоне у мостика через речку. Мы напились студеной воды до того, что с трудом влезли обратно в вагон.

Под ворохом рогож мы пережили несколько коротких гроз.

К вечеру второго дня, по нашим расчетам, мы должны были подъезжать к Черному морю. Здесь уже и сердца застучали сильнее, и говорить мы стали вполголоса.

— Уже и небо другое! — шепотом восторгался Сережка. — Немного бледнее и немного синее, чем в Москве!

— Здесь морского кислорода больше! — авторитетно объяснил Отшельник.

Мы ехали, мчались, вдыхали южный воздух.

— Чш-ш, граница рядом!

На одной вечерней станции состав долго перекатывали по путям, он весь издергался, и вдруг наш вагон неожиданно легко покатился под горку.

Потом со скрипом отъехала дверь, и показалась черная железнодорожная фуражка.

— Те-те-те! — сказала фуражка. — Транзиты-паразиты! Вылезай, приехали!

Мы вылезли, прихватив рюкзак.

Над большим вокзалом пылало громадное слово — «Москва».

Куда же мы мчались три дня? Что, все это время катались вокруг Москвы?

— Пошли! — сказал нам железнодорожник.

— Куда?

— На кудыкину гору.

И мы, точно, полезли на гору, где оказалось здание железнодорожной милиции. Железнодо-

рожник сдал нас здоровенному кудрявому лейтенанту.

— Куда, мальчики, навострились? — спросил лейтенант.

Сережка брякнул:

— В Чили.

— Что, что?

Терять уже было нечего, я подтвердил:

— В Чили.

— А что, в России вам тесно? — спросил лейтенант.

— Да нет, знаете, мы не просто так собрались, мы едем на вооруженную борьбу, — солидно сказал Отшельник, делая свой вклад в наше саморазоблачение.

— Елки зеленые! — лейтенант взлохматил кудри. — Может, у вас и оружие есть?

— Есть, но мало! — сказал я. — Если бы вы нам еще два пистолета дали! — Теперь-то, два года спустя, я могу заявить, что сказал так нарочно...

На хохот лейтенанта из другой комнаты вышел еще милиционер, длинный и сутулый. Он мрачно посмотрел на нас.

— Куда, мальчики, навострились? — спросил лейтенант.
— В Чили, — брякнул Сережа.

— Откуда чижики?

— Это не чижики, это вооруженный отряд! — смахивая слезы, сказал лейтенант. — У тебя случайно не завалялась пара лишних пистолетов? Нужны им для одного дела!

Потом шутки кончились. Сутулый милиционер повел нас узким коридором в глубь милиции. В маленькой комнате уточнил интересующие его подробности и заключил:

— Я бы вам такое Чили прописал...

— Железная дорога сейчас подсчитывает убытки! Два дня вагон занимали, знаете, сколько стоит?! Всю жизнь платить будете!

Да, не хотелось бы оказаться его сыном. У такого отца попробуй получи двойку или пролей за обедом компот — отхватишь пятнадцать суток.

— А как же поезд? — вспомнил Сережка. — Дядька же говорил, что к Черному морю!

И вот примчались за нами наши матери. Сережкина мать взяла сына обеими руками за голову, посмотрела в глаза и расплакалась. Моя мама молча взяла меня за руку и вздохнула. Зато с Отшельником что было: мать сначала хотела ухватить его за ухо, но постеснялась. Досталось философу!

Отшельник говорит: «Река начинается с родника, а жизнь с вопроса».

Ленка спросила:

— Артем, почему нет человека, который ответил бы на все «почему»?

Однажды Отшельник получил странную телеграмму: «Встречайте чукотского друга». Кроссворд. У них с матерью все друзья жили не дальше нашей улицы.

— Может, ты пошутил? — допытывалась у Отшельника мать.

— С чего бы мне над собой шутить! — ответил Отшельник.

— Значит, ошибка, — решила мать.

Но скоро пришла вторая телеграмма: «Приезжаю такого-то». Мать заволновалась. Мать с Отшельником притащили с базара арбуз, а из леса ведро грибов. Мать состряпала душистый грибной пирог, напекла всяких рогулек и застелила стол праздничной скатертью.

А никакого друга не было. Мы напрасно прождали весь день, а вечером сами сели за стол и принялись есть заготовленные сладости. И только разохотились, только по зеленой шкуре арбуза побежала трещина, открывающая алое, сочное нутро, в дверь поскреблись.

— Можно?

Мы все вскочили.

Дверь открылась и пропустила какое-то существо. Мы сразу даже не поняли: мужчина это или женщина? Длинные светлые волосы спускались ниже плеч, обрамляя широкоскулое лицо с нежной желтоватой кожей. На ногах мягкие, красивые сапожки. И вот эта человечина сказала с порога интересное слово:

— Дирастуйте!

Первой опомнилась мать Отшельника: она больше нас видела в жизни.

— Здравствуйте, проходите! Вот сюда, рядом со мной. Ребята, режьте арбуз, что вы!

Какой там арбуз! Мы уставились на это чудо среднего рода. Наступило неловкое молчание. Потом Сережка ляпнул:

— А вы парень или девушка?

Мать Отшельника замахала руками, но оказалось, что как раз такого вопроса не хватает для начала беседы. Существо засмеялось и заговорило на тарабарском языке, и понемногу выяснилось, что оно парень, действительно с Чукотки, с самого мыса Уэлен. Зовут парня Ульяном. Он разносит на Уэлене почту. Разносить ее на Уэлене иногда ой как худо. В сильный шторм ветер забрасывает красную рыбу на крыши домов. В такие дни он сидит на почте и читает все газеты подряд.

— Я пьёнерской газьете тивой расисказ видел, Мишья, адриес тоже видел, думаю, отупуск тибе ехать надо! — закончил он, широко и светло улыбаясь всем.

Нас эта история потрясла и восхитила.

— Да вы угощайтесь, арбуз вот берите! Ребята, человек с дороги, а вы насели!..

— Я подарики привез...

Ульян втащил оставленный в сенях огромный белый чемодан, в котором могли бы уместиться и медвежья шкура, и соболя, и рыба всякая, и вообще половина мыса Уэлен. А Ульян вытащил из чемодана:

костяную фигурку,

несколько костей,

серый грязный камень.

— Вот эта мой диед был! — Костяная фигурка изображала старика, сидящего на корточках у костра. Это я так подумал, что у костра, потому что по бубну плясали крошечные красные блики. — Это медвединый, как это, на ногах... йе, когть. Это китова зуб, кит есть злой, большой голова. Это волка тири зуба!

Мы сидели и млели.

— А это, — он поднял камень, показывая его всем, — это самый далекий каменень на наша землиня. Далише — вода, окьян. Бери себе памьять!

Мать Отшельника тоже повертела камень, потом решила, что утро вечера мудренее, она утром разберется и с подарками и с гостем, и обратилась к нему:

— Ульян, мы рады видеть вас в гостях! Как говорится, чем богаты. Сейчас поужинаем, а утром ребята покажут вам город, за грибами сходите в лес...

И вдруг последовал ответ:

— Ниет. Я неминого сижиу, потом обиратно ехать надо.

Мы ничего не понимали, мы еще не успели опомниться от его появления, а тут...

— Что?

Выяснилось, что ехал Ульян к Отшельнику в гости ровно полмесяца и столько же сейчас надо потратить на обратную дорогу. Такая вот картина.

— Мине домой Орос есть... собака болишая... — Он показал, какая громадная собака

Орос у него. — Друг! Сидит у диорога, ждет! — И подпер рукой щеку, показывая, как терпеливо ждет его верный пес Орос.

Мы с Сережкой разбежались по домам и наспех, с пятого на десятое, рассказали про изумительного гостя. Потом, вернувшись, пошли все вместе провожать Ульяна.

— Дома жил, думал — земиля маленький, окьян болишой, — говорил он тоненько. — Тьеперь думаю, земиля еще болишой, чем окьян!

Вот и электричка засвистела, и мать Отшельника совала Ульяну узелки и свертки с напеченным, и вот уже уехал он, а мы все смотрели друг на друга как большие дурни и ничего пока не могли сообразить.

Появился, как привидение, и исчез так же, умчался опять на край земли.

Чудо-человек!

Если бы эту историю мне рассказали, я бы того человека, который рассказывал, не задумываясь, назвал брехуном. Но самому себе я не могу не верить!

Из медвежьих когтей, китового и волчьих зубов мы наделали амулеты на цепочках. Я немного поносил коготь медведя, но он зверски втыкался мне в грудь, даже ранка появилась. Но и она потом стала памятью о далеком чукотском друге.

Если Василиса Андреевна спросит класс:

— Куда соберемся в субботу — в наш краеведческий музей или к Золотым воротам во Владимир?

Все в один голос:

— Конечно, во Владимир!

Если бы спросила:

— К Золотым воротам во Владимир или к бухте Золотой Рог на Тихий океан?

— У-у, конечно, на Тихий океан!

Ленка взялась допытывать маму.

— Ну скажи, мам, почему мне сразу не объяснят всего?

— А зачем тебе все знать? — спрашивает мать.

— Чтобы я больше не думала над тем, что все люди знают!

— Ты хочешь сразу стать старушкой? — говорит мама.

— А молодые не знают всего?

— Да и старые-то не знают всего!

— А есть хоть один человек, который знает все-все на свете?

— Нет, Лена.

Отшельник говорит: «У любого деда меньше ответов, чем вопросов у его внука».

Наткнувшись в лесу на древнюю железную дорогу, мы пошли по ней. Насквозь проржавленная, забытая всеми дорога. Мы хотели дойти до ее начала или конца. Шли чуть не полдня. Дорога прохладным тоннелем вела нас под крышей темного векового леса. Ежевика росла между шпалами, а в одном месте на белой, словно костяной, шпале заснул заяц. Веселым свистом мы проводили его в лес.

Потом мы остановились, повернули назад. Мы сказали себе: «Ну и хорошо — не дошли мы до конца дороги, не дошли до начала».

Пусть дорога подождет нас!

И пусть она будет кругосветная!

Дорога без начала и конца…

Глава десятая, о том, как мне хочется жить

Чтобы всем людям можно было говорить ясно и приветливо:

— Здравствуй…

И чтобы мне отвечали не кивком, не бормотком, а с чистой улыбкой:

— Здравствуй, Артем!

КОНЕЦ

ОПЕРАЦИЯ ЗАКОНЧИЛАСЬ. ОПЕРАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

В канун Дня Победы, седьмого мая, в редакцию журнала «Пионер» приехали гости. Они приехали для большого разговора о делах тимуровцев, для подведения итогов операции «Ветеран живет рядом». И сразу в редакции зазвучали тысячи ребячьих голосов, ворвались весенним бодрящим ветром пионерские песни, засеребрились тонкие звуки пионерских труб. За плечами каждого из гостей — руководителей районных и городских штабов Тимура, писателей, журналистов, работников ЦК ВЛКСМ — стояли ребята-тимуровцы, их дела, их начинания, их новые предложения... Началось заседание Всесоюзного штаба Тимура.

Нина Михайловна Ирбе, клуб «Пусть светит!», г. Ростов-на-Дону:

«В нашем штабе есть картотека, в которой собраны все сведения о наших подшефных ветеранах. В течение учебного года мы выясняем, кому какая нужна помощь. Ребята ходят в магазины, аптеки, на почту. Часто от ветеранов приходят ласковые письма-благодарности».

Елена Александровна Соловьева, областной штаб Тимура, г. Хабаровск:

«Хабаровцы Алексей и Владимир Вечиркины погибли во время Великой Отечественной войны в Ставрополье. Сейчас трудами тимуровцев родителям братьев выхлопотана пенсия. Тимуровцы добились для них квартиры, обратились с предложением в горисполком назвать именами братьев Вечиркиных улицу и поставить обелиск. Ребята сами зарабатывают деньги на этот памятник».

Евгения Алексеевна Кудрявцева, Дворец пионеров, г. Стерлитамак:

«Городской штаб Тимура очень давно сотрудничает с городским Советом ветеранов войны. В городе хранится Книга памяти — поименный список восьми тысяч горожан, погибших во время войны.

Мы провели очень волнующую встречу вдов и матерей погибших воинов. Накануне встречи тимуровцы прошли по всему городу: теперь мы знаем пятьсот семей, где живут вдовы... Встреча тронула всех, кто на ней присутствовал».

Идёт заседание Всесоюзного штаба Тимура. Перед гостями журнала «Пионер» выступает писатель, автор интереснейших книг об Аркадии Петровиче Гайдаре, член штаба Борис Николаевич Камов.

Состоялся разговор. Большой и сложный. Были подведены итоги тимуровской операции «Ветеран живет рядом», в которой приняли участие четыре миллиона тимуровцев. В канун праздника Победы на заседании штаба Тимура звучали слова о помощи ветеранам, о памяти военных лет.

В заключение взял слово главный редактор журнала «Пионер», начальник Всесоюзного штаба Тимура, **Станислав Александрович Фурин:**

«Чем дальше мы уходим от первого дня войны и ее победного дня, тем ярче, глубже пропаганда великого подвига советского народа. Это одна из величайших заслуг Ленинского комсомола и Всесоюзной пионерской организации. В этом отношении тимуровская работа имеет неоценимое значение».

* * *

За организацию тимуровской операции «Ветеран живет рядом», посвященной 35-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, решением Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина редакция журнала «Пионер» награждена Почетной грамотой ЦС ВПО имени В. И. Ленина.

Каждое лето московский учитель Николай Николаевич Щербаков вместе со своими учениками отправляется в плавание по Волге — на плотах, которые ребята строят сами. В этом году путешествие состоится в двадцать седьмой раз.

Среди тех, кто плавал с ним когда-то, немало известных людей. Один из них — начальник экспедиции «Комсомольской правды» к Северному полюсу Дмитрий Шпаро. Обращаясь недавно к читателям «Пионера», Дмитрий Александрович писал: «В свое первое путешествие — вверх по Волге, к ее истокам — я пошел, когда учился в седьмом классе. Сколько знаний, умения и добра почерпнул я в том походе...»

Об одном таком «уроке добра» и пойдет сегодня разговор.

Оглянись в дороге

Близился закат. День был на исходе. Наш плот тихо причалил к правому берегу Волги. Разобрав свои рюкзаки, ребята поспешили засветло поставить палатки. Костровые принесли дрова... А Виталик Чуркин, Сережа Савин и Ира Хребет отправились в ближайшую деревню Устье Держи за молоком к ужину.

Деревня эта маленькая, всего несколько домов. Она раскинулась по берегу светлой Держи — правого притока Волги.

Вода в Держе чистая, прозрачная и вкусная. Местные жители испокон веку пользуются чудесной водой из Держи.

Ребята подошли к дому, что на краю деревни. Старенький, крыша соломенная, два маленьких окошка да одинокая большая ветла. На скамейке сидит старушка, смотрит на заходящее солнце...

Ребята спросили, где можно купить молока, разговорились... Аграфене Егоровне Варламовой восемьдесят пять лет. До войны семья у нее была большая, десять человек детей. Она с мужем в числе первых вступила в колхоз, дети, когда выросли,

тоже стали работать в колхозе.

Грянула война. Муж и пятеро ее детей — три сына и две дочери — ушли на фронт. Гитлеровцы сожгли деревню Устье Держи, отобрали у жителей хлеб и картошку. От голода у Аграфены Егоровны умерло четверо детей. Умер от ран муж. Пришли похоронные с фронта — погибли две дочери-санитарки, а за ними — и три сына. Осталась Аграфена Егоровна одна с семилетним сыном Колей.

Как-то ранним осенним утром пришла к ней председатель сельского Совета, попросила разбудить сына. Нужно было показать саперам место, где находились не обезвреженные еще мины и снаряды. Мальчишки — народ дотошный, все знают и примечают... Аграфена Егоровна посмотрела на молоденьких солдат-саперов, было их восемь человек, вспомнила своих погибших детей, вытащила из печи чугунок с картошкой, пригласила позавтракать...

Саперы ушли вместе с Колей, а Аграфена Егоровна пошла веять лопатой зерно. В тот день все валилось у нее из рук, работа не спорилась. Она часто останавливалась и прислушивалась. Вдруг на берегу Волги раздался оглушительный взрыв. Ноги у нее подкосились, хочет бежать, да не может. Не помнит, как добралась до Волги. Ее сын лежал на земле и смотрел на нее невидящими глазами. Она взяла его на руки. Коля умер, не сказав ни слова. Погибли и все восемь саперов.

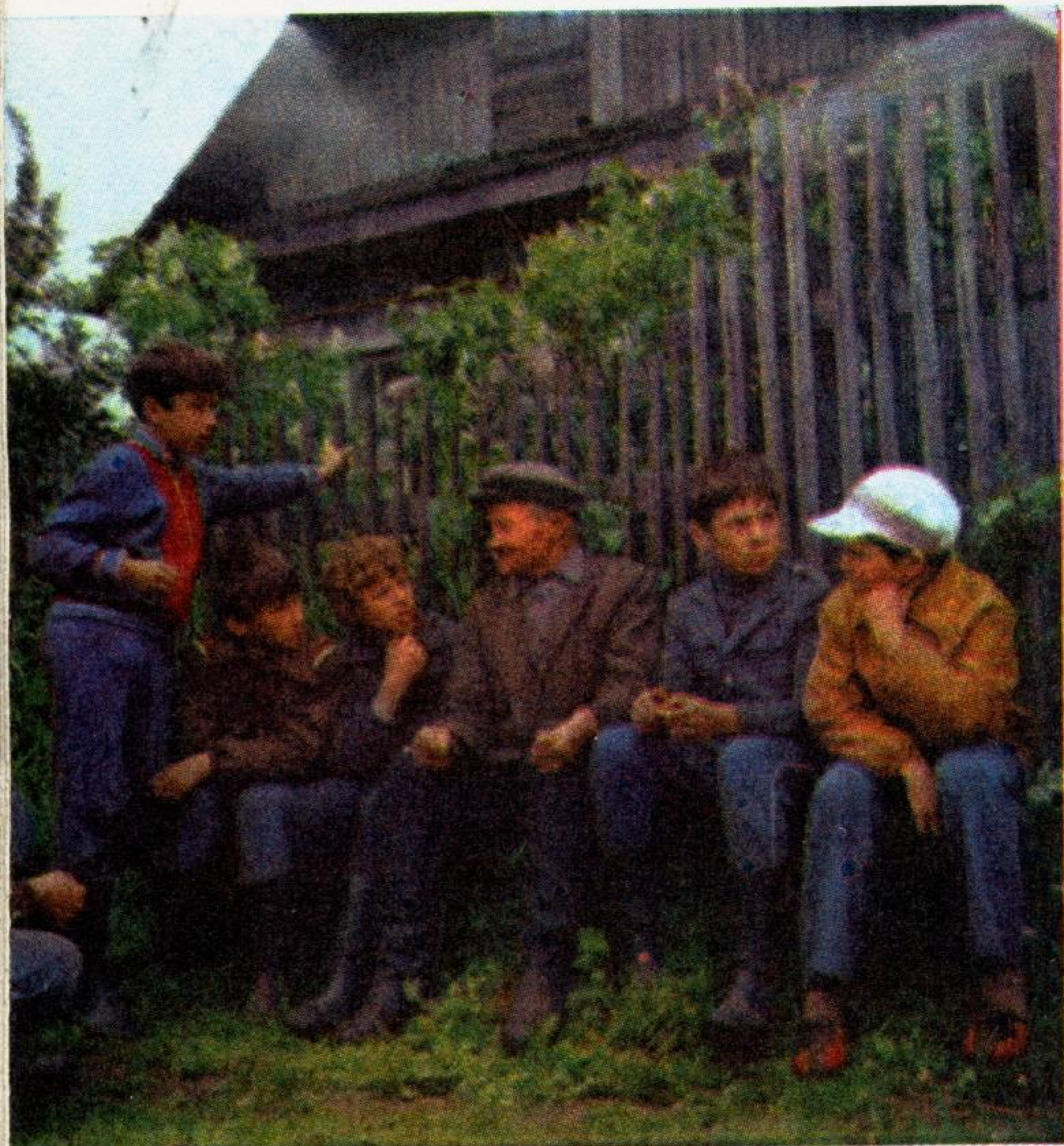
Уже больше тридцати лет Аграфена Егоровна живет совсем одна в стареньком доме, получает пенсию по старости. Силы с годами уходят. Писать и читать не умеет. «При царе нас не учили грамоте», — тихо говорит она.

«Много повидала я на своем веку и хорошего и плохого, — рассказывает Аграфена Егоровна. — А те-

На верхнем снимке Аграфена Егоровна Варламова из деревни Устье Держи, а на снимке справа Татьяна Федоровна Иванова из деревни Тупицыно.

перь осталась одна-одинешенька, даже весточку получить не от кого...»

Слушая Аграфену Егоровну, ребята забыли и о молоке и о том, что их ждут в лагере.

Было поздно, но там не спали. Ужин давно остыл, есть нам не хотелось. Все собрались у костра. Ребята рассказали о том, что услышали от Аграфены Егоровны. И еще о том, что крыша на ее доме прохудилась. Тут же у костра мы разработали план.

Проснулся лагерь с первыми лучами солнца. Было воскресенье. В этот день в гости к нам должны были приехать родители. На покупку толя и гвоздей нам нужны были деньги, и от имени ребят Сережа обратился к родителям с просьбой помочь. Они, конечно, не отказали.

После завтрака поехали в поселок Зубцов, купили толь и гвозди.

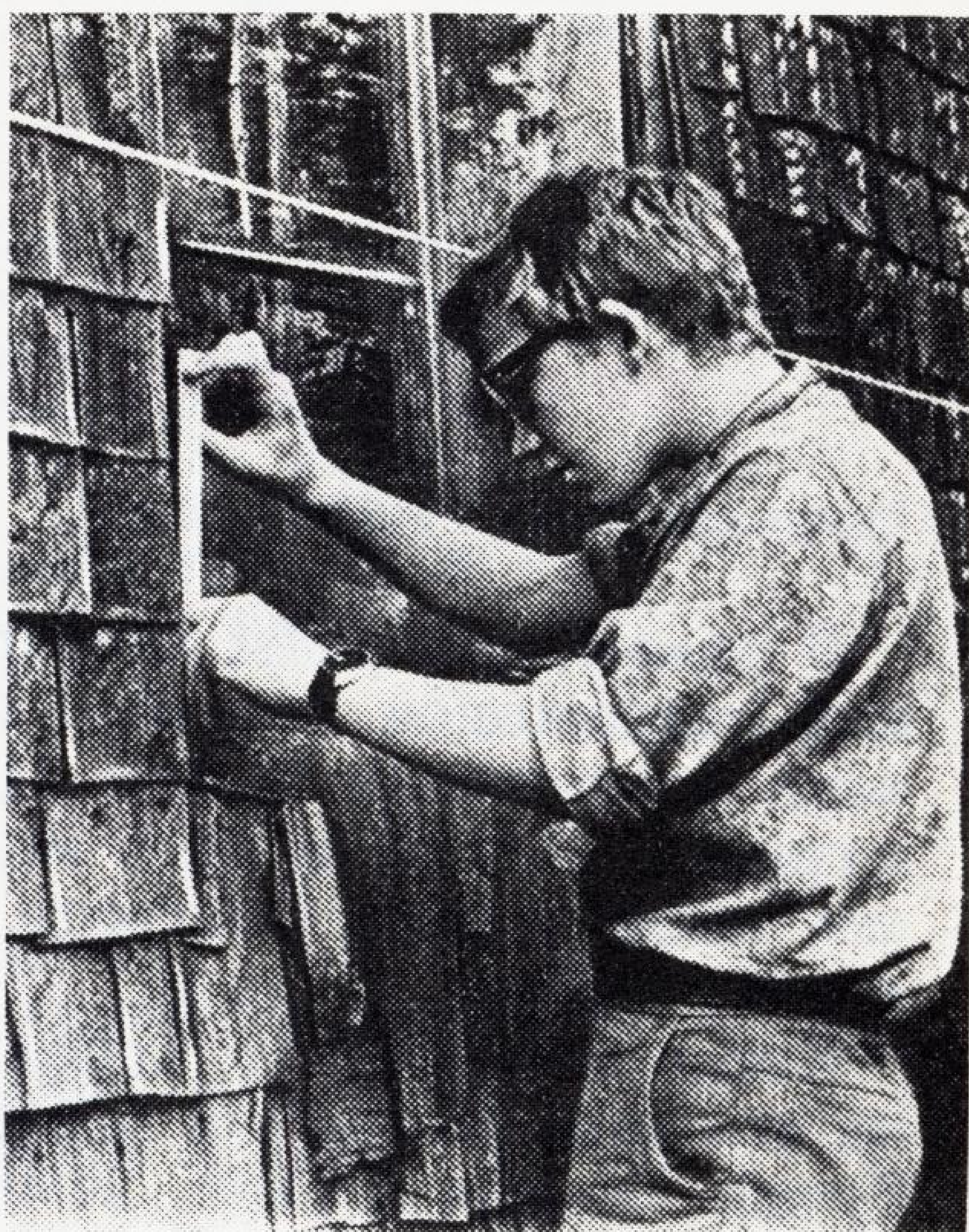
Раздобыли у местных жителей рубанки и топоры. В лесу набрали жердей. Пришлось частично разобрать палубу нашего плота. Старшие ребята три дня «колдовали» над крышей. Обед им приносили из лагеря дежурные. И крыша удалась на славу.

В течение всего учебного года ребята переписывались с Аграфеной Егоровной. От ее имени писали нам соседи.

На следующее лето она встретила нас как давних и желанных друзей. Девочки вымыли пол, мальчики осмотрели крышу. Распилили, накололи и сложили в поленницу дрова. На прощание

Весело косить на лугу упругую траву, ловко складывать в высокую поленницу дрова и чувствовать себя настоящим мужчиной, который и толь и жерди на крыше может приладить. А после работы хорошо посидеть рядом с деревенским старожилом на завалинке, слушая рассказы о житье-бытье, о военных путях-дорогах...

Луна желтым глазом смотрит из легкой синей ночи. Завтра снова позовет в путь тимуровское лето, завтра снова за работу, снова кто-то скажет спасибо, и светло станет на душе.

Аграфена Егоровна попросила помочь устроить ее в дом престарелых. Мы обещали и выполнили обещание. Сейчас она живет в Ржевском доме престарелых.

Аграфена Егоровна не единственный человек, с которым подружились во время путешествий ребята. И дороги наши невозможно представить без таких встреч. И людей, которым помог, уже не забываешь никогда...

Я не представляю, что наши ребята могли бы пройти в тот день мимо, не поговорив с Аграфеной Егоровной. Не представляю, что они не помогли бы другой солдатской вдове, Татьяне Федоровне Ивановой, из деревни Тупицыно Ржевского района, и не писали бы круглый год ей потом письма-весточки.

Тимуровец — это не нагрузка, не обязанность, которую берешь на себя, это состояние души... И если случается так, что ребята во время учебного года бодро «шагают» маршрутом «Тимуровец», а летом, отправляясь в поход с приятелями, могут равнодушно пройти-проехать мимо стариковской беспомощности, одиночества, неуюта, — эти ребята вряд ли имеют право считать себя тимуровцами.

Перед такими людьми, как Аграфена Егоровна, мы все в неоплатном долгу... Это они, солдатские матери, воспитали героев, победивших в войне. И у нас всегда должно быть время для добрых дел.

Н. ЩЕРБАКОВ.

Фотографии автора.

...А потом Мишка отправился в порт: у причала дожидался его наш «Кораблик». «Кораблик» стоял, готовый поднять паруса, но трюмы его были пусты: сам Мишка должен был на этот раз выбрать для него груз — стихи и рисунки ребят, посвященные спорту и Олимпиаде.

Мишка взялся за дело, но работа у него тут же застопорилась.

— Что с тобой? — спросил капитан «Кораблика».

В ответ смущенный Мишка протянул два конверта: оказалось, что ему сразу попались две сказки про него самого! И теперь Мишка не знал, как быть: сказки-то ему нравились, но он опасался, как бы читатели не посчитали его хвастуном.

— Отставить сомнения, поднять на борт сказки! — скомандовал капитан «Кораблика».

Мишка охотно подчинился, и теперь вы можете прочесть две сказки про олимпийского Мишку.

Первую сочинила Таня Грабовская, москвичка, ученица 4-го класса школы № 174. Вторую — Наташа Маркова из города Фрунзе, она учится в школе № 4 и тоже в 4-м классе.

СКАЗКА ОБ ОЛИМПИЙСКОМ МИШКЕ

Сочинила Таня ГРАБОВСКАЯ.

В одном дремучем лесу родился маленький медвежонок. Медведь и медведица назвали медвежонка Олимп. Целые три недели качала в колыбели мать медвежонка и пела ему песни о силе, быстроте, смелости, легкости и упорстве.

Когда медвежонку исполнилось три года, на его день рождения пришли Земля, Ветер, Ручей, Солнце и Снег. Земля подарила медвежонку силу, Ручей — смелость, Ветер — быстроту, Солнце — легкость, а Снег подарил упорство.

Прошло три года, и медведь стал самым-самым сильным, быстрым, легким и упорным. И все решили, что Олимп достоин принять участие в Олимпийских играх в Москве.

На весь мир теперь он прославился, и зовут его все олимпийский Мишка.

*

СКАЗКА ОБ ОЛИМПИЙСКОМ МИШКЕ

Сочинила Наташа МАРКОВА.

Посвящается художнику Виктору Чижикову.

Жил-был Медвежонок. Захотелось ему стать чемпионом по бегу. Он подумал: «У кого бы мне поучиться?» — И поковылял к Зайцу. А Заяц сказал:

— Из тебя не выйдет бегун. Ты не бегучий и не прыгучий. Займись лучше гимнастикой.

Пошел на гимнастику. Медвежонок очень понравился обезьянам. Стали они его упражнениям учить, а у Мишутки не выходит.

— Какая жалость! — воскликнула Обезьяна.— Ты не гибкий и не ловкий. Попробуй боксом заняться.

Пошел Медвежонок к боксерам. Надели на него боксерские перчатки, и начал его учить Бульдог.

— Бей вот так и вот так.

Стукнул Медвежонок Бульдога раза два по носу и спрашивает:

— Вам не больно?

— Бей! — рявкнул Бульдог.

Но Медвежонок не смог ударить. Бульдог его прогнал.

Идет Медвежонок и печалится: «Не выйдет из меня спортсмена-чемпиона, не бывать мне на Олимпиаде».

Повстречался ему Художник. Художник был веселым человеком и нарисовал Медвежонка веселым. Потом подарил ему олимпийский поясок.

— Но я же не чемпион,— сказал Мишутка.

— Зато твой портрет будет у каждого спортсмена и чемпиона.

А Медвежонка стали называть Олимпийским.

*

Затем Мишка выбрал три стихотворения о конном спорте. Их автор — Света КУДРЯШОВА, она увлекается одновременно спортом и поэзией. Мишке это особенно понравилось. Учится Светлана в 6-м классе московской школы № 648.

ГАЛОП

И снова — опилки из-под копыт,
И снова — седло скрипит.
Лошади мчались, скакали, неслись
Вверх, в надманежную высь!

Конь, храпя, грызет удила —
Пора галопа пришла!
Летят опилки из-под копыт,
Негромко седло скрипит.

Кони летели, вздыбив хвосты,
Невиданной красоты.
Пусть в манеже замкнули галоп —
Скачут кони вперед!

СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Конь, храпя, берет барьеры,
Бьется грива в ветре шумном,
Конь с удил роняет пену,
Мчится Тереком безумным.

Повороты, рвы, канавы
Пролетают под копытом.
Стипл-чейзы [1] — спорт для смелых,
Всем ветрам всегда открыты.

Вот и финиш. Лошадь пляшет,
Пену с морды уронила.
В скачке, стипл-чейзной скачке
Эта лошадь победила.

Нелегка была победа —
Повороты, рвы, канавы...
Без усердья нет победы,
Но победы нет без славы!

ПРО ЛОШАДЕЙ

Светло-серая Лейли
Смотрит умным карим глазом,
Хочет есть лошадка Лейли —
Принесем-ка ей овса.

Бурая лошадка Лапка
По полу стучит копытом,
Голодна лошадка Лапка —
Принесем-ка ей сенца.

А Эстет, жеребчик рыжий,
Нас зовет, хоть не голодный,
Хочет он конфет, сластена.
На, отведай леденца!

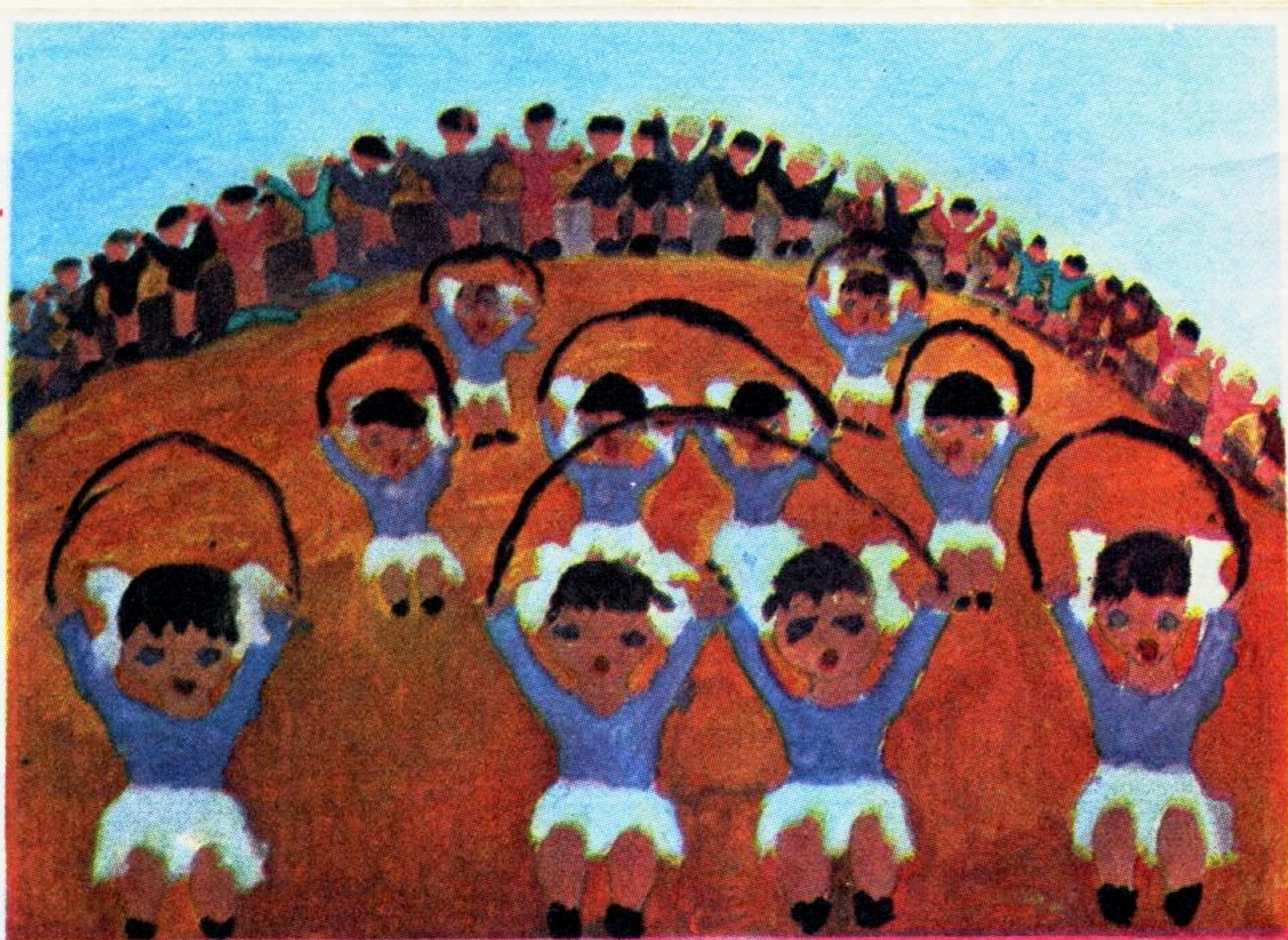
*

Еще понравилось Мишке стихотворение Нины ЧЕРНЕВИЦ, ленинградской шестиклассницы, о спортивном упорстве.

ТАКАЯ УЖ ЖИЗНЬ СПОРТИВНАЯ

Вот, затаив дыхание,
На старте я стою,
И сердце так колотится:
А вдруг я уступлю?
И вот мы бежим, что есть силы,
Стадион весь бушует, бурлит.
Я слышу знакомый голос:
«Жми, Нинка!» — кто-то кричит.
Финиш! Черта победы!
Лидерство за мной!
Как я счастлива в эти минуты,
Как я горда собой!
Но так не всегда выходит,
Бывает, уступишь шаги...
Такая уж жизнь спортивная —
Победы не только мои!

[1] Стипл-чейз — длительная скачка на скорость с преодолением препятствий и рвов.

«ОЛИМПИЙСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ». *Лайла АЙГАРЕ, 8 лет.*

*

В трюме легкого «Кораблика» совсем не осталось места, поэтому стихотворение, которое называется «Парус, ты друг мой!» Мишка прикрепил прямо к полотнищу паруса — тут, мол, ему самое место.

Стихотворение написала Таня ДЫЛДИНА, шестиклассница из Свердловска.

ПАРУС, ТЫ ДРУГ МОЙ!

Синее небо над водой,
Облако с длинной седой бородой,
Белое солнце нещадно палит,
Следом за яхтою чайка летит!

Вьется в ладони трепещущий шкот.
Маленький парус нас с папой несет,
Волны играют, летят через борт,
Лучший на свете — парусный спорт!

Шкот натянулся, пылает ладонь,
Парус трепещет и рвется, как конь,
С силой упругою рвется из рук.
Парус, ты друг мой, и ветер мой друг!

*

«ТАЛЛИНСКАЯ РЕГАТА». *Инга ФЕДОРОВА, 16 лет.*

ГЛАВНЫЙ СТАРТ В ЖИЗНИ

Размышления олимпийского чемпиона Петра Григорьевича Болотникова о том, что же такое олимпийский характер

Было это позапрошлой осенью. В Артеке проходили финальные соревнования Всесоюзных детских спортивных игр «Старты надежд». Вместе с другими знаменитыми спортсменами в гости к ребятам приехал заслуженный мастер спорта, олимпийский чемпион в стайерском беге **Петр Григорьевич Болотников.** Вам, конечно, знакомо имя этого замечательного атлета. Он начал заниматься спортом очень поздно, но сумел в тридцать лет завоевать золотую олимпийскую медаль! Тогда же он установил мировой рекорд на одной из самых сложных дистанций — 10 тысяч метров, продолжив победную эстафету легендарного Владимира Куца. С тех пор прошло вот уже двадцать лет, но никому еще из советских бегунов не удалось повторить успех Болотникова.

Как-то вечером мы готовились к очередной встрече с ребятами. Разговор зашел о том, каким должен быть настоящий олимпиец.

— Каждый спортсмен готовится к Олимпиаде как к самому главному старту в своей жизни, — сказал тогда Петр Григорьевич.— Поэтому силы у основных соперников бывают обычно равными, любой из них вправе рассчитывать на победу. Но побеждает один. Тот, у кого настоящий олимпийский характер.

Петр Григорьевич задумался:

— Мне хотелось бы начать свой рассказ с Олимпиады 1960 года в Риме, где я и сам завоевал золотую медаль, — сказал Петр Григорьевич.— Эта Олимпиада вообще была одной из самых счастливых для советских спортсменов — мы увезли на Родину 43 золотых, 29 серебряных и 31 бронзовую награду, значительно опередив своих главных соперников — олимпийцев США.

Я никогда не забуду олимпийскую шоссейную велогонку на 175,5 километра. Итальянская столица была раскалена невиданной даже для этих южных краев жарой в 45 градусов. Измученные римляне купались прямо в городских фонтанах. Представляете, какой же изнурительной для спортсменов обещала выдаться гонка!

Перед стартом все итальянские газеты единодушно прочили победу своему знаменитому земляку Трапе. Во-первых, он находился в отличной спортивной форме и выигрывал старт за стартом. Во-вторых, выступал в родных стенах, на знакомой до каждого камешка трассе, да еще при неистовой поддержке своих болельщиков, которые ухитрились даже полотно шоссе разрисовать аршинными лозунгами «Трапе — чемпион!». Похоже, что и сам Трапе ни на секунду не сомневался в своем успехе.

Но совсем иного мнения придерживался со-

ветский гонщик **Виктор Капитонов.** «Стоило ли ехать за тридевять земель, чтобы вернуться домой с пустыми руками!» — сказал он нам незадолго до старта. С первых же километров гонки, не обращая внимания на палящее солнце, Капитонов взял максимальный темп. Трапе остается позади. Вот Виктор под неистовый шум болельщиков приближается к финишной черте и ликующе вскидывает вверх руки: победа! Но что это? Трапе тоже пересекает черту и, не сбавляя скорости, мчится дальше. Наши тренеры в отчаянии схватились за головы: Капитонов ошибся! До окончания гонки оставался еще целый круг...

Обычно в финишный рывок спортсмен вкладывает весь остаток своих сил. Считалось, что повторить такой рывок невозможно. Вот почему Трапе предвкушал победу. Но Капитонов не сдался — он бросился в отчаянную погоню за лидером и совершил, казалось бы, невероятное — на самом финише настиг итальянского спортсмена. Они показали одинаковое время — 4 часа 20 минут 37 секунд, но Капитонов финишировал на полколеса впереди Трапе...

Что же помогло Капитонову одержать победу? Я думаю, тут прежде всего важна была вера в себя. Важно было умение бороться до конца, способность правильно оценивать свои силы, не расслабляться раньше времени, не размагничиваться от похвал и комплиментов. И, конечно, Капитонов продемонстрировал непоколебимое самообладание — черту настоящего олимпийца.

Сегодня Виктор Арсеньевич Капитонов — главный тренер сборной команды СССР — терпеливо воспитывает эти качества у молодых спортсменов. И не случайно советские велосипедисты вот уже много лет подряд одерживают блистательные победы на всех крупнейших международных соревнованиях.

Готовясь к главному старту своей жизни, настоящий олимпиец мечтает не только о заветной медали. Он думает о том, как оправдать доверие тех, кто именно ему — одному из сотен столь же достойных кандидатов — доверил почетное право защищать спортивную честь нашей Родины. Он стремится отблагодарить своих наставников за тот огромный труд, который они вложили в его подготовку. И тут я не могу не рассказать о спортсмене, который сам так и не получил олимпийскую медаль, но помог победить своей команде.

В полуфинальном матче олимпийского турнира 1956 года в Мельбурне наша команда встречалась со сборной Болгарии. Только победа открывала путь в финал. Но время шло, а счет так и не удавалось открыть. Игра становилась все резче. И вот в одном из столкновений **Николай Тищенко** сломал ключицу. Легко понять, чем в столь напряженной ситуации могла обернуться для нашей сборной потеря одного из основных игроков. Понимал это и Тищенко. И он остался в строю. В гипсе и бинтах он вернулся на поле и, позабыв о боли, о том, что может получить новую травму, раз за разом дерзко устремлялся к воротам соперников. Именно он начал красивую комбинацию, которая увенчалась единственным в этой встрече голом. Сборная СССР, но уже без Тищенко, вышла в финал, где обыграла команду Югославии. Согласно правилам, золотые медали получили только участники финального матча. Поэтому один из главных героев футбольного турнира остался без олимпийской награды. Лучшей наградой для Тищенко стала победа команды. Первая и пока, к сожалению, последняя олимпийская победа советских футболистов.

Команда! Это слово для нас, советских олимпийцев, наполнено особым смыслом. Даже те, кто сражается за победу в одиночку, постоянно чувствуют себя представителями одной большой команды, имя которой — олимпийская сборная СССР. Чувство ответственности перед такой командой удесятеряет наши силы. И как здесь не вспомнить настоящий спортивный подвиг, который совершил на зимней Олимпиаде 1972 года в Саппоро лыжник **Вячеслав Веденин!**

Завершалась лыжная эстафета 4×10 километров. Веденин шел на последнем этапе. Он должен был принять эстафету от Федора Симашева — гонщика сильного и опытного, с которым они не раз успешно выступали в крупнейших соревнованиях. Но произошло непредвиденное: Симашев переволновался — «перегорел» еще до старта и проиграл сопернику более минуты. Отыграть минуту на последнем этапе да еще в споре с таким прекрасным гонщиком, каким в ту пору был норвежец Харвикен, казалось невозможным. И если бы Веденин пришел на финиш вторым, никто из тренеров не упрекнул бы его. Но в эти драматические мгновения Веденин думал не о себе. Он собрал воедино всю силу воли и силу мускулов и на последнем затяжном подъеме неимоверным усилием обошел норвежца. Когда Веденина потом спросили, что же помогло ему вырвать победу, он, не задумываясь, ответил: «Ответственность перед командой...»

Ответственность перед командой... Я считаю это качество одним из самых главных для олимпийца. И воспитывать его в себе нужно с первых же шагов в спорте. Я убежден, что эгоист никогда не станет по-настоящему великим спортсменом. И я рад, что многие юные спортсмены хорошо понимают это. Мне рассказывали, что в 1975 году здесь же, в Артеке, во время Всесоюзных финальных соревнований первенства СССР по многоборью комплекса ГТО на призы газеты «Комсомольская правда» среди школьников, произошел такой случай. Володя Симкин из Махачкалы во время забега на 60 метров споткнулся, упал и в кровь расшиб себе коленки и локти. Врачи не разрешали ему больше выступать. Но Володя понимал, что тогда он подведет свою команду, лишит ее зачетных очков. И он боролся до конца. Сборная школьников РСФСР, за которую выступал Володя, заняла почетное второе место, а моряки Краснознаменного Черноморского флота вручили ему свой специальный приз «За мужество». Я не знаю,

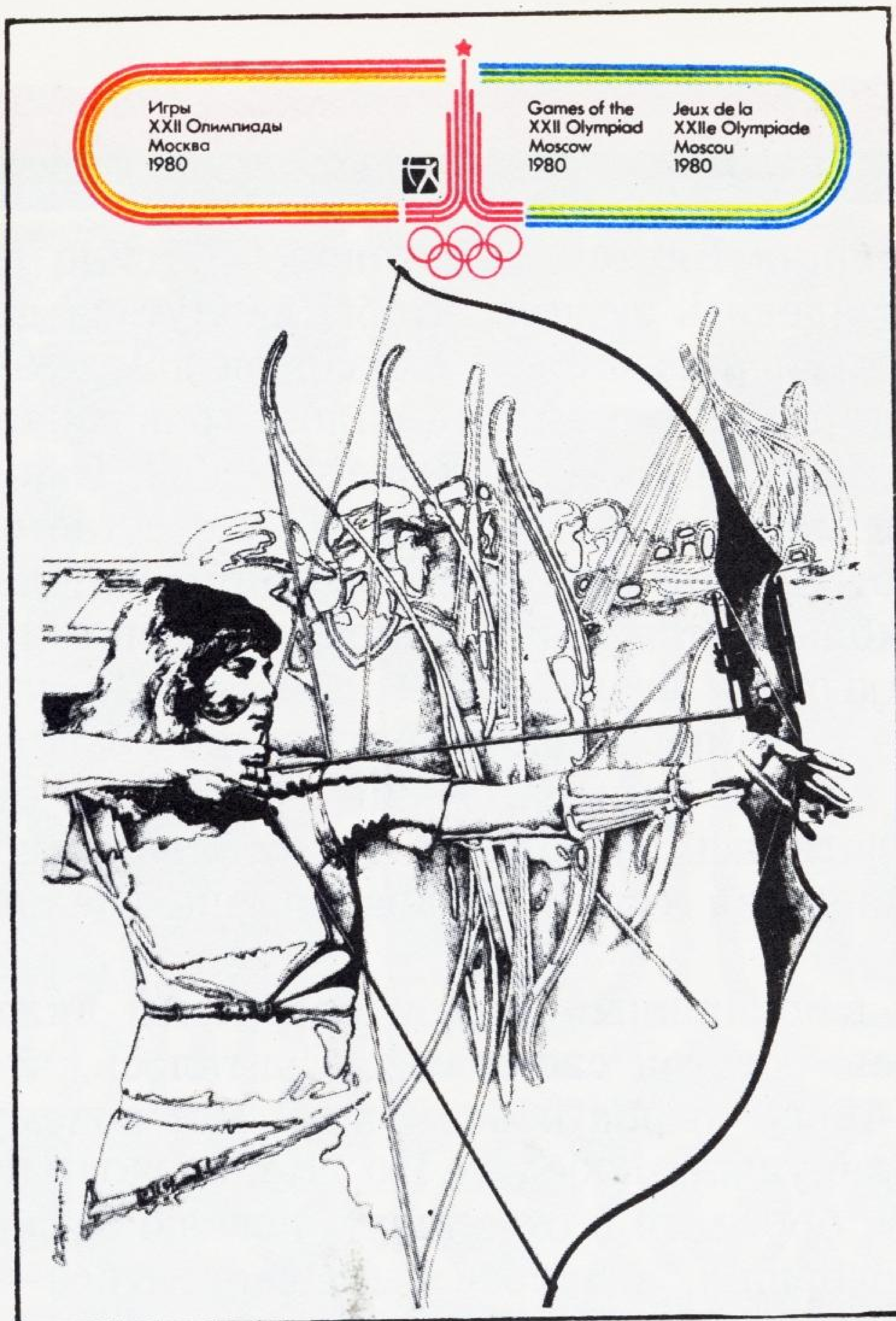
станет ли Володя когда-нибудь олимпийским чемпионом, но зато с уверенностью могу сказать: у этого парня — олимпийский характер.

Настоящими олимпийцами не рождаются. Ими становятся. А для этого нужно быть бесконечно преданным любимому виду спорта. Только тогда можно преодолеть любые трудности...

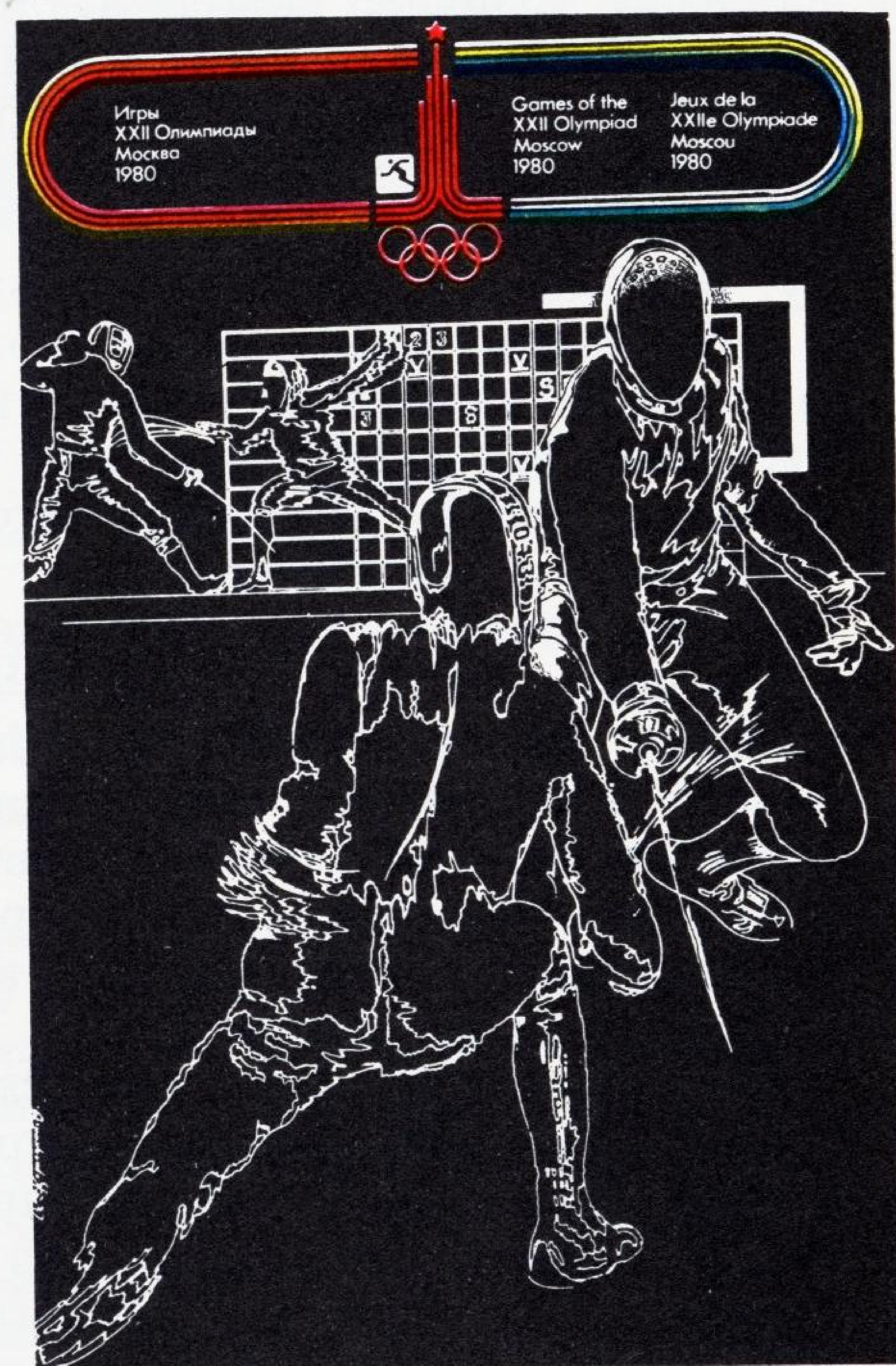
Вы, конечно же, слышали о замечательном советском гимнасте **Викторе Чукарине.** В годы Великой Отечественной войны он ушел на фронт, попал в окружение, несколько лет провел в фашистских лагерях смерти. Казалось бы, до спорта ли этому человеку, перенесшему неимоверные лишения? Но Виктор сумел сохранить верность своей юношеской мечте и после напряженнейших тренировок дважды подряд — в 1952 году в Хельсинки и в 1956 году в Мельбурне — стал абсолютным олимпийским чемпионом. Своими победами Виктор еще раз доказал, что никакие испытания не могут сломить сильного духом, волевого человека.

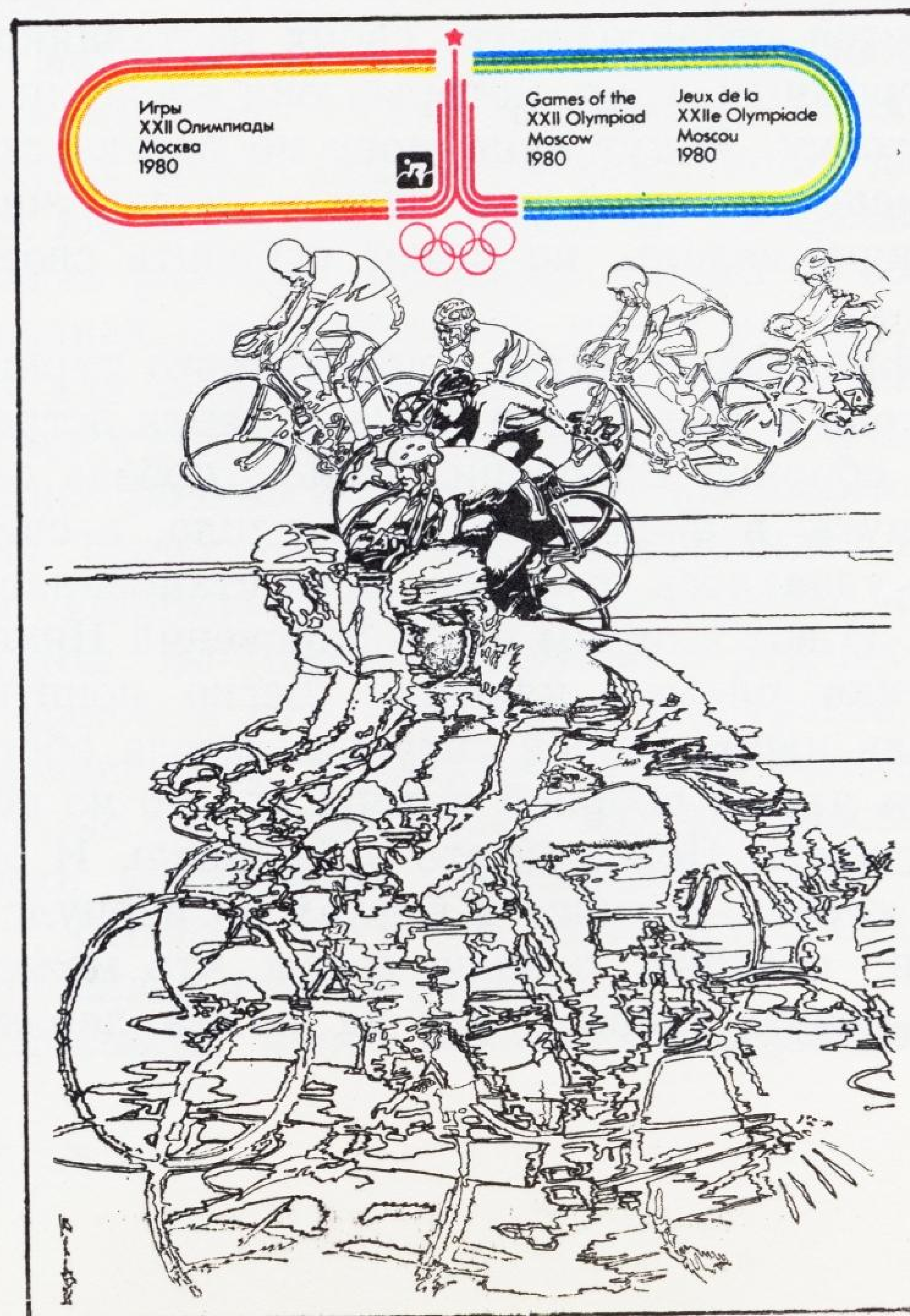
Преданность спорту означает неиссякаемое трудолюбие, беспощадное отношение к собственным слабостям и недостаткам, умение во имя главной цели отказаться от любых соблазнов. Для настоящего олимпийца не существует слов «не могу». Кто сейчас не знает абсолютного чемпиона мира и Олимпийских игр 1976 года в Монреале **Николая Андрианова!** Глядя на этого элегантного, обаятельного гимнаста, трудно предположить, что в детстве Николай слыл трудным подростком, был заядлым курильщиком и неисправимым двоечником. Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Николая, если бы однажды он не зашел в спортивный зал. Гимнастика сразу же покорила Андрианова, но вот беда — никакими особенными гимнастическими данными Николай в то время не выделялся. Тренер оставил его в секции только за упрямый и неуступчивый характер: когда он предложил щупловатому пареньку подтянуться хотя бы разок на перекладине, так тот зубы стиснул, а подтянулся целых 17 раз! Любовь к гимнастике заставила Николая отказаться от курения, исправить оценки в школе (с двойками на тренировки не пускают), а упрямство и неуступчивость с годами переросли в спортивную дерзость, упорство и настоящую силу воли. Сегодня бывший неисправимый сорванец Николай Андрианов успешно окончил Владимирский педагогический институт, стал кандидатом в члены бюро ЦК ВЛКСМ. Товарищи по гимнастической сборной постоянно выбирают его своим комсомольским вожаком. За выдающиеся спортивные достижения Николай Андрианов удостоен высшей награды нашей Родины — ордена Ленина.

Олимпийский характер закаляется не только на тренировках и состязаниях. Он формируется в каждом, даже незначительном, казалось бы, поступке. Наивно полагать, что слабовольный, несобранный в обычной жизни человек, выйдя на спортивную арену, вдруг совершенно преобразится. Олимпиец всегда и всюду должен оставаться олимпийцем, способным в любую минуту

на смелый, мужественный поступок. Именно так поступил в решительную минуту четырехкратный олимпийский чемпион по биатлону **Александр Тихонов:** рискуя жизнью, он задержал в поезде вооруженного матерого преступника. За этот подвиг офицер Советской Армии Александр Тихонов был награжден орденом Красной Звезды. А двукратный олимпийский чемпион боксер **Борис Лагутин,** не задумываясь, бросился на помощь тонущему человеку...

Олимпийский характер проявляется не только в критических ситуациях, но и за школьной партой, в студенческой аудитории. Вряд ли чемпион Олимпиады 1972 года по прыжкам в воду **Владимир Васин,** прославленные хоккеисты **Игорь Ромишевский** и **Вячеслав Старшинов,** многие другие спортсмены смогли бы при бесконечных разъездах и напряженных тренировках успешно окончить вузы и даже защитить кандидатские диссертации, если бы у них не было олимпийской выдержки и силы воли...

Олимпийский характер — это советский характер, он немыслим без подлинного патриотизма. Где бы ни находился спортсмен, в каких бы трудных условиях ему ни приходилось выступать, он должен постоянно помнить, что является представителем нашей великой Родины. Мне рассказывали, что во время Монреальской олимпиады 1976 года нашему прославленному спринтеру **Валерию Борзову** позвонили какие-то неизвестные лица. Они предупредили его, что во время соревнований на трибуне будет сидеть снайпер, вооруженный винтовкой с оптическим прицелом, и что он расправится с Борзовым, если тот вздумает бежать в полную силу. Было это перед самым стартом. Однако Валерий не испугался угроз, отлично провел этот забег и вновь поднялся на олимпийский пьедестал. Так и должны поступать настоящие олимпийцы. Каждый советский спортсмен знает, что по его поступкам, характеру, культуре, воспитанию зарубежные зрители часто судят обо всей молодежи Страны Советов.

...На следующий день Петр Григорьевич Болотников выступал перед участниками финальных соревнований Всесоюзных детских спортивных игр «Старты надежд». Ребята слушали его рассказ, затаив дыхание. Наверное, каждый из них мечтал в эти минуты походить на замечательных советских олимпийцев. Возможно, что тогда, в Артеке, нам не удалось раскрыть все грани, все черты олимпийского характера. Теперь слово вам, читатели «Пионера»! Повнимательнее присмотритесь к выступлениям олимпийцев на Московских Играх-80. Сами выходите на стадионы и спортплощадки, испытывайте свои силы и волю в жарких спортивных схватках. Учитесь преодолевать себя, свои слабости и недостатки. И тогда, возможно, понятие «олимпийский характер» раскроется перед вами совсем новыми гранями.

Сергей ШАЧИН

Продолжение на странице 50.

Все о спорте

Знаешь ли ты, что такое биатлон? Когда впервые проводились соревнования юных пловцов «Веселый дельфин»? Что означает понятие «победа по очкам»? Сколько ребят нашей страны участвуют во Всесоюзных соревнованиях «Старты надежд»? Кто из советских спортсменов завоевал наибольшее число олимпийских медалей?

Наверное, тебе трудно сразу ответить на все эти вопросы, ведь недаром поется в песне, что «спорт — это жизнь, целая жизнь и даже немножко больше». Кто же тот чудесный волшебник, который поможет тебе и твоим друзьям по отряду ответить на многие вопросы о спорте? Этот волшебник — «Энциклопедический словарь юного спортсмена», который выпустило издательство «Педагогика».

В этом словаре ты прочитаешь интересные рассказы о выдающихся советских спортсменах, сможешь найти советы, как организовать свой режим дня, узнаешь историю популярных соревнований на призы клубов «Белая ладья», «Плетеный мяч», «Золотая шайба».

В энциклопедическом словаре 478 страниц, и каждая из них откроет для тебя много нового и интересного о советском спорте.

Накануне Олимпийских игр в Москве вы, ребята, получили хороший подарок.

НАХИМОВСКОЕ МОРЕ

Есть в Ленинградском нахимовском училище карта морских походов. Где только не побывали нахимовцы — на Балтике, в Северном, Норвежском, Баренцевом морях, в Атлантическом океане! Правда, в этих походах участвуют только выпускники — те, кто успешно сдал экзамены за два года учебы.

А для тех, кто учится, есть «Нахимовское море». Оно не обозначено на карте, но о нем тоже вспоминает каждый выпускник. С плавания по этому «морю» и начинается судьба будущего моряка.

«Море» это, а вернее, озеро — огромное, живописное — находится под Ленинградом. И называется оно на самом деле Нахимовским.

И если ты, к примеру, поступишь в училище, то сразу же после экзаменов на целый месяц приедешь сюда, в летний лагерь.

По традиции, после первой практики нахимовцы пишут сочинения, рассказывают о своих летних впечатлениях. Вот строки из некоторых записей:

«Никогда не забуду первые «тревоги», марш-бросок, походы на шлюпках, вечера у костров...»

«Мы, конечно, почти все сначала плохо гребли, натирали мозоли на руках, но каждый урок военно-морской подготовки был для нас большой радостью...»

«С каждым днем, с каждым часом в нас что-то изменялось. Появилась строевая выправка, приказания выполнялись точно, четко, без лишнего шума...»

На месяц за каждой ротой закрепляется шлюпка, новички осваивают непростую науку по «уходу и сбережению шлюпки». И как приятно, когда твоя рота оказывается лучшей в соревновании на знание шлюпки, уход за ней...

В конце практики нахимовцы получают разряд за хождение на веслах (а большинство выпускников вместе с аттестатом зрелости получают и права на вождение катера и управление шлюпкой).

Идет в лагере и строевая подготовка. Сколько раз потом нахимовцы с благодарностью вспомнят это время, готовясь к парадам на своих ко-

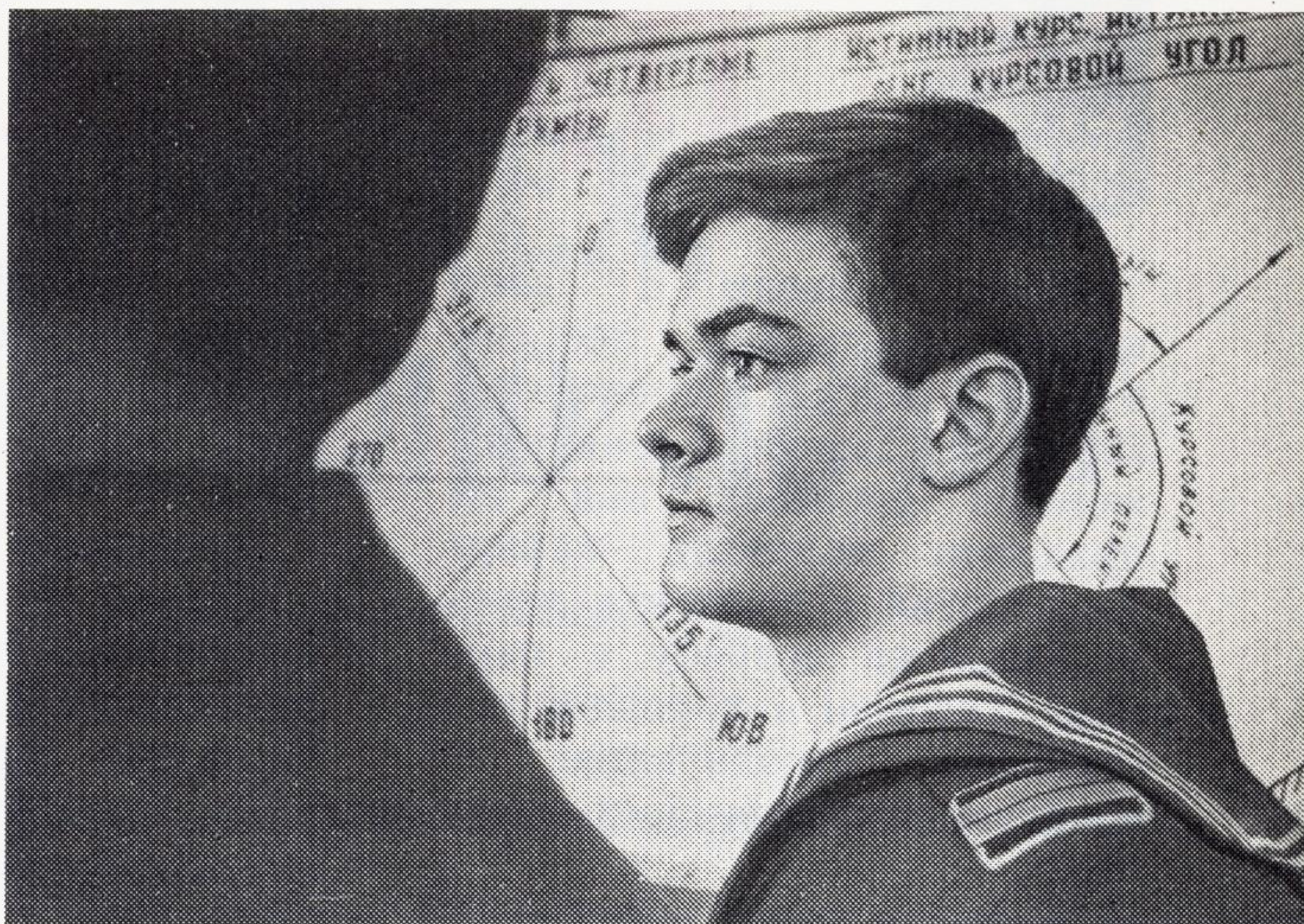
раблях, на Дворцовой площади в Ленинграде или на Красной площади в Москве...

Требовательности к себе, умению справедливо оценивать успехи — свои и товарищей — тоже учат здесь, на берегу «Нахимовского моря». Поначалу бывало и так: в первые дни вставали с ленцой, на зарядку выходили нехотя, на утреннем осмотре, бывало, получали замечания за невычищенные бляхи и ботинки.

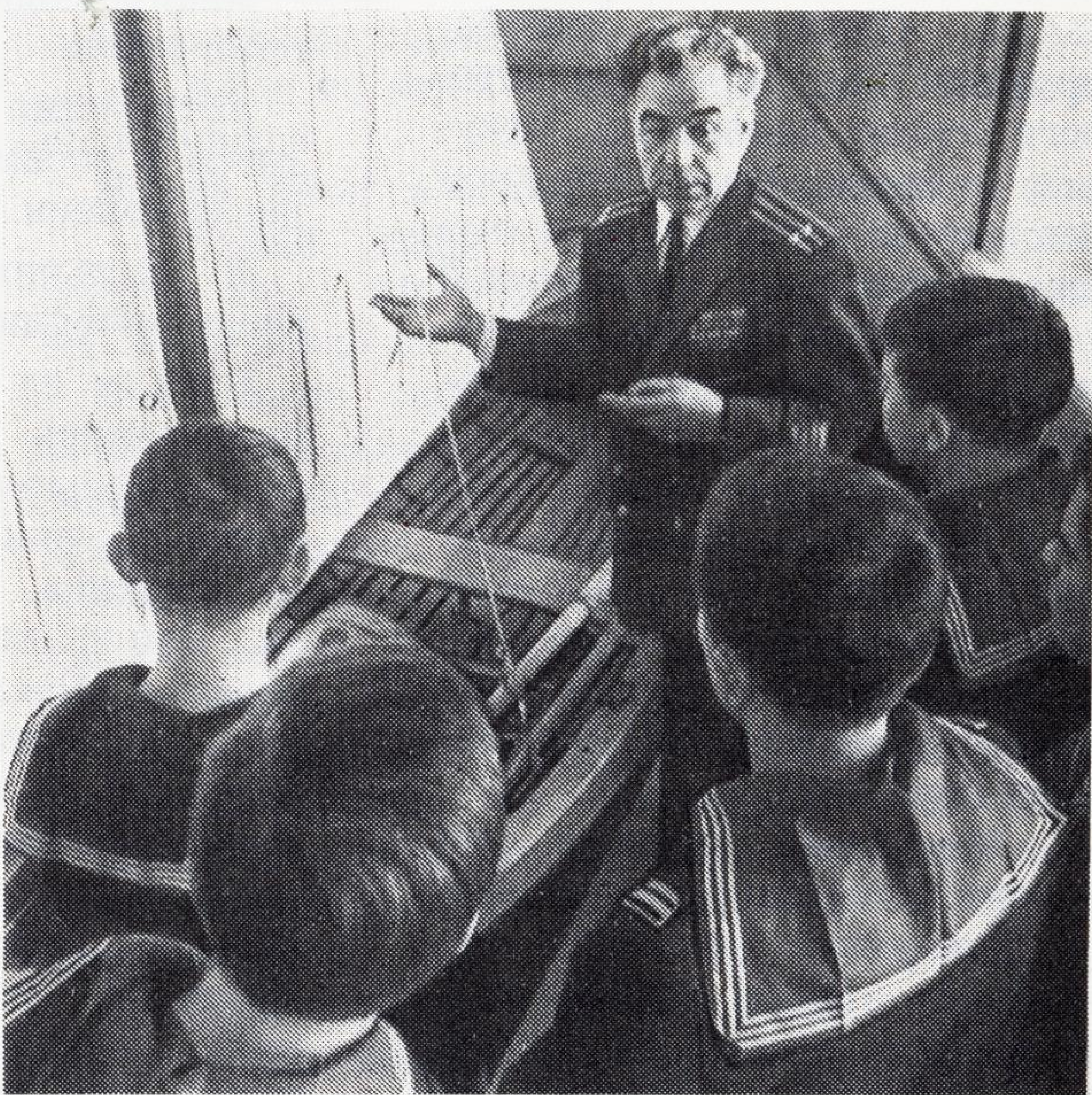
Но за месяц на озере нахимовцы постигают многое, становятся взрослее. И когда осенью начинается учебный год, весь коллектив училища живет по четкому, морскому режиму: подъем, зарядка, занятия в учебных классах, спортивные секции, общественная работа, посещение театров, кино, участие в новых выпусках своего литературного альманаха «Нахимовец».

Жизнь в летнем лагере дает не только физическую закалку, знание азов морского дела, она рождает желание жить по строгим законам воинской дисциплины...

Л. ПОЖИДАЕВА

Нахимовец Виктор Момот.

Капитан второго ранга Василий Степанович Осадчий — руководитель практики на «Нахимовском море». Осенью, когда начинается учебный год, Василий Степанович продолжает занятия со своими воспитанниками.

ХОЧЕШЬ СТАТЬ МОРЯКОМ?

НЕСКОЛЬКО ДЕЛОВЫХ СОВЕТОВ ПОСТУПАЮЩЕМУ

Ты хочешь стать моряком? Твое решение твердое? Тогда дадим тебе несколько советов.

Вот адрес Ленинградского нахимовского военно-морского училища: 197046, Ленинград, П-46, ЛНВМУ, отдел кадров (по приему). Твое письмо должно прийти не позже 1 июня — иначе тебе не успеют прислать вызов на экзамены.

В конверт нужно вложить несколько документов для приемной комиссии. Прежде всего — два заявления. Одно от твоих родителей. Если вы живете в Ленинграде, это заявление должно быть на имя командира Ленинградской военно-морской базы по адресу: 190195, Ленинград, Ф-195. Если вы живете в другом месте, — на имя командующего флотом.

Второе заявление — от тебя самого на имя начальника ЛНВМУ. В нем нужно написать о желании учиться в нахимовском училище и стать офицером ВМФ.

Кроме заявлений, в конверт нужно вложить: справку о здоровье (медицинское заключение ВКК при райвоенкомате по месту жительства), подлинное свидетельство о рождении, школьную и (для членов ВЛКСМ) комсомольскую характеристики, две фотокарточки размером 3×4 (без головного убора).

Вступительные экзамены (для окончивших 8 классов) — по русскому языку (диктант), по физике (устный), по алгебре (письменный), по геометрии (устный) — проводятся с 15 по 30 июля. Опоздание на экзамены не допускается. Срок обучения в нахимовском училище — 2 года.

Прогулка в парк =?

Парк, бульвар и сквер всегда считались местами отдыха, встреч, знакомств. Люди спешили под тень ухоженных деревьев, как на праздник: надевали нарядные платья и костюмы, весело ехали на встречу с парком. Уходили в хорошем настроении, отдохнувшие, с воздушными шариками в руках...

И вот — парк. Песчаная дорожка. Направо — скамейка-инвалид с поломанной спинкой и оторванными досками. Прямо — клумба, круглая, как пирог, от которого кто-то варварски откусил: с одного края оборваны все цветы. Рядом — чахнущее деревце с порезанной корой и покалеченными ветками. Никакого чуда. Только боль.

— В нашем парке каждый летний и весенний вечер ломают как минимум одну скамейку или один детский уголок, — сказал мне директор одного из московских парков.

...Мальчики гуляли по парку. Увидели, дерево стоит, доверчиво раскинув руки-ветки. Один подпрыгнул, схватился руками за ветку. Она сломалась. Закапал из раны прозрачный сок... Мальчики побежали со смехом и криками. Впереди — кусты. Не обегать же! Кусты трещат, расступаются. На пути газон. Вперед, через него!

Запомните цифры.

Дерево в городе можно высаживать тогда, когда ему исполнится 12—18 лет. Цена такого дерева — пять рублей. Посадить его стоит пятьдесят — шестьдесят рублей.

Один метр «живой» изгороди стоит четыре рубля.

Квадратный метр газона — один рубль.

Устройство цветника обходится в восемь рублей пятьдесят копеек.

А мальчики продолжали свою прогулку по парку.

Влезли на детскую горку, прокатились раз-другой, потом поковыряли на ней ножичком линолеум — вырезали чертика. Увидели качели. Кто-то встал ногами на сиденье. Раскачался. Прыгнул. Дощечка отлетела... С деревянного столика начали прыгать в песочницу. Столик расшатался, у песочницы отлетела доска... Мальчики захотели, наконец, отдохнуть, посидеть, но негде: кто-то уже проломил доски скамейки. Как будто на нее великан присел.

А цифры неумолимы.

Катальная горка — сто восемнадцать рублей.

Качели из стальных труб — сто семнадцать рублей.

Скамейка — двенадцать или двадцать рублей.

Детская песочница — пятьдесят один рубль.

Деревянный столик — двадцать один рубль.

Мальчики, о которых я рассказала, уходили из парка, не оглядываясь. Они ни разу не задумались, что у людей, которые придут сюда потом, будет плохое настроение, что работникам парка придется долго «залечивать» раны зеленого сада. И что в конце концов это будет стоить немалых денег. Подсчитайте сами, в какую сумму обошлась прогулка ребят по парку?

5 руб. + 50 руб. + 4 руб. + 1 руб. +
+ 8 руб. 50 коп. + 118 руб. +
+ 117 руб. + 12 руб. + 51 руб. +
+ 21 руб. = ?

И все это умножьте еще на плохое настроение!

Вечер. Деревья тихо шелестят листьями. Цветы закрыли лепестки перед сном. Кто же завтра придет в парк?

Н. АЖГИХИНА

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Легко ли это — землю лечить?!

Юрий КРУТОГОРОВ

ПРО ТЕХ, КТО ЗЕМЛЮ ЛЕЧИТ

Рисунок В. ДОНСКОВА.

Вместо болот — пашни

В вечерних сумерках электрифицированная карта Рязанской области напоминает звездное небо: так густо усеяна звездочками.

— Вот речка Совка, — показывает Иван Иванович Дорофеев. — Крошечная такая речка, а разольется — в берега не соберется. Вечно вокруг себя держит болота: такой тут рельеф плоский. Что растет? Осока, щучка. Ни пройти, ни проехать.

— Что же делать?

— Решили излечить землю вокруг Совки. Пусть вместо болот будут пашни. Вместо осоки — белокочанная капуста. Вместо щучки — картофель.

— Легко ли это?

— Как легко? Одни неприятности с этой Совкой. Есть такая поговорка: «Летела сова из красного села, села сова на четыре кола». Вот и не изгонишь ее. А Совка села на болота, отняла сотни гектаров пригодной для урожая земли. Но справимся — мы ж мелиораторы, лекари земли.

Директор Рязанского института мелиорации Иван Иванович Дорофеев загибает пальцы:

— Первые лекари — топографы: они уже провели съемку местности. Вторые лекари — почвоведы: обследовали землю, узнали, чего ей недостает, сколько дать лекарств: фосфора, калия, извести... А гидрогеологи выяснили, отчего, как и когда произошла заболоченность.

— Все это так, — говорю я. — А вот Совка возьмет и весной зальет все ваши расчеты. И не видать вам на ее берегах ни капусты, ни картошки, ни свеклы.

— Эге-ге, не станем мы у Совки разрешения спрашивать! Мы ее в сторонку отведем. Новое русло дадим. Дамбу, где нам надо, поставим. А болота, которые Совка питала своими весенними разливами, осушим...

Отцовская поговорка

Мать умерла, когда Ване Дорофееву было пять лет.

В семье — пять голодных ртов. Задумался отец, как прокормить да вырастить пятерых детишек.

Деревня Рожок, где они жили, испокон века стояла на суглинках. Чтобы поднять детей, отец обучился печному делу, подался на отхожий промысел.

Спозаранку кличет отец Ваню:

— Айда со мной в соседнее село. Глину месить будешь.

Клали печи в избах, зарабатывали на хлеб.

— Какая наша земля? — часто горевал отец. — Беда. Не кормилица, нет. Вот и пошел на промысел: не потопаешь, не полопаешь...

Это была любимая отцовская поговорка. И Ваня с ранних лет запомнил ее. Окончил семь классов, задумался: дальше куда? Какое есть дело, где ходить надо много-премного?

...Стал топографом, шагами измерил не одну тысячу верст. Довела его профессия до самого края земли — до Магадана. С теодолитом обошел все Охотское побережье, отснял долину Верхний Атурях, не прописанную на карте.

Пришло время, на материк потянуло, земля детства позвала. Как она там, мать-земля рязанская!

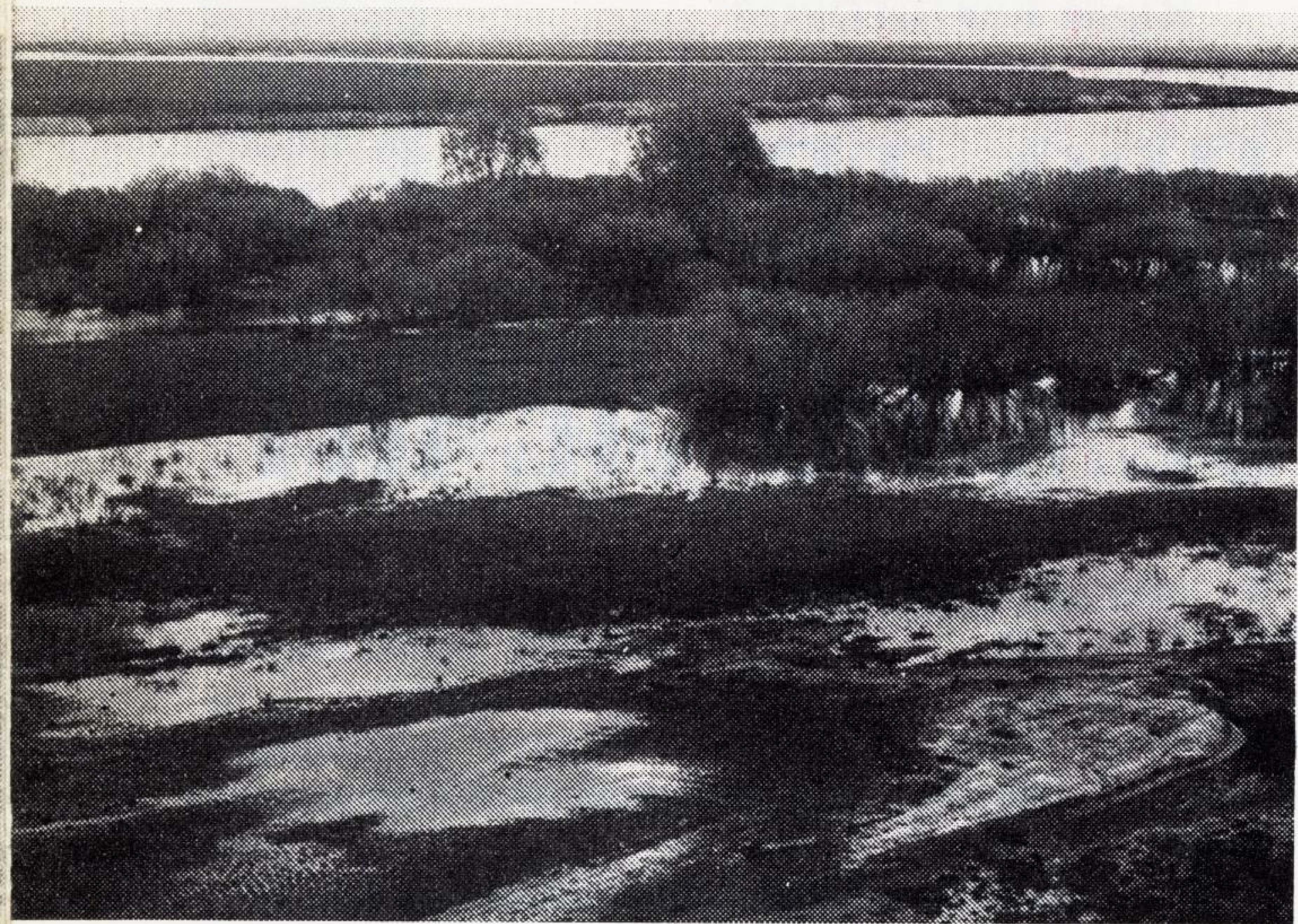
Приехал, долгими часами бродил по окрестностям, наметанным глазом топографа посматривал вокруг. Та же осока и щучка на топях. На коварных зыбунах, как огромные бородавки, торчали кочки. Ржавая, железистая вода хлюпала под ногами. Верно мужики толковали: не ходи при болоте, черт уши обколотит.

На далеком Магадане он заново открыл сопку. А эти земли... Разве их нельзя открыть заново?

Красное село на новой земле

Сейчас Иван Иванович — директор большого института мелиорации в Рязани. Что же касается строптивой Совки — это лишь малая часть его забот.

На карте области хорошо виден обширный бассейн реки Пры. Это огромная впадина с непросыхающей красноватой водицей. Из этой

Земли, которые еще предстоит осушить...

впадины какой сброс избыточных вод? Никакого сброса. Вот и Совка, приток Пры, с мая по сентябрь разливается, подпитывает болота на радость гнусу да острой, несъедобной травке по имени щучка.

Ну, с Совкой теперь решено окончательно. Дамба поведет ее по новому руслу. Это работа надолго. Надо сделать десятки расчетов, начертить сотни чертежей. Каждый уклон и пригорок учесть. Но кое-что можно и сейчас увидеть.

Было тут такое гнилое местечко — Макеевский мыс. Недаром так назван, клином встал на пути мелиораторов. Пришлось мыс перепахать, под землей проложить дренажные трубы. По ним ржавая вода сбегает постепенно в вырытые вокруг поля каналы. Подсыхает поле. Хотя какое это поле?.. Почва кислая, неподходящая, значит, нужно поле лечить. Почвоведы подсказали, сколько извести привезти сюда, сколько органических удобрений. Гидрогеологи нашли, где брать воду, где ставить насосы. Насосы погонят озерную чистую воду на поле, а «Волжанка» — дождик такой на колесах — оросит посевы.

— Хотите посмотреть, какой он сегодня, Макеевский мыс? — спросил Иван Иванович.

И вот мы приехали сюда.

Неужели тут были сплошные болота? Не верится. Огромная, глазом не охватишь, пашня. И на ней вот такие кочаны капусты — с трудом поднимешь.

Иван Иванович улыбался. Радовался, что мелиораторы смогли подарить людям две тысячи гектаров плодородной, заново открытой земли. Не где-нибудь в дальних краях, а рядом с Рязанью, в самой середке Нечерноземья.

Возле только что рожденного поля на Совке возник новый совхоз — Мещерский. Уютный, сельский городок. В кирпичных домах все городские удобства: газ, горячая вода, ванные...

Жители окрестных деревень назвали совхозный поселок Красным селом. Кстати говоря, речка Совка совсем недалеко пролегает.

В нашей поговорке красное село, откуда сова летела, придуманное. А Красное село на Макеевском мысу — настоящее, с конкретным адресом: Клепиковский район Рязанской области.

Я стоял на пригорке и любовался поселком, его отвоеванной у болот плодородной пашней.

А мелиораторы дальше идут. Макеевский мыс — только начало наступления, начало трудного похода на топкие кочкарники и ржавые зыбуны.

Про земляничную поляну

Как много надо знать директору мелиоративного института! Настоящий лекарь земли, он должен помнить много всяких рецептов: как эту землю выходить, как лучше и с большей выгодой использовать ее.

Вот Иван Иванович советует председателю колхоза:

— Вам осушили площадь? Так вот: не сажайте здесь ранние сорта капусты.

— А какие же?

— Лучше приживутся сорта более поздние — Слава, Подарок. Всякий овощ, особенно на осушенных землях, должен знать свое время.

— Сорт Подарок, говоришь? — Председатель

колхоза рад, точно Иван Иванович и в самом деле вручил ему подарок.

Теперь и морковка на бывших болотах может прекрасно расти. Так ведь и морковкой следует толково распорядиться. Подобрать площади, которые раньше всех под весенним солнышком просыхают, внести перед посевом азота и фосфора точно по рецепту. Только тогда морковка по имени Витаминная вырастет на славу.

Слушаю я Ивана Ивановича и говорю:

— Не знал, что мелиоратору еще надо быть агрономом.

— А как же! И не только агрономом. Еще и химиком. Понимаете, высвобожденная из-под болот земля — она, как ребенок новорожденный. Особого ухода требует. Особого, если хотите, кормления. Да, да.

— Почему так? — интересуюсь.

— Потому что в торфяных болотах микроэлементов не хватает.

И Иван Иванович, словно учитель химии, наставляет:

— Знаете ли вы, например, что если в ста граммах почвы окажется менее трех миллиграммов меди, то на наших землях половины урожая не досчитаешься?

— Не знал я этого...

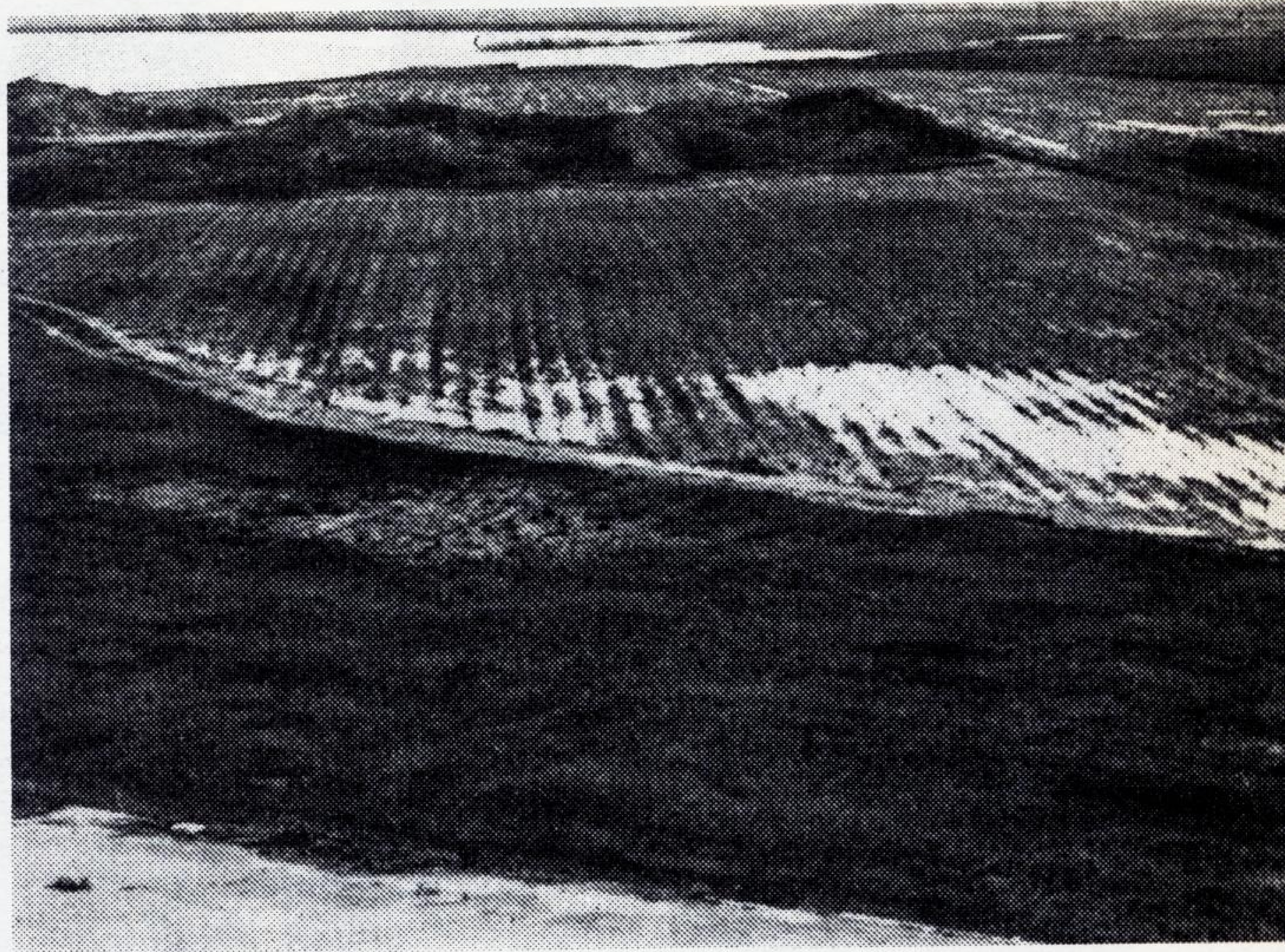
— То-то и оно, — сердится Иван Иванович. — Под корнеплоды на наших землях бор надо вносить. Замачиваешь семена — про цинк не забудь. Бобовые молибдена требуют. Потом полю еще магний подавай.

День за днем узнавал я, что на новых землях сеют и сажают хлеб и кукурузу, просо и свеклу, клевер и люцерну, капусту и морковь.

И даже... землянику. Тут Иван Иванович даже причмокнул от удовольствия. Это он вместе со своими товарищами по институту придумал проект, который так и назван — «Ягодники».

Имелся в совхозе имени Ленина один никуда не годящийся участок — двести гектаров. Все называли его бросовый. Это равнина, где со всех сторон пологие склоны к балкам и речкам. А в научном описании сказано: «Микрорельеф отличается большим количеством блюдцеобразных впадин».

Собрался однажды Иван Иванович в совхоз.

А это поле раскинулось там, где были болота.

Что за бросовый участок с блюдцеобразными впадинами?

Прошелся, осмотрел земли. Ах, какое дивное место! Просто на удивление — серые лесные почвы. Да сама природа подсказывает: раз почвы лесные, так и выращивай ягоду лесную. Но вот беда: не держится вода в «блюдечках», вытекает по склонам. Сушь, сушь, сушь.

Если бы исправить положение! Как? Орошать поляну...

Неподалеку от деревни был замечательный пруд. Поставили насосную станцию. Служи, пруд, земляничной поляне, отдай ей свою светлую родниковую воду! В любое время дня и ночи организуем дождик над бывшей бросовой землей.

Ох, какая щедрая теперь эта поляна: с одного гектара дает шесть тысяч килограммов земляники! Это самая большая и самая сладкая земляничная поляна в Рязанской области.

Но их тут будет с каждым годом больше и больше. Между прочим, Иван Иванович сам большой любитель лесной земляники. Но это никому не возбраняется. Даже директору крупного проектного института...

Ирина СТРЕЛКОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

ПОВЕСТЬ

От автора

Мой герой Володя Киселев работает в музее. Из музея исчезла картина. Расследовать преступление поручают лейтенанту милиции Фомину. Тайком от своего школьного товарища Николая Фомина Киселев тоже пытается отыскать преступника, и в конце концов ему удается вернуть в музей похищенную картину.

О приключениях Киселева и Фомина я рассказала в повести «Похищение из провинциального музея».

Но так получилось, что школьные товарищи Володя Киселев и Николай Фомин вновь встретились на страницах повести. И хотя Володя дал себе слово больше не соперничать с Фоминым, волей случая он снова оказывается помощником Николая. Вы можете сами убедиться в этом, если прочтете повесть «Знакомое лицо», вторую из цикла детективных повестей, над которыми я сейчас работаю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Проводив сестру Таньку и ее друга Сашу в Москву, Володя засел за монографию о художнике Пушкове. «Я исследователь, — убеждал он себя, — литератор, а не детектив...» Но работа шла из рук вон скверно. И вот в одно прекрасное утро Володя изорвал в клочки неудачную страницу, поднялся в кабинет Ольги Порфирьевны и с порога заявил, что намерен составить научно обоснованный маршрут экскурсии по монастырю.

— Там семнадцатый век! Там вся история возвышения и падения патриарха Никона!

Ольга Порфирьевна не возражала.

Понедельник — нерабочий для музея день, и Володя настроился с утра пораньше приступить к осмотру монастыря. В нескольких шагах от его дома начиналась тропинка, петляющая вверх по холму к пролому в монастырской стене. Мальчишкой Володя взлетал по тропинке одним духом. Посадские ребята облюбовали монастырское подворье для игры в двенадцать палочек. Колька Фомин жил тогда в бывшей монастырской гостинице. А в одной из келий жила Володина и Колькина одноклассница Валька Семенова, ничем не примечательное существо. И еще обитал там Алька Петухов, по прозвищу Аль-Капоне — гроза всех посадских.

Поразмыслив, Володя пришел к выводу, что сегодня ему противопоказан кратчайший путь на монастырское подворье. Сегодня он пойдет через главные ворота, историческим путем богомольцев, словно бы смешавшись с ними, как и они, в жалком рубище и с посохом в руке!

Узкими проулками меж глухих садовых заборов Володя выбрался на улицу Лассаля, главную магистраль Посада. Недавно ее заасфальтировали. Булыжник XVII века остался лишь на крутом подъеме к воротам монастыря, над которыми висела облупленная табличка: «Улица Лассаля, дом № 122».

Во дворе, выложенном плитами песчаника, с каменным корытом посередине — в старину тут был монастырский водопровод — на веревке реяло белье. У дверей бывшей монастырской гостиницы стояли детские коляски, красная и синяя, а возле паперти собора — оранжевый мотоцикл. По плитам песчаника расхаживали меченые лиловыми чернилами куры. Привязанная к колышку коза прогуливалась по скупо отведенному ей пространству в монастырском саду.

Чтобы проникнуть в глубь времени, Володя закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Он не должен видеть ни белья, ни колясок, ни кур, ни козы, только постройки XVII века. Мощнейшие стены. Башни, крытые медным листом... Путятинская мужская обитель.

— Руки вверх! — рявкнул кто-то за спиной.

От неожиданности Володя вздрогнул: что за дурацкие шутки? Перед ним стоял не кто иной, как лейтенант милиции Н. П. Фомин, старинный его приятель еще со школьных лет.

— Здорово я тебя напугал? — спросил Фомин, широко улыбаясь.

Выглядел Николай более чем странно. Штаны с заплатами на коленях, линялая ковбойка, капроновая шляпа с изломанными полями. В руках зачехленные удочки и ржавая банка с червями.

— У тебя вид тщательно замаскировавшегося сыщика, — уколол Володя в ответ на глупую шутку.

После истории с кражей из музея картины художника Пушкова бывшие одноклассники остались в невыясненных отношениях. При встречах холодно раскланивались, но не заговаривали друг с другом. Однако сегодня Фомин держался как ни в чем не бывало.

— Неужели? — спросил Фомин нарочито невинным голосом. — Штаны — батины, шляпа — дедова. По семейным поверьям, приносят рыбацкую удачу. Иду на заветное дедово местечко, у меня сегодня отгул.

Володе хотелось, чтоб кто-то послушал сейчас то, что он собирался потом рассказывать экскурсантам об этом монастыре, о патриархе Никоне, о расколе в церкви, о раскольниках... Фомин вполне годился на роль экскурсанта. Но слушать Володю не захотел.

— Извини! — бесцеремонно перебил он Киселева. — Что-то я не настроен слушать лекцию. Да и клев боюсь пропустить. Насчет Никона ты расскажешь как-нибудь в другой раз... — и, вроде оправдываясь, добавил: — Мне надо еще забежать на минуту тут к одному старику, передать привет от деда...

И Фомин повернулся к Володе спиной, пошел прочь, как всегда, самоуверенный, непробиваемый Фома.

— Постой! — закричал вслед ему Володя, молниеносно забыв обиду. — Я с тобой, можно? — Примирительно попросил он, догнав Фому.

— Зачем тебе? — Фомин устремил на Володю профессионально проницательный взгляд.

— Мне очень нужно. Побывать в кельях, посмотреть, как жили монахи. В одном старинном описании упомянуто какое-то загадочное воздушное отопление...

— Врут! — уверенно заявил Фомин. — Стояли обыкновенные печи, жрали уйму дров.

— Но вы жили в бывшей гостинице. А в кельях, возможно, все было по-другому. В книге написано, будто бы в кельях топки были только на первом этаже у простых монахов и оттуда каким-то образом теплый воздух подавался наверх, в кельи ученых монахов.

— Ты не доверяй поповским книжкам, — уверенно посоветовал Фомин. — Что ж, пойдем, проверим и разоблачим. Считай, что тебе повезло.

Длинное здание келий делилось на две половины церковью с очень тонкой и очень высокой колокольней. Фомин повел Володю в правое крыло здания. За распахнутой настежь дверью открывалась узкая лестница на второй этаж.

— На первом этаже Петуховы живут и Семенова. — Фомин показал на обитые мешковиной двери по обеим сторонам небольшой каменной площадки. — Помнишь Вальку Семенову? Она теперь в нашей школе физику преподает, получила квартиру в новом доме, а мать отказалась переезжать. У тетки Семеновой тут коза и еще всякая живность. — Фомин вел Володю вверх по узкой, крутой, плохо освещенной лестнице. — У стариков свои привычки. Мой дед, когда переезжал, ворчал: хороша квартира, да выноса нет. То есть ни подвала, ни сарайчика. Тут в монастыре насчет выноса будь здоров! Хватило бы на целый микрорайон. Если интересуешься, можем потом пройтись по здешним подземельям.

На площадку второго этажа тоже выходили

Дверь отворилась, выглянул мальчишка в очках...

две двери, обитые уже не мешковиной, а дерматином.

— Внимание! — весело сказал Фомин, нажимая кнопку звонка. — У Анкудинова звонок с фокусами.

За дверью действительно грянула африканская барабанная дробь. Дверь отворилась, выглянул мальчишка в очках, испуганно отпрянул.

— Вам кого?

— Анисим Григорьевич дома? — спросил Фомин.

— А вам он зачем?

Володя мог поклясться, что очкарика не обманул рыбацкий маскарад Фомина. Мальчишка узнал работника милиции. Узнал и испугался.

Мальчики-очкарики всегда имеют вид круглых отличников, разрядников-шахматистов, но на самом деле впечатление может оказаться обманчивым.

— Так дома дед или нет? — переспросил Фомин.

— Женя! — послышался из глубины квартиры стариковский голос. — Кто пришел?

— К тебе! — недовольно прокричал очкарик.

— Пускай войдут! Я сейчас! — отозвался дед.

Николай и Володя вошли в квадратную комнату под сводами.

— В кельях всюду одинаково, — принялся разъяснять Фомин. — Стандартная планировка. Из прихожей четыре двери ведут в кельи.

Мальчишка, навострив уши, слушал Фомина. Володя вертел головой, разглядывая прихожую. Да, капитально строили монахи, не то что сейчас. В панельных домах каждый чих слышен сквозь стены и потолки. А здесь — тишина. Даже те стены, что разделяют кельи, толщиной в метр, — видно по дверным проемам. А двери-то, двери... Дуб!

Одна из дверей отворилась, вышел сухонький старичок в железных очках.

— Извините, дело стариковское, вздремнул.

— Вы нас извините, дядя Анисим! — попросил Николай.

Услышав его голос, старик склонил голову набок, пригляделся повнимательнее.

— Коляня?

— Я! — подтвердил Фомин.

— Теперь и в очках плохо вижу, — пожаловался старик, — только по голосу признал. Фоминский голос у тебя, как не признать. — И забеспокоился: — Тебя Ваня послал? Случилось что?

— Все живы, здоровы! — успокоил Анкудинова Фомин. — Я рыбачить шел. Да вот встретился товарищ из музея, интересуется, как тут монахи жили. Говорит, неловко врываться к незнакомым людям, вот я и привел его к вам.

Старик слушал и одобрительно кивал головой.

— Чего ж не показать! Глядите! С моей кельи и начнем.

Николай и Володя пошли вслед за стариком. Над головой тяжелые своды. Стены чисто выбелены. Узкое оконце похоже на бойницу.

Володя изумился:

— Откуда здесь столько света? При такой тяжести сводов над головой?!

— Своды, говорите, давят? — Старика Анкудинова, по всей видимости, обрадовали Володины рассуждения. Ему был приятен Володин интерес к зданию, где он прожил почти всю жизнь. И он охотно объяснял то, что знал сам: — Вы приглядитесь. В этих сводах как раз и таится секрет хорошего освещения. Обратите внимание: оконце расширяется внутрь. Свет вливается с улицы и расходится по полукружьям сводов...

— Да, тут все продумано до мелочей. — Володя обернулся, чтобы еще раз все окинуть взглядом. И увидел, что Женя Анкудинов стоит в дверях. Очкарик уже не выглядел испуганным. Значит, отметил Володя, опасность для него миновала.

Старик водил Николая и Володю из кельи в келью, с жаром разъяснял, каким было монастырское отопление. Топки строили в кельях первого этажа. На следующий этаж теплый воздух поднимался по ходам, специально оставленным в стенах при строительстве. И эти ходы служили не только для обогрева, но и для очищения воздуха — вентиляции. У этих пустот в стенах была и еще одна служебная роль. Благодаря им все кельи прослушивались насквозь. Даже сказанное шепотом можно было разобрать, даже слабый шелест бумаги услышать.

— Монахи терпели, — заключил дед, явно наслаждаясь вниманием слушателей. — Им куда деваться, кому жаловаться? А нам ихний телефон ни к чему. Ткачи, как перебрались сюда, сразу стали затыкать эти отверстия. Да и с топливом тогда приходилось трудно, поставили в

кельях буржуйки, вывели в окна железные трубы. Потом настоящие печи появились. И старую систему теперь уж вряд ли восстановишь. Да и незачем.

Старик повел еще к одной двери и постучал.

— Нельзя,— недовольно отозвался изнутри внук.— Я заряжаю!

— Там у нас с Женей фотолаборатория и мастерская, — похвастался старик.— Верстачок, токарный станочек. Все сами, своими руками.

И перевел разговор:

— А я хотел вам про водопровод рассказать: при монахах воду из реки качали по подземным трубам в колодец, который выкопан тут посреди двора. В случае вражеской осады монастырь без воды не оставался. Когда монастырь закрыли, монахи разрушили тут всю водную систему. Нам пришлось возить воду с реки в бочках, пока горкомхоз не раскошелился на новый водопровод. А старинные трубы в земле лежали-полеживали. Чистый свинец. В войну, правда, пригодились, выкопали их — и на переплавку, на пули...

— Вы по-прежнему все сами, своими руками? — Фомин ловко вернулся к разговору, показывая на закрытую дверь в мастерскую.— И пчел по-прежнему держите?

— Есть и пчелки. Пять ульев,— словно извиняясь, подтвердил старик и позвал к столу чай пить.

Получилось, что они сами напросились на угощение. За чаем с медом дед Анкудинов и Фомин перебрали всех знакомых, кто еще жил в монастыре. И Володя подумал, что его школьный приятель неспроста расспрашивает про своих бывших соседей и больше всего про красавицу Веру, дочку Каразеевых. И про всех ее поклонников.

— В подземелье хочешь заглянуть? — спросил Николай Володю, когда они вышли на улицу.

— Я тебе и там нужен для прикрытия? — недовольно пробурчал Киселев.

Фомин засмеялся.

— Нет, только для компании. Там темно и жутковато.

В подземелье вел пологий каменный спуск, туда когда-то заезжали на телегах. С детства Володя помнил ближнюю, небольшую часть монастырских хранилищ. Теперь они с Фоминым прошли через все каменные коридоры и отсеки. Тут действительно можно было разместить продовольствие на год вражеской осады. Путятинский мужской монастырь, как и все русские монастыри, всегда был готов к защите от врагов. Но этому монастырю посчастливилось не испытать ни одного нападения.

— Ну и как? Доволен осмотром? — не без иронии спросил Володя, который ничего интересного, кроме сырости, паутины, выброшенного за ненадобностью хлама, не увидел.

— Вполне,— благодушно отозвался Фомин.

— На самом деле пойдешь ловить рыбу?

— А почему нет? Кстати, у меня две удочки. Приглашаю. Посидим в лодке, помолчим. Милое дело — рыбалка.

Фомин уговаривал слишком настойчиво. И Володя заподозрил, что Николай намерен таким образом отделаться от него. «Назло ему пойду!» — решил Киселев.

Фома направился к лазу, который вел к реке, и пропустил Володю вперед. Внизу река делала крутую петлю, охватывая подножие холма. У воды раскинули ветви могучие старые ивы. Под самой старой, самой могучей и, быть может, самой мудрой ивой покачивалась щегольская лодочка.

— Твоя?

— У Витьки еле выпросил.

Витька, старший брат Фомина, работал начальником ткацкого цеха и слыл заядлым рыболовом.

Володя устроился на носу лодки. Николай оттолкнул ее от мягкого травянистого берега, сел на весла и отгреб метров на десять. Якорем служил камень. Фомин осторожно, без плеска спустил камень на дно.

— Сейчас и у самого берега клюет и на глубине.— Фомин насадил червя, поплевал и забросил поплавок к берегу, в светлое местечко среди зарослей камыша.

Володя нарочно передвинул поплавок подальше от крючка и закинул свою удочку с противоположной стороны, на глубину. Теперь он и Фомин сидели спиной друг к другу.

— Есть! — Фомин подсек и вытащил окунишку, умещавшегося поперек ладони. Бережно, чтобы не порвать губу, снял окунишку с крючка и бросил в камыши. Неторопливо сыскал в банке червя подлинней, насадил и старательно поплевал.— Слушай, Киселев, ты вообще-то не трепач, тебе можно сказать.— Он привстал, напружинил удилище и послал червя точнехонько на прежнее место меж камышинок.— К тому же и нет никакого секрета...

Фомин сделал паузу, но Володя безучастно помалкивал. Фомин достал сигареты, перебросил пачку Володе.

— Ах, да ты не куришь! — спохватился он.— Давай сигареты обратно. Что ж, могу поделиться. Дело скучнейшее. Никаких тайн, никакой психологии, никаких экскурсов в историю. Рассказать?

— Валяй,— равнодушно согласился Володя, не сводя глаз с задрожавшего поплавка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Так вот, из клуба украли четыре фотоаппарата...

Клуб Путятинской фабрики был построен в конце двадцатых годов по проекту архитектора-модерниста. Согласно смелому замыслу, здание приобрело форму веретена, поставленного торчком. Веретено пронизывали насквозь витки стальной винтовой лестницы. Сначала все восторгались. Однако вскоре выяснилось, что от

кругов и витков темнеет в глазах. И вообще клуб неудобен. Тогда к веретену пристроили нормальный первый этаж, нормальные лестницы через все этажи. Фасад украсили шестью колоннами, а на фронтоне поставили фигуру работницы с веретеном в руке.

В детстве Володя занимался тут в изокружке. Но славой и гордостью клуба всегда считался ансамбль песни и пляски: он занимал призовые места на всех областных смотрах.

Пространство перед входом в клуб, как, впрочем, и весь отрезок улицы на двести метров от клуба в сторону вокзала и на сто пятьдесят в сторону фабрики, образует городской пятачок, непременную принадлежность российских небольших городов. Вечерами тут народу — не протолкнуться.

В тот вечер, о котором начал рассказывать Володе Фомин, на пятачке было особенно людно. В клубе шла кинокомедия с участием Евгения Леонова. Подъехала грузовая машина. Из кабины выбрался с тяжелым чемоданом в руках руководитель фотокружка Валерий Яковлевич Шарохин.

Кто-то из стоявших у двери громко спросил:

— Валерий Яковлевич! Привезли?

Как удалось установить позже Фомину, вопрос Шарохину задал активист фотокружка, старый работник горкомхоза.

— Привез, привез. Завтра увидишь! — ответил Шарохин и понес чемодан в клуб.

В чемодане лежали четыре фотоаппарата. На другой день утром Шарохин обнаружил, что они исчезли.

Выслушав Фомина, Володя небрежно заметил:

— Да, уж действительно дело не крупное. Сколько стоит фотоаппарат? Рублей двадцать?

— Ошибаешься! — возразил Фомин. — Зенит-ТТЛ с объективом «Гелиос» стоит двести сорок рэ. Помножь двести сорок на четыре...

— Шарохин шумит? — Володя не раз был свидетелем жарких споров руководителя фотокружка с директором музея. Ольга Порфирьевна придирчиво рассматривала заказанные музеем снимки и тщательно проверяла представленный счет. И начинался бой за каждую копейку.

— Нет, Шарохин скис! — Фомин усмехнулся. — Шумит Анфиса Петровна. На Шарохина раскричалась и на меня заодно. Как говорится, вынь и положь ей четыре коробки с фотоаппаратами. Собаку требовала для розыска. А что там делать собаке, если спозаранку уборщицы надраили полы мастикой!

— Мастикой? — Володя насторожился. — Учти, Фома, натирка полов идет по графику. Шарохин о ней заранее знал.

Дельный совет, к Володиному сожалению, Фомин пропустил мимо ушей. Среди рыбной мелочи на светлом мелководье началась паника. Матерый окунище распугал окунят и с налета хапнул червя. Фомин выволок окуня в лодку, подлил на дно водички, пустил красноперого плавать и не спеша продолжал рассказ.

Шарохин взял для поездки в Москву один из тех чемоданов, в которые знаменитый ансамбль песни и пляски укладывает костюмы, отправляясь на гастроли. В Москве Шарохин набил чемодан до отказа химикалиями, пленками, фотобумагой, а сверху бережно поместил четыре коробки с фотоаппаратами. Замков на чемодане давно уже не было, и закрывался он на две самодельные петли, устроенные довольно хитроумно, — не сразу и сообразишь, как их отпереть.

Московский поезд приходит в Путятин вечером. На платформе Шарохину встретился знакомый шофер, он довез Шарохина до самого клуба.

Когда Шарохин с чемоданом вошел в клуб, зрителей стали пускать в зал на новый сеанс.

Фотокружок ютился в крошечной комнатушке на втором этаже. В самом начале коридора, который вел к фотолаборатории, располагался кабинет директора клуба. Дверь кабинета Анфисы Петровны непременно распахнута настежь. Это, по ее выражению, помогает ей всечасно держать руку на пульсе шумной клубной жизни.

Увидев Шарохина, Анфиса Петровна крикнула ему вслед:

— Отнеси чемодан и заходи!

Шарохин отнес чемодан в фотолабораторию, снял плащ и пошел к директору. Говорили о предстоящей фотовыставке. Минут десять, не больше. Потом Шарохин вернулся в фотолабораторию, взял свой плащ, запер дверь и отправился домой. Время было уже позднее.

На другой день Шарохин открыл чемодан и обмер: коробки с фотоаппаратами исчезли. Шарохин бросился звонить в милицию.

Фомин с первого взгляда обнаружил, что замок на двери фотолаборатории липовый, отпирается любым ключом. Вор мог открыть дверь и украсть фотоаппараты когда угодно. Мог и в те десять минут, когда Шарохин беседовал с директором, а дверь фотолаборатории, как оказалось, оставалась незапертой. Анфиса Петровна упрекала Шарохина за возмутительную халатность. Он, по ее мнению, не имел права оставлять дверь открытой. Но фотоаппараты могли украсть и в поезде, поскольку чемодан не запирался.

Володя иронически улыбнулся:

— Шарохин, между прочим, мог загнать фотоаппараты в Москве. Никто в Путятине их не видел. Так?

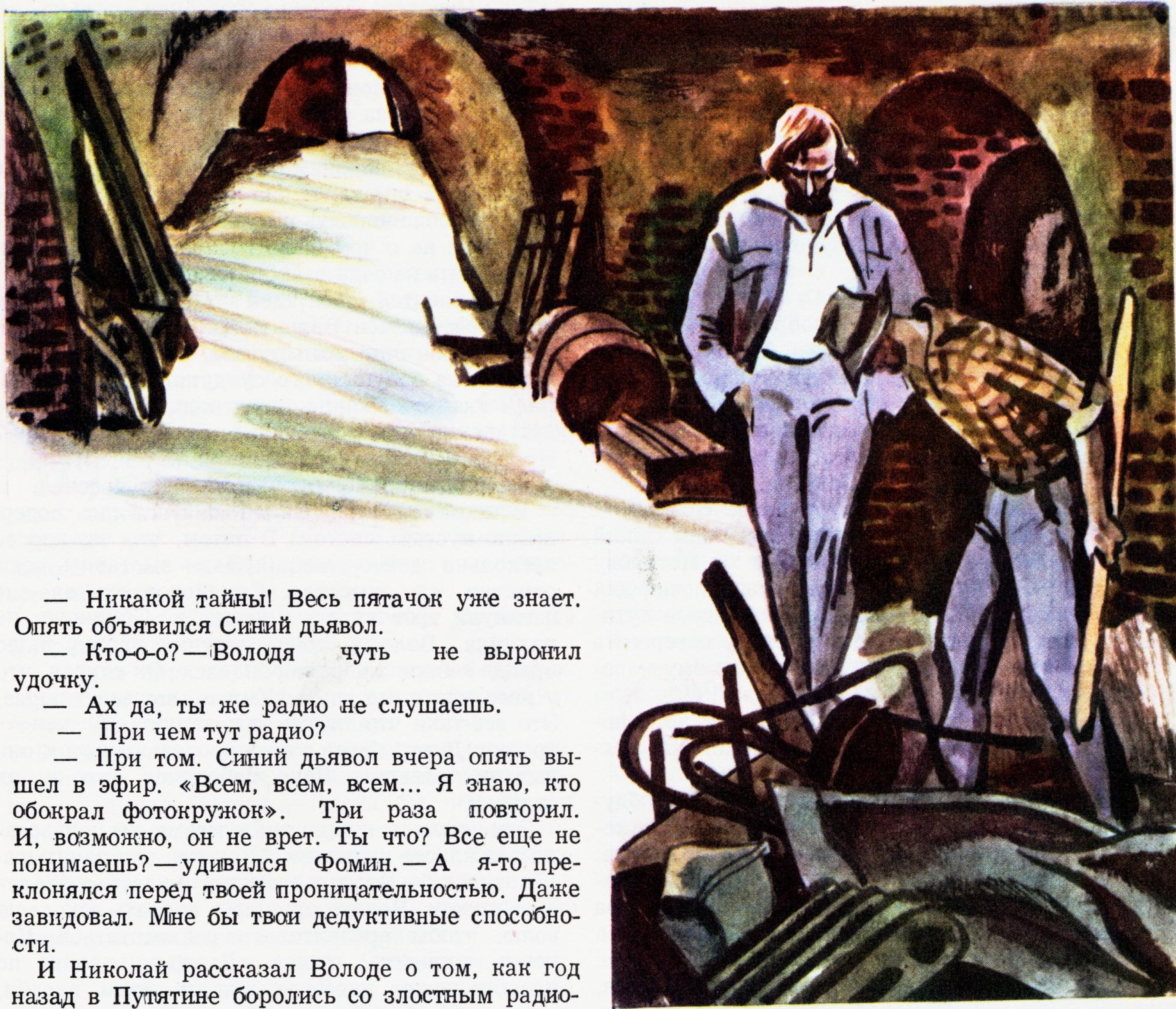
— Хватай! — неожиданно крикнул Фомин так, что Володя даже вздрогнул. — Уйдет!

Володя невольно оглянулся. И увидел, как Фомин растопыренной пятерней поймал рыбу.

— Плотвичка! — удовлетворенно заключил он. — А я-то смотрю, кто там хитрит, водит...

— Ничего нет хуже мелких дел. — Фомин забросил удочку снова. — Эти четыре коробки могут как в воду кануть. Выплывут, конечно, со временем. Но пока...

— И что же пока? — недоверчиво спросил Володя. — Все стоит на месте или это служебная тайна? Тогда можешь не говорить...

— Никакой тайны! Весь пятачок уже знает. Опять объявился Синий дьявол.

— Кто-о-о? — Володя чуть не выронил удочку.

— Ах да, ты же радио не слушаешь.

— При чем тут радио?

— При том. Синий дьявол вчера опять вышел в эфир. «Всем, всем, всем... Я знаю, кто обокрал фотокружок». Три раза повторил. И, возможно, он не врет. Ты что? Все еще не понимаешь? — удивился Фомин. — А я-то преклонялся перед твоей проницательностью. Даже завидовал. Мне бы твои дедуктивные способности.

И Николай рассказал Володе о том, как год назад в Путятине боролись со злостным радиохулиганством.

Казалось, что всех мальчишек Путятина да и парней постарше охватило повальное увлечение: мастерили простейшие радиопередатчики и выходили в эфир на средних волнах. Мешали служебным переговорам авиации, «Скорой помощи», пожарным. «Ковбои» и «пираты», «сатурны» и «юпитеры», «тарантулы» и «крокодилы» — так они именовали себя — занимались глупой болтовней и передавали музыку по заявкам слушателей. Случалось, что Ковбой диктовал Сатурну решение задачи по алгебре, заданной в школе на дом. Сначала главенствовал Тарантул, потом королем эфира стал некий Черный пират, как впоследствии установили — шестиклассник Васька Петухов, ровно ничего не смысливший в радиотехнике. Черный пират пел под гитару песни весьма сомнительного содержания и пересыпал их бранью.

Тут вышел в эфир кто-то новенький — Синий дьявол. Он пригрозил Черному пирату: «Кончай хулиганить или — клянусь небом! — я сообщу всем твое имя, фамилию и адрес». Эту угрозу Синий дьявол повторил и на другой вечер. Васька Петухов струсил, прекратил свои передачи. Синий дьявол больше в эфир не выходил. А вскоре комсомольцы из дружины по охране

Путятинский мужской монастырь... Тут действительно можно было разместить продовольствие на год вражеской осады.

порядка взялись пеленговать радиохулиганов, и на средних волнах все успокоилось.

Володя обиженно фыркнул:

— Так вот для чего ты заходил к Анкудиновым! Подозреваешь, что Женя и есть Синий дьявол? А кражу совершил Васька Петухов. Кстати, Женя тебя испугался! И в фотолабораторию не хотел нас пускать. Он наверняка ходит в кружок к Шарохину. Улавливаешь?..

— Сменил бы ты червя, — благодушно пробурчал Фомин. — Рыбы его давно обсосали, пока ты философствуешь.

— Проверим! — Володя эффектно взмахнул удочкой. На крючке бодро извивался целехонький червяк. — Вот видишь, Фома! Все в порядке! — Володя развернулся слишком лихо. Крючок залетел в камыш и зацепился намертво.

— Могу ли я считать, что ты обратился ко мне за советом? — невозмутимо спросил Володя.

— Я? К тебе? За советом? — Фомин вскочил, лодка угрожающе качнулась.

И это означало, что Фомин больше не вымолвит ни слова, а Киселев — хочет того его друг или не хочет — не сможет больше оставаться в стороне от захватившего его дела.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Фомин причалил лодку к берегу и высвободил крючок. Володя отдал ему удочку и направился вверх к лазу.

— Год назад, — рассуждал Володя, — некий Синий дьявол припугнул разоблачением Черного пирата, по всей вероятности, Ваську Петухова. Васька перестал хулиганить в эфире. Теперь тот же Синий дьявол снова бросал в эфир вызов: ему известен вор, похитивший в клубе фотоаппараты. Из этого Фомин делает вывод, что в краже замешан Васька Петухов.

— Но постойте! — вслух произнес Володя. — Постойте, следователь Фомин! Если ваш Синий дьявол — Женя Анкудинов, то враг он Петухову или друг? Вот тут-то и возникает зацепочка для ума, привыкшего открывать нешаблонные пути. Если враг, то зачем Синему дьяволу остерегать Черного пирата? Если друг, то зачем ему наводить милицию на Ваську Петухова?! При этом не исключено, что кто-то другой мог воспользоваться именем, которое милиция не раскрыла...

Теперь Володя мысленно перебирал и обдумывал все, что уже знал. Почему Женя не хотел показывать Фомину свои снимки? А Фома, каков хитрец! Интересовался поклонниками Каразеевой! Зачем они ему? Какой-то поммастера из прядильного Евдокимов. Танцор из клубного ансамбля Жора Суслин работает в телеательє. Шофер автобуса Вокзал — Посад рыжий Митя, который по утрам нарочно копается в моторе, дожидаясь смуглую красавицу Каразееву. Фома хотел на Женькиных снимках увидеть их лица!.. Или одно лицо? Скажем, Петухова?

Володя тщательно отряхнул запылившиеся брюки, обтер о траву забрызганные илом ботинки, нырнул в лаз и увидел в десяти шагах от стены девушку в старинном наряде. В тени, под древней яблоней на коврике сидела с книгой на коленях Валька Семенова.

— А-а-а... Киселев... — У бывшей круглой троечницы за эти годы успел появиться строгий учительский взгляд и в голосе зазвучали требовательные нотки. — Ты что тут поделываешь? — строго спросила она, словно Володя был ее нерадивым учеником.

— Дышу свежим воздухом. — Киселев подумал с сожалением, что иронизирует на уровне десятиклассника.

— Ты все такой же, — снисходительно заметила Валентина Петровна. — Скажи, тебе еще не надоело корпеть в музее?

— Нет, не надоело, — сухо ответил Володя.

— Извини, я тебя забыла поздравить!

— Интересно, с чем?

— Как с чем? Твоя Татьяна поступила в институт! Она молодец! Я ей всегда говорила: «Ты, Киселева, очень способная, только ленишься учить».

Володя заскучал. Можно представить себе, как серо, шаблонно ведет Семенова уроки физики. Наверняка ей опостылели школа, коллеги по работе, ученики, не проявляющие никакого интереса к законам термодинамики. Да, ей опостылела школа, и она уверена, что Володе тоже надоело корпеть в музее.

Володе не о чем было говорить с Семеновой. Но уходить из сада расхотелось.

— Нравится тебе мой наряд? — с вызовом поинтересовалась Валентина Петровна и пощипала сборки широкого рукава. — Только что вытащила из бабушкиного сундука. Выходной наряд ткачихи конца девятнадцатого века. Не хватает козловых сапожек со скрипом. Ну, как? Нравится?

— Ничего, — пробурчал Володя, краснея.

В школе Валька Семенова считалась совершенно пустым местом. В пятом, что ли, классе несколько девчонок придумали выставить всем отметки «по красоте». Семеновой они еле-еле натянули троечку с минусом, и Семенова не пикнула. Володя тоже получил тройку и, по правде говоря, здорово обиделся. Он считал, что у него красивые глаза. Умные, выразительные. Это все-таки что-нибудь да значит! А они — тройку. Дуры! Фоме с его поросячьим носом они вывели четверку. Явно побоялись, что он их отлупит.

Эти дуры с куриными мозгами не пользовались в классе влиянием. Но когда они зачитывали отметки — Володя заметил! — класс оказался в их власти. Володе пришлось собрать всю свою волю, чтобы презрительно расхохотаться. Конечно, мужчине проще. Девчонку тройка по красоте может навсегда лишить веры в себя, унизить и обезобразить. Девочке надо с малых лет внушать: «Ты прекрасна, мила, пригожа...» Тогда она вырастет красавицей.

Таньке Володя с малых лет внушал, что она красавица. Навнушался на свою голову! Но Валька... Володя совершенно не помнил, как она выглядела в школьные годы. Что-то бледное, невыразительное. «Она ли сейчас сидит рядом? — изумлялся он. — Неужели у Семеновой всегда были такие прекрасные серые глаза с коричневыми искорками?»

— Ты что так странно на меня глядишь? — Валентина Петровна отвернулась. — Извини, Володя, я пошутила. Неужели ты на самом деле поверил, что на мне наряд ткачихи из бабушкиного сундука? Я сама сшила! Ты без Татьяны совсем отстал от моды. Правда, что твоя сестра вышла замуж?

— Правда.

— За того художника?

Володя кивнул.

— Вот счастливая! — Валентина Петровна вздохнула. — Живет в Москве. А мы с тобой застрянем в Путятине на всю жизнь. Кому как повезет.

— Нет! — со всей страстью возразил Володя. — Я с тобой не согласен. Я и сам иной раз

переставал верить в себя. Но счастье и несчастье людей зависит не только от внешних обстоятельств, но и от душевного состояния каждого из нас. Эта мысль принадлежит Ларошфуко.

В эту секунду где-то неподалеку заблеяла коза, и все премудрости вылетели из Володиной головы.

— Валь, а Валь... — предложил он, — давай сходим в кино.

Чудесные серые глаза взглянули удивленно.

— А что сегодня идет?

— В клубе — «Как украсть миллион».

— Детектив? — Она безнадежно покачала головой. — Не достанем билетов.

— Будем считать, что ты согласна пойти со мной в кино! — решительно резюмировал Володя. — Насчет билетов не беспокойся!

Он сразу прикинул, что билеты сможет достать через Шарохина. Валерий Яковлевич все сделает для своего постоянного заказчика. Мысль о том, что Шарохину сейчас не до билетов, не пришла Володе в голову.

Они еще поболтали о том о сем. Валентина Петровна взглянула на часы.

— Мне пора. — Свернула полосатый коврик, подняла с травы раскрытую книгу, захлопнула ее и сунула в прозрачную сумку.

Володя узнал обложку популярной серии зарубежных детективов. «Увлекается детективами, — подумал Володя. — Знала бы, кто рядом с ней!.. Представится ли мне счастливый случай блеснуть перед Валентиной своей проницательностью, интуицией, безупречной логикой?..»

— Ты идешь или остаешься? — нетерпеливо окликнула его Валентина Петровна.

— Иду. — Володя взял у Валентины сумку, и они пошли садом. — Валь, у меня к тебе просьба... — Володя почувствовал, что у него созревает неплохой план действий. — Понимаешь, музею нужно переоборудовать несложную радиоустановку. Может быть, кто-нибудь из твоих старшеклассников-радиолюбителей поможет? Мы платим гроши, специалист не согласится...

— Среди нынешних моих учеников что-то не видно радиолюбителей. — Володю смущал ее пристальный взгляд. — Сейчас в школе повальное увлечение мотороллерами и мопедами. Вот разве из прежних кто-нибудь? — Она задумалась. — Петя Евдокимов! Я его недавно встретила. Ужасно хвастался, что установил коротковолновую связь с австралийцем...

— У него свой передатчик дома? — насторожился Володя.

— Нет, в клубе. Петя просиживает там все ночи.

«Вот как! В клубе! Все ночи!» — ликовал Володя.

— Я недавно мельком слышал, — он приотстал от нее, благо дорожка через сад была узкой, — будто какие-то подростки хулиганили в эфире на средних волнах. Твой, наверное, тоже? Ковбой, Черный пират, Синий дьявол — жутко и таинственно. Мальчишкам интересно!..

Валентина Петровна посмотрела через плечо.

— Ладно, не хитри... Если ты обещаешь мне вернуть книгу завтра, скажем, часам к пяти...

Володя улыбнулся: все в порядке — Валя считает, что он заговорил о Черном пирате, чтобы выпросить детектив.

Валентина Петровна обиделась:

— Ах да, как я могла забыть! Киселева интересуют только умные книги.

— Нет, почему же, — возразил Володя. — Можно совмещать. Дмитрий Иванович Менделеев после сорока лет вообще не читал серьезных книг. Только Рокамболя, Поль де Кока, всякую бульварную литературу. Я тоже...

Теперь пришел черед смеяться Валентине Петровне.

— Ты тоже!.. Закон Киселева и Менделеева!

С залитого солнцем двора они попали в темноту длинного тоннеля монастырских ворот. Впереди, в светлом проеме, возникла странная фигура. Плечи непомерно широки, голова непропорционально мала, руки до колен. Человек вразвалочку двигался навстречу.

— Валюха! Сколько лет, сколько зим! — хриплый голос подхватило и усилило каменное эхо.

Глаза Володи успели привыкнуть к темноте. Он разглядел молодого парня с неприятным, одутловатым лицом. Острижен под машинку — поэтому и казалась маленькой голова. Костюм широк, делает парня ниже ростом, почти квадратным.

— Алик! Здравствуй! — воскликнула Валентина Петровна. — Рада тебя видеть.

Квадратный остановился, снисходительно предоставив им возможность подойти к нему, словно к старшему, более уважаемому. Смерил взглядом Володю и просипел:

— Здороваться надо! Плохо видишь? Очки носи!

Володя напрягся.

— Простите, но мы с вами незнакомы.

— Валька! А он туго соображает! Разъясни! — Квадратный хрипло хохотнул и пошел дальше. Там, где темнота тоннеля кончалась и сверкали залитые солнцем плиты двора, квадратный обернулся. Он знал, что ему будут глядеть вслед. — До скорого! — послал он свою угрозу неизвестно кому, Валентине Петровне или ее спутнику.

— Пойдем! — Она взяла Володю под руку. — Ты что? На самом деле не узнал? Это же Алька Петухов.

Валентина Петровна быстро шла вниз от ворот, держась мягкой обочины. Володя еле поспевал за нею по вздыбленным булыжникам.

— Ты, может быть, помнишь... — она говорила, глядя себе под ноги, — в шестом классе... Меня вызовут — стою столбом у доски, а потом иду на место с двойкой в дневнике и с этакой наглой улыбочкой. Не помнишь? Ну да, тебе в шестом не до того было, у тебя мама болела. А я, знаешь, сейчас увижу у какой-нибудь из

В светлом проеме монастырских ворот возникла странная фигура.

девчонок наглую жалкую улыбочку, и сердце заноет. Я-то понимаю, что̀ у нее на душе, когда она так улыбается...— Валентина Петровна остановилась.— Посидим, что ли... О таких вещах не говорят на ходу.

У поворота дороги с давних времен стояла грубая, тесанная топором скамья. Они сели.

— Я, Володя, тогда попала в Алькину компанию. Летом мы собирались где-нибудь в башне, зимой — в подземелье. Алька нас всех держал в руках. Зато и в обиду не давал. В школе — я никто, а в Алькиной компании — королева, подруга атамана. Мальчишки добывали папиросы, вино. Если не достанут, Алька выдаст из припрятанного. Он любил устраивать тайники. Говорил, будто знает, где подземный ход из монастыря. Врал, наверное. Укреплял свою власть. Краденое Алька носил домой. Мать не спрашивала его, откуда взял. Иногда страшно делалось — посадят нас. Всех! Ночью не спишь, думаешь. Но еще хуже,— она зябко поежилась,— Алька и ребята отнимали у маленьких деньги. В кино, около магазина... Отнимут у маленького десять, двадцать копеек, он идет, плачет. Ему на мороженое дали или на кино. Самое подлое дело — маленьких обирать. Говорю Альке — не понимает. «Подумаешь, десять копеек. Ему еще дадут». Дурак несчастный! Самому-то, когда маленький был, много давали на кино, на конфеты? Ничего не давали. Говорю — не понимает. Уйти — боюсь. «Вход — рубль, выход — два». Так нам Алька говорил. Запугивал... И вдруг мне повезло. Врачи нашли ревмокардит, положили в больницу, а оттуда послали в санаторий. Помнишь? Меня с вами не было тогда, в седьмом классе, а потом я приехала...

— Разумеется, помню.— Володя соврал. Никто и не заметил тогда отсутствия Семеновой.

— Я вернулась и нарочно прикидывалась больной, еле-еле ходила. Они от меня отстали. Потом Альку забрали в колонию, вся компания развалилась. Вот так... Люди школы кончают, техникумы, институты, а Петуховы все одной дорогой. И теперь вот младший, Вася...

— Алька давно вернулся?

— Мама говорит, вторая неделя пошла. Она не хочет, чтобы я сюда ходила. Говорит, от Петухова всего можно ждать.

— Но ведь ты его больше не боишься!

— Нет, мне его жаль.— Она помолчала, потом спросила, глядя в упор: — Слушай, Кисель, я плохая учительница? Танька и другие ребята из ее класса тебе что̀ про меня говорили?

— Я и не знал, что ты преподавала в Танькином классе.

— Вот-вот... ну, ладно, не плохая, про плохих хотя бы говорят. Я — средняя.

— Ерунда! — убежденно возразил Володя.— Ерунда все эти разговоры о выдающихся и средних учителях. Есть светила педагогики, но — заметь! — из их учеников, как правило, не выходят крупные ученые, писатели, вообще таланты. И в то же время у всех выдающихся людей были в детстве обыкновенные средние учителя. Кто учил Толстого? Чехова? Кто учил Павлова? Какие-то неизвестные люди.

— Ты помнишь Анну Серафимовну? — спросила Валентина Петровна.

— Прекрасно помню! — подхватил Володя.— Типичная средняя учительница! «Три типа басен дедушки Крылова». «Пять вопросов по образу Евгения Онегина».

— Вот-вот... У другой учительницы мы бы смелее судили и рядили о литературных героях. Зато Анна Серафимовна была добрая. Тебе она разрешала опаздывать, потому что ты отводил Таньку в садик. Двоечников она оставляла после уроков писать диктанты. Никто никогда не хвалил Кольку Фомина, зато Анна Серафимовна никогда не забывала сказать, что он любит

и понимает живую природу, что у него прекрасные голуби и на голубятне всегда чисто. Меня она как-то погладила по голове и сказала: «Деточка, ты Анну Серафимовну не обманешь, тебе на самом деле совсем невесело»... Вот так! Никто и никогда не приезжал к Анне Серафимовне за опытом. Доброте не ездят учиться. Или доброта есть, или ее нет. Мне иногда кажется, что мы в школе больше заботимся о методах, о кабинетах, а о доброте забываем. Ничего не хочу, хочу быть для ребят, как Анна Серафимовна. И чтобы Вася Петухов мог учиться, как все люди! — Она обернулась и погрозила взглядом мрачным монастырским стенам, как давно уже им никто не грозил. — Ваську я не отдам!

Володя смолчал, понуро опустив голову. Он-то знал, кого подозревает в краже Фома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рыбалку Фомин уважал. Сидишь себе, посиживаешь с удочкой, вроде бы ни о чем не думаешь, но именно за этим тихим и мирным бездельем в голову незаметно приходят самые толковые мысли.

Отмахав веслами с полкилометра вверх по реке, Фомин добрался до моста и привязал лодку к бетонной опоре. Рыбацкая удача его не покинула. Вскоре Фомин вытащил приличного подлещика. И пошло...

Первое время его мысли вращались вокруг старшего Петухова. Приходит человек из заключения, и вскоре в городе случается кража. Существует между двумя этими событиями связь или нет?

Фомин отлично помнил, каким был Альфред Петухов в отроческие годы. Ребятами из своей шайки он вертел, как хотел. Алька обладал задатками вожака — властностью, жестокостью. Строил из себя Аль-Капоне. Он и Фомина хотел прибрать к рукам, но не вышло. У Фомина сколотилась своя крепкая компания голубятников. Хитрый Алька то объявлял Фоме войну, то вступал в дипломатические переговоры. Потом Фомины переехали, и вся его компания перебазировалась в район новых домов. Дед выхлопотал в горсовете разрешение построить коллективную голубятню по последнему слову науки.

Алька остался единственным властителем Посада. В городе он появлялся в сопровождении свиты. Впрочем, довольно трусливой. Дрались они только семеро против одного. Малышню обирали и то всей компанией. Подловатый народец подобрался у Альки. Они его мигом продали, как только милиция стала доискиваться, кто украл ящик сигарет из вокзального ларька.

Изучив дела, по которым Петухов попадался после возвращения из колонии, Фомин установил, что Алька с возрастом утратил качества вожака. Никаких крупных, умно организованных преступлений он не совершал. Крал в одиночку и довольно примитивно.

Жильцы монастыря побаивались Петуховых. И больше всех тетка Семенова, до сих пор живущая в монастыре. Она смертельно боялась за свою Вальку еще с Валькиных школьных лет. Еще бы! Девчонка ходила, задрав нос, — подруга атамана, вся шпана перед ней «на задних лапках». Тетка Семенова прибежала тогда к Фоминым, переехавшим в новый дом, просила у деда совета и помощи. Дед придумал отправить Вальку на год в санаторий, уговорил врачей, выхлопотал на фабрике путевку. Валька ни о чем не догадывалась, никто не догадывался. Николай и сам только вчера вечером услышал от деда про путевку.

А старик Анкудинов, между прочим, сообщил нечто важное: Алька Петухов приударяет за Верой Каразеевой, которую с таким упоением фотографирует Женя Анкудинов.

Каразеевых в монастыре числили почему-то цыганами, хотя фамилия скорее была татарская. Смуглые, чернявые, горбоносые. Их отец пришел с войны без ноги, служил на фабрике вахтером. Мать работала в прядильном цехе, стала от вечного шума туговата на ухо и говорила громко. Каразеевы все выросли голосистыми. Жили они дружно, не любили лишних хлопот и осложнений, все у них получалось просто. Заканчивали школу, шли работать. Сыновья уезжали на военную службу, дочери — на учебу или куда-нибудь с мужьями. Теперь с матерью осталась одна только младшая, Вера. Сам Каразеев умер два года назад от рака.

В отличие от старших Вера выросла избалованной. Уж она-то могла закончить десять классов — без всякой вечерней учебы. Но нет. Еле-еле досидела в школе восьмой и пошла работать на фабрику. При этом Вера вовсе не собиралась доучиваться в вечерней школе или в техникуме, а уж тем более перетруждаться в цехе. У нее талант, она солистка ансамбля песни и пляски, ей делают на работе всякие поблажки — то у Каразеевой репетиция, то гастроли, то смотр. Попробовал бы мастер ее не отпустить! Директор клуба Анфиса Петровна сжила бы мастера со света.

Недавно партнера Веры Жорку Суслина, работающего мастером в телеателье, дружинники задержали за нарушение порядка и сообщили по месту работы. В клуб тоже сообщили. И что? Через день Жора выступал на ответственном праздничном концерте. По мнению Анфисы Петровны, Жорку задержали за сущий пустяк. Да еще — стыд и позор! — остригли под машинку, и солисту ансамбля пришлось плясать в парике. Вышло, что дружинники еще и виноваты перед Жоркой, — проявили полное самоуправство.

О талантах солиста Жорки Суслина Фомин был самого невысокого мнения. Суслин не пара Каразеевой. Она — вихрь, огонь, а Жорка — пустое место. Но вряд ли Жорка или Вера Каразеева станут задумываться, как себя вести, пока в клубе будут прежние порядки. И все-таки.

что же общего у клубной знаменитости Каразеевой и вернувшегося из заключения Петухова?

От этой психологической загадки мысли Фомина сделали скачок к младшему Петухову, к Ваське. Васька похож лицом на старшего брата. Но старший невысокий, квадратный, а Васька — типичный акселерат. Отрастил волосы до плеч, обзавелся брюками чудовищной ширины, украсил их по низу цепочкой. Что еще надо? Кроме денег на мелкие расходы, — ничего. Однако, где их взять? Ребята из Васькиного класса давно сообразили: рядом совхоз, там не хватает рабочих рук на прополке, на сенокосе, на сборе ягод. Иди — работай. Но Ваську Петухова в совхоз не заманишь.

В тот вечер, когда Шарохин вернулся из Москвы, Васька по своему обыкновению околачивался возле клуба. Он мог слышать, как фотолюбитель спросил Шарохина, удалось ли ему купить фотоаппараты. И узнал, что покупка сделана.

Пока зрители войдут в зал, рассядутся по местам — проходит несколько минут. Вполне достаточно, чтобы из зала прошмыгнуть в коридор и увидеть, что дверь фотолаборатории не заперта, а Шарохин в кабинете Анфисы Петровны ведет увлеченный разговор. Теперь, предположим, вор крадет фотоаппараты. Выйти с коробками из клуба он не может. Он прячет коробки в укромном месте, возвращается в зал, усаживается на свое место и смотрит фильм. За фотоаппаратами он является потом, допустим, ночью и, никем не замеченный, выносит их из клуба.

Версия возможная, но зачем вору красть в два приема? Зачем рисковать дважды? Не лучше ли пробраться в клуб в более позднее время, тем более, что открыть фотолабораторию проще простого. Возможно, вор знал, что уборщицы придут на другой день спозаранку натирать полы мастикой.

В этом случае то обстоятельство, что дверь фотолаборатории оставалась в течение десяти минут незапертой, могло не иметь никакого значения. Зря Анфиса Петровна поспешила обвинить Шарохина в преступной халатности. Возбужденный и напуганный Шарохин жалуется теперь на Анфису Петровну каждому встречному и поперечному. И, естественно, незапертая дверь стала непомерно значительной деталью, привлекая к себе незаслуженное внимание. А может быть, кто-то нарочно отвлекает следствие от других обстоятельств кражи?

Тут Николай почувствовал, что за его спиной к мосту причалила лодка. Именно почувствовал, потому что лодка подошла неслышно. Николай оглянулся. Сидящий в лодке рыбак тихонько касался воды куцыми, словно обгрызенными веслами. На нем красовалась кавказская вой-

Николай оглянулся.
На рыбаке красовалась
кавказская войлочная шляпа с полями,
загнутыми на ковбойский манер.

лочная шляпа с полями, загнутыми на ковбойский манер.

— Николай Палычу! — шепотом приветствовал путятинский ковбой. Замер в лодке у одной из опор моста, сдвинул шляпу на нос, пошебуршил удочками, затих и — минуты не прошло! — вытащил крупного леща.

Фомин крякнул от зависти. Вот что значит знать место! Старый Евдокимов тоже всегда тут стоит.

Молодой Евдокимов, Петр, после окончания школы ездил поступать в авиационное училище, но не прошел медкомиссию и вернулся. Год болтался без дела, дурил, занимался радиохулиганством под кличкой «Ковбой». Дружинники поймали его на месте преступления. Теперь, кажется, взялся за ум, работает в прядильном цехе помощником мастера. Эту неделю — во вторую смену. Утром свободен. Что еще? Посещает радиокружок при клубе, недавно в городской газете появилась заметка о том, что П. Евдокимов переговаривается по УКВ с Австралией... Бывший Ковбой действительно просиживает все свободное время у коротковолнового передатчика в комнатушке на втором этаже, рядом с кабинетом Анфисы Петровны. Находился он там и в тот вечер, когда была совершена кража.

«Глухая тетеря! — сказала о нем Анфиса Петровна. — Ему хоть стены обвались, от радио не отойдет». А вот Анкудинов видел, что поммастера Евдокимов провожал до ворот монастыря Веру Каразееву...

Фомин прекрасно знал золотое правило не болтать на рыбалке, но не удержался, шепотом спросил:

— Слушай, Петь! Ты сам-то Синего дьявола слыхал?

Евдокимов молча кивнул.

— Прежний? Или кто другой?

— Другой, — без тени сомнения заявил Евдокимов.

— А ты не знаешь, кто тогда назывался Синим дьяволом?

Евдокимов недовольно дернул плечами. Мол, отстаньте, дорогой Николай Палыч! Всю рыбу распугаете! Петр был такой же фанатик рыбалки, как и его отец, от которого даже на суше не добьешься ни слова.

Фомин помолчал и снова завел:

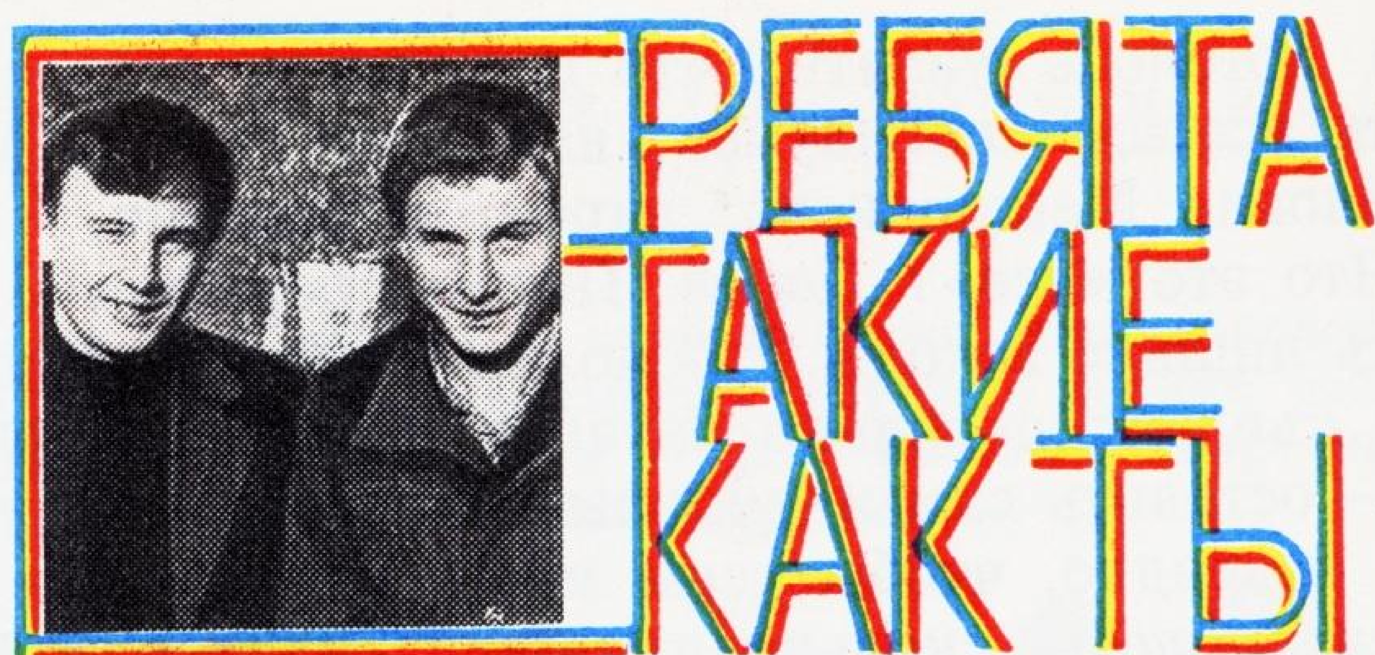
— Петь, ты извини, еще только один вопрос... Относительно Васьки Петухова...

Евдокимов глянул на Фомина злющими глазами и прошипел:

— Ну, видел я его в тот вечер, видел со спины! Васька на лестницу поворачивал. Больше я ничего не видел. У Васьки в руках ничего не было. Все, Николай Палыч! — И Евдокимов демонстративно зажал рот ладонью.

Значит, Васька там все-таки был... Один или с братом? Васька уходил с пустыми руками. Возможно, он лишь караулил в коридоре...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

До встречи в «зеленом доме»!

...Опыт назывался «Влияние сроков посева на урожай столовой свеклы». Урожай был сказочный — 560 центнеров с гектара. Провели его сотрудники... Постойте, какие они «сотрудники»? Учились они тогда в шестом классе и были просто худыми, веселыми и озорными мальчишками. Валера и Володя Масловатые из маленького города Березовки в Одесской области.

Детство их прошло в лесу: Масловатые — потомственные лесничие. Дед и отец — лесники, мама — лесотехник, старшая сестра — студентка лесотехнического института.

А лес учит работать, там вода по трубе не прибежит в дом, электрик не явится по вызову, морковку и картошку нужно вырастить. Лесная работа — это ежедневно десятки километров пешком, это умение сажать и выхаживать деревья, лечить их и спасать от вредителей, расчищать лес от сухостоя. И язык леса надо понимать. Птицы, муравьи, ягоды, грибы, мох, лесные родники — все говорят с лесничим. Язык этот вовсе не простой, его приходится долго изучать, как всякий язык.

Расставаясь на зиму с лесом, — учеба заставляла их быть в городе — братья Масловатые скучали. Может, поэтому и пришли они на станцию юных натуралистов. Первый раз просто так, посмотреть...

— Видим — кролики, — говорит Валера. — Что-то нам знакомое в этом показалось, как дома. У нас ведь одно время косуля жила — отец принес маленькую, сова почти ручная, собака, корова... Вот и записались мы с братом в кролиководы.

— Кормили мы их овощами с наших же юннатских участков, — подхватывает Володя. — Посмотришь иногда — совсем рядом растут две свеклы: одна — крепкая, толстая, так и лезет из земли, другая — хиленькая, едва дышит... Возьмешь ее на корм, а сам думаешь: почему такая разница? В самой в ней слабость была или ей ухода не хватило, воды, солнышка? Интересно же, правда?

Через год они уже работали в кружке овощеводов и поставили тот самый опыт со свеклой.

Им хотелось узнать, что получится, если сделать все-все «по науке», как учит Галина Михайловна Мещерякова, директор станции.

Что это «все»? Посев. Потом прорывка — убрать лишние всходы. Прополка — полезли сорняки, съедают свеклино питание. Вторая прорывка — оставить самые сильные растения — ни густо, ни редко, чтобы всем места хватило. А уж после полоть, сколько придется. Валере и Володе семь раз пришлось.

По правилам опытнического полеводства все подробно записано в дневник. Кому понадобится, может прочитать.

Дело у Масловатых ладилось... Что-что, а работать они умеют. Топором, рубанком, пилой, молотком, лопатой, садовым секатором, малярной кистью — одинаково привычно и свободно. Братья не помнят, когда они этого не умели. С детства, говорят.

— Однажды они пришли ко мне с предложением, — рассказывает Галина Михайловна. — Давайте, говорят, перенесем на станцию юных натуралистов лесные растения. Выкопали, принесли на станцию кусты облепихи, барбариса, бархатную вишню, вишню дикую, молодые дубки, рябину... И все прижилось, вот ведь руки-то!.. Потом отыскали два редких растения — таких редких, что они в Красную книгу записаны — ирис малый и птицемлечник...

— Леса должны быть вечно, без них жить нельзя, — считает Володя. — Но почему-то это нужно объяснять и доказывать. В городе редко какое дерево в сохранности: обломано, ножом порезано... В лес некоторые приедут по дрова — давай рубить, не глядя, сухое или живое, не думая, что можно и что нельзя. Мы, когда отцу помогали, не один раз такое видели. Значит, надо лесу помогать...

Что и говорить, они вовсе не пай-мальчики. И читать им нужно больше и научиться разговаривать доказательно... Но в них есть надежность. Они не бросят на полпути свое дело из-за того, что трудно или скучно. На них можно положиться. И еще — самостоятельность. Ни со свеклой, ни с кроликами отец и мать им не помогали. Советом, книгой — пожалуйста, а вот дело свое делай сам. Это не случайность — принцип такой в семье.

Во время каникул они сами организовали в лесничестве кружок юных лесников. Семен Яковлевич, отец, выделил ребятам из кружка два участка. На одном за соснами надо смотреть, другой пустой: мол, сажайте деревья, если вы всерьез.

Нет теперь больше пустого участка, растут на нем еще совсем тоненькие дубки, клены остролистые, дикие черешни...

Не все остались в кружке лесников. Кто послабее или поленивее, ушли.

— Ничего, — говорят братья, — ничего. Самые верные ребята остались. Было нас двое, а теперь лесников семнадцать человек.

Есть у Валеры и Володи, как у всяких мальчишек, «дальняя» мечта. Интересно, какая?

Володя: «Побывать в Индии и увидеть джунгли. Я читал — просто не верится, — что за год непроходимые заросли вырастают».

Валера: «Поехать на родину отца, под Винницу, где дедушка наше дело начинал. Там богатый лес — посмотреть».

— А учиться?

И тут оказывается, что неразлучные братья после школы расстанутся. Обдумано, взвешено, с отцом обсуждено: Валера пойдет в училище механизаторов. Володя будет поступать в лесотехнический, как отец, как сестра...

— Так вы что? Расстаетесь?

— Да нет... В лесу будем работать вместе. Встретимся.

Непременно встретятся. Эти своего добьются.

Л. МИНИНА

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Сегодня, как обычно в этой рубрике, наш корреспондент беседует со спортсменом, которого многие ребята хорошо знают. И те, кто угадает фамилию спортсмена, конечно, сообщат об этом «Переменке».

Эй, вратарь, готовься к бою!

— Расскажите, пожалуйста, как вы стали футбольным вратарем?

— С детства я любил игры: волейбол, баскетбол, футбол. Но так как я был рослым, то лучше всего играл на баскетбольной площадке.

— А как вы оказались в футбольных воротах?

— Случайно. Шел записываться в баскетбольную секцию и, видно, перепутал день. Пришел на стадион, а там экзамен для юных футболистов. Рискнул попробовать, ведь я был вратарем дворовой команды.

Не помню, сколько в том матче мячей пропустил, но ни разу не струсил, когда нападающие один на один со мной выходили. Экзамен закончился, и тренер сказал: «Берем тебя за смелость!»

Это было в Астрахани... Кто из мальчишек не любит знаменитые астраханские арбузы! А я в детстве помогал их собирать. Во время погрузки научился ловить те, что полегче. Почти как Кадидов из повести Льва Кассиля «Вратарь республики».

И теперь, спустя много лет, когда мы тренируемся специальными утяжеленными мячами, я с удовольствием вспоминаю зеленые полосатые арбузы моего детства.

— И, наконец, первый матч в составе знаменитой команды. Вы его помните?

— Как не помнить! Было это в Ворошиловграде летом 1978 года. Наш старший тренер перед игрой с «Зарей» сказал, что место в воротах впервые доверяет мне. Я ушам своим не поверил! Старался ужасно, ни одного гола не пропустил. Правда, и наши ничего не забили.

— На вашем вратарском свитере первый номер. Это, наверное, ваша любимая цифра?

— Да, я стараюсь играть в одном и том же свитере: он для меня счастливый.

— В прошлом сезоне в ваших воротах побывало меньше всего мячей. Какой матч был для вас самым трудным?

— С киевским «Динамо». Этот матч решал все. Перед игрой ходили в кино. И, как нарочно, все билеты на тринадцатый ряд!

В конце первого тайма при счете 1:0 в нашу пользу полузащитник киевлян Бережной приблизился к моим воротам. Кто кого перехитрит? Я сделал вид, что бегу навстречу. Шагнул вперед и замер на месте. Бережной растерялся: так и не понял, что я затеял. Он замешкался с ударом, я успел среагировать и спасти ворота. Мы выиграли важный матч.

Кстати, домой из Киева мы возвращались в тот вечер в тринадцатом вагоне.

— А какие чувства испытывает вратарь после пропущенного мяча?

— Я, например, всю ночь не могу заснуть! Спасибо ребятам, товарищам по команде — ни в игре, ни на тренировках не упрекнут, а наоборот, поддержат: мол, ничего, мы на один гол больше забьем. Ну как после таких слов ребят подвести?!

— И вы действительно их почти никогда не подводите. Не случайно вас назвали кандидатом в олимпийскую сборную страны. О чем вы мечтаете теперь?

— Сыграть на Московской Олимпиаде так же успешно, как сыграл Яшин двадцать четыре года назад в австралийском городе Мельбурне. Там наши футболисты впервые выиграли золотые медали чемпионов. Ведь мы в долгу перед нашими болельщиками! Очень хочется их порадовать.

Записал
Леонид ТРАХТЕНБЕРГ.

ВСТРЕЧА С ЧЕМПИОНОМ ИЗ «СПАРТАКА»

На этот раз Мишка попросил остановить нашу машину на Краснобогатырской улице. Мы в гостях у Юрия Гаврилова, футболиста московского «Спартака», игрока сборной страны.

— Скажите, почему вы именно футбол выбрали?

— Как вам сказать... Мальчишки всегда гоняют мяч, верно? Играл и я, как все. Счастливое было время! Жил я тогда в Московской области, в районе Сетуни. Кругом были зеленые лужайки, наши портфели становились штангами ворот. Играли мы по нескольку часов подряд и совершенно не уставали. Тогда я и получил первые уроки физической подготовки, техники владения мячом.

Но, чтобы стать настоящим футболистом, надо тысячи раз отрабатывать один и тот же удар, прыжок, бег, прием мяча... Мне повезло: моим первым тренером был Марк Семенович Левин. Кстати, это он нашел, наблюдая за игрой мальчишек, Эдуарда Стрельцова — прекрасного, талантливого футболиста. Марк Семенович растил в нас то, что было заложено природой, радовался, когда первоклассный спортсмен раскрывался и как яркий, интересный человек.

— Вы играете в московском «Спартаке». Почему именно вашей команде удалось в прошлом году выиграть чемпионат страны?

— «Спартак» — это история нашего футбола. Играть в нем — большая честь. Была и у нас полоса поражений, когда пропала слаженность между игроками, тренерами. Зрители такое сразу чувствуют, когда в команде что-то разладилось. А потом пришел новый тренер, Константин Бесков, появились новые игроки. И постепенно, от матча к матчу, команда набрала силу. Она, понимаете, снова становилась коллективом, а не просто группой хороших игроков. Мы все очень дружим, часто вместе отдыхаем, вместе готовимся к экзаменам: у нас многие ребята учатся в институтах.

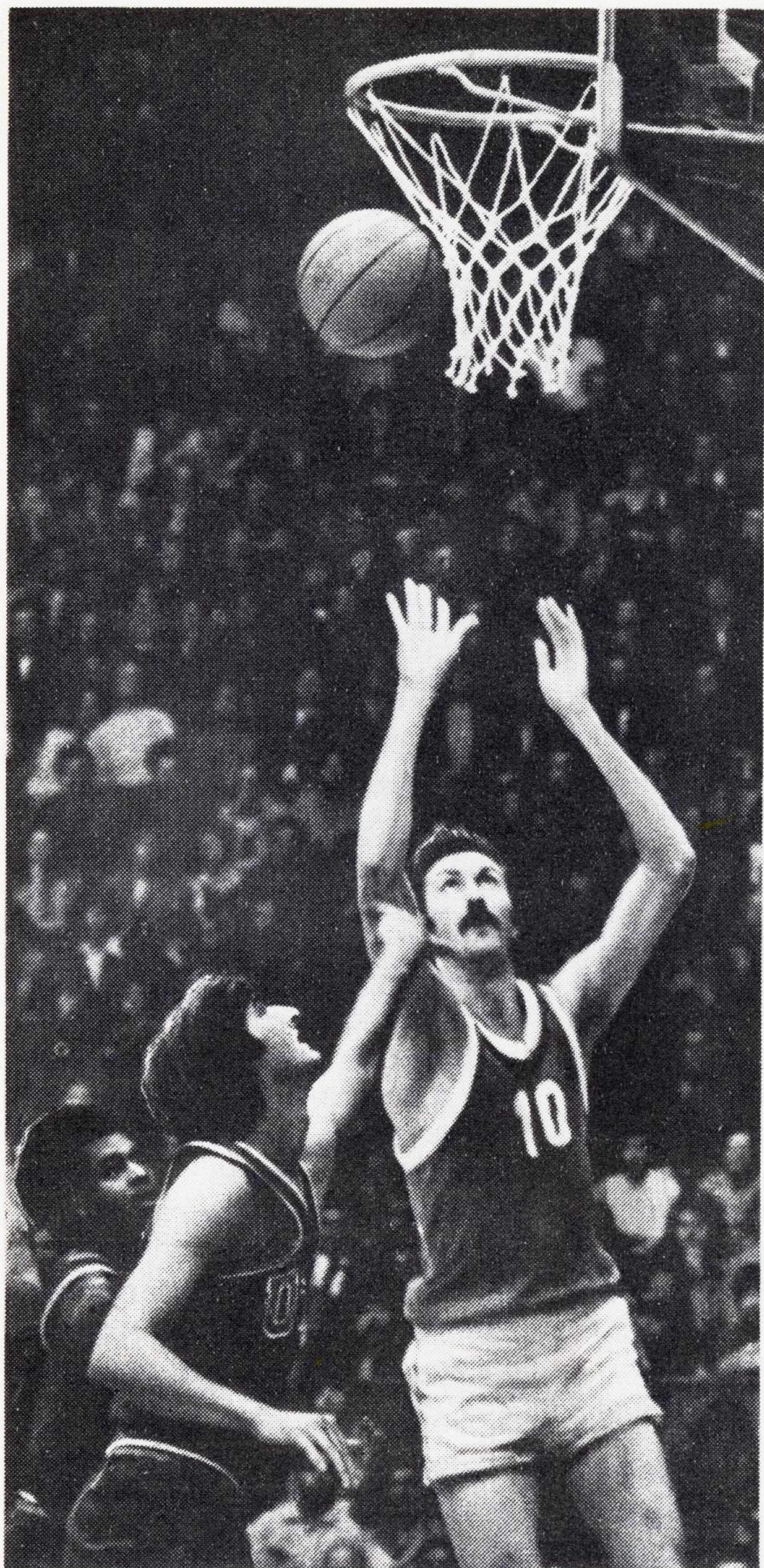
О том, как окончится футбольный чемпионат-80, пока говорить рано. Сейчас мы на пороге Олимпийских игр. В сборной Союза играет немало спартаковцев, и от нас зависит многое...

— А мы победим? — хором спрашиваем мы.

— Постараемся!

Но вот Юрий Гаврилов смотрит на часы — сколько там осталось до начала первого матча? — и складывает мыло, полотенце, бутсы и майку в спортивную сумку. И мы встаем: пора ехать дальше по стране Олимпиаде.

В ЗАЛЕ ДЛЯ ВЕЛИКАНОВ

Огромный зал кажется маленьким, потому что в нем играют великаны. Идет тренировка сборной команды Советского Союза по баскетболу.

В ней очень много известных баскетболистов, за каждым именем — мастерство, слава нашего баскетбола.

Вот присел отдохнуть на скамейку невысокого роста спортсмен. Миша направляется к нему. «Это Сергей Белов, — говорит нам наш провожатый. — Его называют «профессором баскетбола», «баскетболистом, который может все»...»

— Я увлекся баскетболом еще в школе, — рассказывает нам Сергей. — Сначала, правда, играл во все без разбора: гонял мяч во дворе, бегал, прыгал. Но в тринадцать лет решил, что буду играть в баскетбол по-настоящему. Однажды в нашу школу заглянул баскетбольный тренер Г. И. Реш и позвал меня тренироваться к себе, во взрослую команду.

Мне было очень трудно играть с более сильными баскетболистами! Поначалу я во всем уступал старшим ребятам: был меньше ростом, реже попадал по кольцу, хуже владел мячом... Но ведь не только рост важен в баскетболе! К семнадцати годам я стал играть не хуже, а потом и лучше многих своих старших товарищей в баскетбольной секции.

...Фрагменты того баскетбольного матча мы видели по телевидению и в выпусках кинохроники. В финале XX Олимпийских игр встретились команды США и СССР. Весь матч наша команда атаковала, вела в счете, но за три секунды до конца встречи вперед вышли американцы. Они уже обнимали друг друга — так были уверены, что за три секунды в баскетболе ничего не произойдет. И все же произошло! Именно Сергей Белов за мгновение до сирены забросил золотой мяч. Мы выиграли...

— Меня иногда спрашивают: какие спортивные минуты у меня были самыми счастливыми? Наверное, ждут, что я расскажу об этом финальном броске. А я не уверен, что это был самый счастливый момент. Спорт тем и прекрасен, что победа длится секунды, а добираться до нее — целые годы. Мы, как альпинисты, — поднимаемся в гору все выше и выше... Только доберемся до цели, пора спускаться, чтобы штурмовать новые вершины. Сейчас наша главная вершина — Московская Олимпиада.

Пожелайте им удачи!

И вот добрался Мишка до ребят, которые занимаются спортом. Ему давно хотелось встретиться с ними, спросить, за кого они будут болеть на Олимпиаде, на кого хотят быть похожими.

Лена Иванова, семиклассница, мастер спорта по гимнастике.

— Моя любимая гимнастка — Людмила Турищева. Я бы очень хотела быть на нее похожей. Когда говорят «олимпийский характер», я думаю — это наверняка про Турищеву. У нее неудача, а она не унывает, находит в себе силы и побеждает. Травма, а она тренируется и опять побеждает. Жаль, что Людмила не выступает больше... А на Московской Олимпиаде я буду болеть за Наташу Шапошникову. Во-первых, манерой выступления — в вольных особенно — Наташа на Турищеву похожа, а кроме того, она мне просто очень нравится.

У Лены есть подружка Валя Шкода, тоже гимнастка. Валя совсем маленького роста — про таких говорят: метр с кепкой. Учится она в четвертом классе, но уже кандидат в мастера спорта.

Как-то в Москве, в Манеже, были показательные выступления юных гимнастов. Вале здорово не повезло. Пять раз падала она с бревна: не получался сложный элемент — и пять раз поднималась и начинала сначала. И в конце концов она без ошибочки исполнила сложнейшее свое упражнение.

— Я когда на бревне выступаю, всегда стараюсь с ритма не сбиться. Даже стихи читаю. Тогда появляется настроение, уверенность, знаю, не собьюсь. Больше всего Пушкина люблю, «Зимнюю дорогу». Выступаю и бормочу про себя знакомые строчки.

Семиклассник Дима Митин занимается очень романтическим спортом — фехтованием. И с Димой Мишке тоже хотелось познакомиться. Спрашивает Мишка у него, какое качество главное для рапириста. «Выдержка!» — отвечает Дима. Вот это да! Фехтование — мушкетерский спорт! Спорт пылкий, азартный, быстрый — какая же тут выдержка? А Дима объясняет:

— Это мы, мальчишки, можем еще увлечься. А на крупных соревнованиях у настоящих мастеров, знаете, как бывает? Один укол решает все. И спортсмен постоянно в напряжении, в ожидании этого укола. Чуть увлечешься, сам получишь укол! Представляете, как выдержка нужна? Для меня идеал фехтовальщика — наши спортсмены Валентина Сидорова и Александр Романьков. Я желаю им победить.

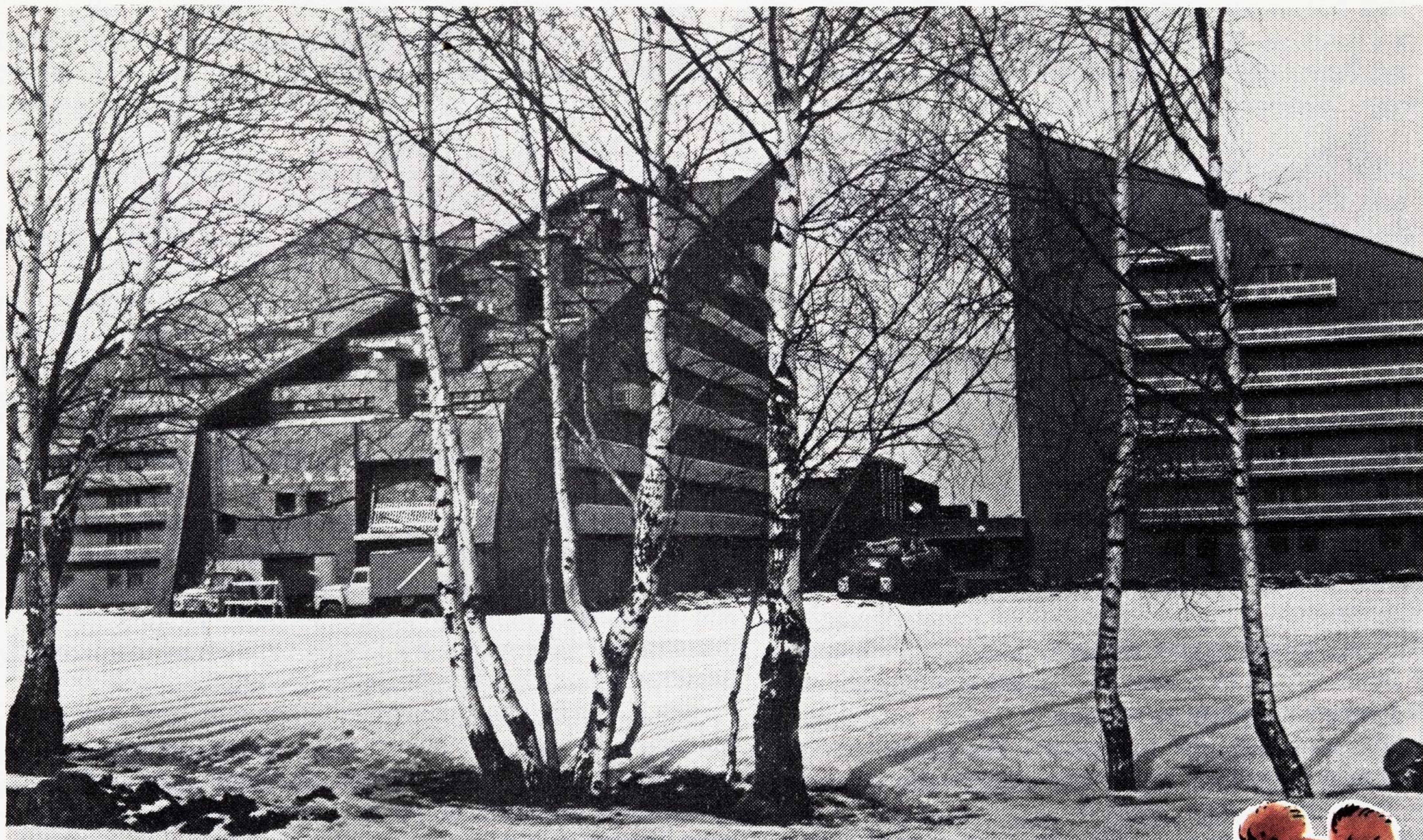
— А я изо всех сил буду болеть за наших пловцов — Владимира Сальникова, Любовь Богданову, Лину Качюшите, — **говорит пятиклассница Ира Соколова. Ира и Алла Якубова занимаются плаванием и хотят быть похожими на наших прославленных пловчих.**

— Лина в прошлом году стала третьей нашей чемпионкой мира в брассе после Галины Прозуменщиковой и Марины Кошевой. Я думаю, чтобы стать олимпийской чемпионкой, ей надо теперь побить свой же мировой рекорд, проплыть дистанцию быстрее, чем за 2 минуты 28,36 секунды, — это говорит Алла Якубова. Она тоже учится в пятом классе, у нее первый разряд по плаванию, и она мечтает когда-нибудь побить олимпийский рекорд. Совсем недавно Алла была в Мурманске на соревнованиях. Она вообще-то плавает брассом, но там в последний момент оказалось, что в команде нет никого, кто бы выступил в баттерфляе. И пришлось Алле спасать команду, хотя совсем это не ее стиль, она его побаивается и не очень, честно говоря, любит. А выступила, несмотря ни на что, в тот раз прекрасно.

Ребята из московского спортинтерната № 9 — Лена Иванова, Валя Шкода, Дима Митин, Марина Серова, Витя Блинов, Лена Новикова, Алла Якубова, Ира Соколова и другие — желают своим любимым спортсменам удачи на Московской Олимпиаде.

Пройдет совсем немного времени — четыре года всего! — и, может быть, на следующей, XXIII Олимпиаде мы будем болеть за тех, кто разговаривает сегодня с Мишкой. У них есть для этого все шансы: трудолюбие, упорство, талант, есть огромная любовь к спорту. Пожелаем им удачи!

Этот снимок сделан 19 апреля, в день Всесоюзного коммунистического субботника.

Все флаги в гости будут к нам

Эти дома похожи на гигантские ледяные горки. Будто катались здесь на санках ребята, потом пришло лето, а горки не растаяли. Стали корпусами новой гостиницы, зданиями современной необычной формы, выложенными из красного кирпича. Здесь в дни Олимпиады будет международный молодежный олимпийский лагерь.

С разных концов планеты съедется сюда молодежь. В лагере будут жить и отдыхать гости Олимпийских игр.

А сейчас мы путешествуем здесь вместе с Олимпийским Мишкой — нашим провожатым. В центре лагеря — гостиница. С ее осмотра мы начинаем знакомство с лагерем.

Первое наше впечатление — как бы не заблудиться! Все три здания-горки соединены между собой сетью коридоров. Пошел по одному коридору, попал в уютный кинозал с мягкими креслами. Посмотрел фильм и думаешь, неплохо бы сейчас поплавать в бассейне. Открываешь дверь, а перед тобой — огромный спортзал. Но ты все-таки хочешь найти бассейн. Идешь дальше. А вот и дверь, за которой голубая гладь воды, разделенная дорожками бассейна...

Чтобы гости Олимпиады не тратили время на поиски нужного помещения, и в гостинице и по всему лагерю будут расставлены указатели. Каждый легко найдет бассейн и корт, баскетбольную площадку и манеж...

Лагерь молодежный, и строила его молодежь.

ЦК комсомола объявил стройку ударной комсомольской. Лучшие комсомольцы страны трудились здесь. В рекордно короткий срок — два с половиной года — у подмосковной деревни Ивакино, что в районе Химок, вырос целый комплекс.

Раскинулся лагерь на сорок шесть гектаров — представляешь, какая огромная площадь! Места здесь живописные. Недалеко от лагеря течет подмосковная река Клязьма. Байдарочникам — благодать. И прямо на территории городка в белоствольной березовой роще на удивление всем растут белые грибы...

СКАЗКА ПРО ВЕСЁЛОГО ЧЕЛОВЕКА

И. АНДРИАНОВА

Море лениво перебирает камни...

Маленький городок стоял на берегу моря.

Солнце, крошечное и жаркое, расплавило синее небо и обрушивало на городок кипящие водопады зноя.

Желтая каменистая дорога, как русло высохшей реки, сбегала к морю, и зеленые волны лизали рыжие горячие камни...

В полдень городок вымирал. Все накалялось, даже листья густых деревьев становились вялыми и теплыми.

По желтой дороге к самому морю подъехала старая телега, которую тащила худая белая лошадь с выщипанной гривой и бесцветными стеклянными глазами. В телеге лежал узел с бедным скарбом и сидели Веселый человек и его Мудрая жена.

— Эй, жена! — сказал Веселый человек. — Посмотри, сколько вокруг воды, солнца и зелени. Вот здесь, на берегу моря, мы построим маленький домик, покрасим его в синий цвет, вырастим чудесный сад и заживем не хуже других.

И Веселый человек звонко засмеялся. Он скинул с себя старую рубаху, залатанные штаны, истоптанную обувь и пошел к медленным теплым волнам. Он влез в море по грудь, нырнул, вынырнул и закричал:

— Эй, жена! Я буду здесь возделывать землю, буду растить сыновей, а по вечерам купаться в море, как в большой лохани! И самая красивая рыба будет приплывать ко мне, чтобы рассказывать веселые морские шутки!

И Веселый человек снова рассмеялся...

Веселый человек и его Мудрая жена приехали к морю из далекой северной страны, где полгода струится с неба легкий и холодный снег, льет долгий дождь и очень мало светит прохладное солнце. В северной стране Веселому человеку не везло, счастье не шло в его руки, и над его шутками никто не смеялся, потому что люди в той холодной стране жили бедно и несчастливо.

Однажды Веселый человек поглядел за окно, где огромные сугробы стояли, как стражи, и вьюга ныла, будто замерзшая кошка, и сказал своей Мудрой жене:

— Эй, жена! А есть же где-то другая, теплая, цветущая страна, где круглый год греет солнце и не замерзает море. Поехали туда! Может, там мы найдем свое счастье?

Мудрая жена тоже посмотрела за окно и сказала:

— Хорошо, поехали в далекую теплую страну, попытаемся там найти счастье. Но обещай мне, что ровно через тридцать лет и три года мы вернемся сюда и здесь умрем. Ведь самая теплая и счастливая на свете страна не сможет заменить холодную и бедную родину.

— Я согласен, — ответил Веселый человек и впервые за много лет звонко рассмеялся. Он уже представил себе огромное синее небо, безграничное зеленое море и голубой домик на самом берегу моря...

Веселый человек и его Мудрая жена вскоре построили на берегу маленький домик, окружили его пышным цветущим садом и зажили безголодно и счастливо.

Жители городка, большие ценители хорошей шутки и веселья, полюбили Веселого человека, и ни одно торжество, где можно было шутить и смеяться, не обходилось без Веселого человека.

— Эй, жена! — сказал однажды Веселый человек, придя с очередного праздника. — В этом маленьком городе люди поняли мои шутки, они не могут жить без веселья. Ты даже не представляешь, какое это счастье для меня!

Вскоре у Веселого человека и его Мудрой жены родился сын. Он рос крепеньким и веселым мальчиком. Мудрая жена рассказывала теплыми вечерами своему сыну про далекую и холодную страну, где зимой падает снег, а летом шумят на пригорках березы.

— Мама, — спрашивал мальчик, — я когда-нибудь увижу эту страну?

— Конечно, ведь это твоя родина.

Прошли годы. Сын Веселого человека вырос, женился на черноглазой девушке из приморского городка и больше никогда не просил свою мать рассказать ему о снеге и березах.

Однажды над приморским городком шумела гроза. Мудрая жена сказала:

— Муж, ты помнишь, какое обещание ты дал мне ровно тридцать лет и три года назад?

Веселый человек улыбнулся:

— Конечно, помню.

— Скоро мы вернемся на свою родину. Но не кажется ли тебе, что ты ничего не сделал для этих людей за все прожитые здесь годы?

— А шутки? Я подарил людям веселые шутки.

— Да, — сказала Мудрая жена, — твои шутки будут долго помнить дети этих людей и внуки их детей. Ну, а потом тебя забудут. Память человеческая недолговечна. Долго живет только доброе дело.

— Да, жена, ты права. Я не сделал ничего.

— Муж, не унывай! Я подскажу тебе, что ты можешь сделать для этих людей.

В это время черная туча остановилась прямо над маленьким домиком Веселого человека, и длинная легкая молния, как кем-то запущенное копье, врезалась в траву сада и исчезла в недрах земли.

— Ты же знаешь, — продолжала Мудрая жена, — что в маленьком городе всего один-единственный колодец и люди с нашей улицы да и других соседних улиц ходят за водой далеко-далеко, тратят на это слишком много времени. Выкопай колодец в нашем дворе.

— Жена, а ты уверена, что здесь есть вода?

— Уверена. Вот уже тридцать лет и три года, как только над городком гремит гроза, молния влетает к нам в сад и бьет в одно и то же место. Ты разве забыл, как в нашей холодной стране ищут воду?

И Веселый человек действительно вспомнил, что в холодной стране рыли колодец там, куда ударяла в землю блистающая молния.

После грозы Веселый человек взял лопату и пошел рыть колодец.

Целый день он рыл в своем дворе колодец, но все его труды были напрасны. Люди стали собираться около ограды, начали смеяться над Веселым человеком:

— Слушай! Что ты делаешь? Роешь колодец? Это самая веселая твоя шутка! Ха-ха-ха!

— А почему вы не верите в мой колодец? — спрашивал Веселый человек.

— Чудак, эта земля не родила ни одной капли, она только пожирала огромные количества воды, — отвечали Веселому человеку сгорбленные старцы, которые знали эту землю как свои пять пальцев.

Ночью Веселый человек долго и впервые плакал. Ему очень хотелось подарить людям маленького городка колодец с чистой родниковой водой. Веселый человек впервые за много лет затосковал по своей бедной и холодной родине. Ему снились высокие березы и пушистый снег.

Утром Веселый человек сказал жене:

— Ты знаешь, мне всю ночь слышался шум берез. Как будто мы уже у себя на родине. И мне так захотелось поваляться на траве, мне так захотелось распилить пару толстых бревен для печи... Поехали, жена, скорее на родину.

— Посмотри за окно, — сказала Мудрая жена.

За окном было чудо. Колодец. Прохладная чистая вода. Голубой домик отражался в ней, и выцветшее небо, и жаркое солнце...

— Сначала воды в твоем колодце не было, потому что требуется немного времени, чтобы вода заполнила вырытую яму. Как раз ночью все это и произошло, — сказала Мудрая жена.

— Люди! — закричал Веселый человек. — Я подарил вам воду! Целый колодец! Слышите, люди?!

Через несколько дней Веселый человек и его Мудрая жена уехали на свою холодную родину. Больше о них никто не слышал. Забылись и шутки Веселого человека. Но все пьют из студеного колодца и вспоминают:

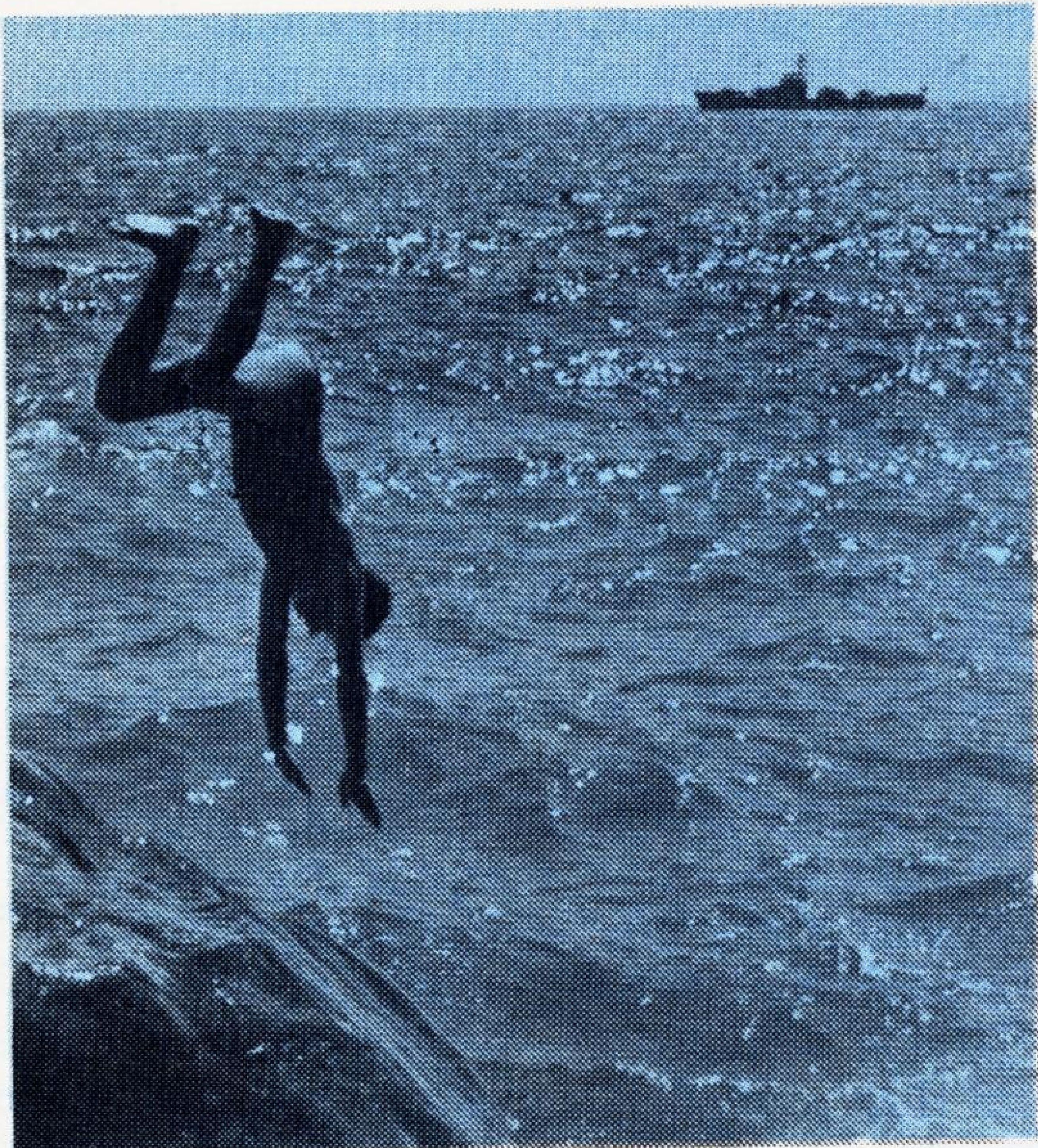
— Этот колодец вырыл Веселый человек. У него была Мудрая жена.

Много-много лет прошло.

Море лениво перебирает камни...

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Лето создано для смельчаков и отчаянных храбрецов.

Попробуй-ка пройди на руках по школьному коридору или прокатись верхом по перилам лестницы многоэтажного дома... Сразу услышишь: «Перестань, Иванов! Успокойся, Сидоров!» А вот летом...

...Иванов и Сидоров «на коне». И пусть конь этот — смирная ленивая лошадка, на которой в пионерлагерь привозят бидоны с молоком... Но надо же когда-то начинать мушкетерам!

Летом Иванов совершит головокружительный прыжок, легенды о котором дачники долго будут передавать из поколения в поколение.

А Сидоров... Сидоров усовершенствует старинные приемы мирного пастушеского ремесла. Да так, что бывалые пастухи только ахнут.

Правы, конечно, мамы: надо бы поосторожнее, посмирнее... Да только как же тогда Иванов и Сидоров станут мужчинами?

Фотографии В. ПОСТНИКОВА и А. КОЗИНА.

Рисунки
Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Со Львом под одной крышей

Все удивительно было в этом доме, все необычно. Удобно разлеглась на диване пума Ляля. Ни капли не смущаясь ее присутствием, разгуливал по комнате скайтерьер Апа. Одна простая и две сиамские кошки пристроились тут же. Из своего угла посверкивала острыми глазками норка. Сидя на жердочке, смешно жестикулировал лапкой говорящий попугай Ванюша. А из-за прикрытой двери доносился по временам полусонный рокочущий львиный рык.

Звери, такие разные, такие непохожие один на другого, мирно жили под одной крышей. И берегли этот мир и покой люди, которые на практике, на живом примере решили доказать, что человек может жить в дружбе с дикими зверями, что не надо убивать хищника только за то, что он хищник.

— Воспитанием диких животных мы занимаемся лет двенадцать, — рассказывал Лев Львович Берберов, хозяин дома. — Были у нас волчица, лиса, еж, змеи (даже ядовитые), саламандра. А потом — лев Кинг I. Два с половиной года прожил он с нами. Умница был исключительный. К большому горю всей семьи он трагически погиб во время киносъемок. А сейчас у нас Кинг II. Живет уже семь лет. Лялю мы взяли недавно. Она у нас самая маленькая: ей всего полтора года. Лялечка, пойди сюда, моя хорошая!

Огромная кошка поднялась и грациозно спрыгнула на пол. Она оказалась зверем очень ласковым, покладистым, с нравом веселым и озорным. Не прочь была поиграть даже с незнакомыми людьми. А играла, как котенок, только очень большой котенок. Так же ловила руку сильными, ловкими лапами, так же забирала ее в пасть, осторожно сжимая пальцы своими крупными белыми зубами.

— К нам приходят тысячи писем, — продолжала Нина Петровна Берберова, — и почти все от ребят. Многие спрашивают: где взять на воспитание львенка? Мне хотелось бы пояснить: главное — не «где взять», а как вырастить, воспитать дикое животное в домашней обстановке. Дело это совсем непростое. Я уверена, что многие отказались бы от красивой и гордой мечты воспитывать льва, если бы соприкоснулись с этим занятием. Попробуйте научить такого зверя жить с вами в одном доме и не рвать одежду, не портить мебель, не трогать пришедших в дом незнакомых людей. Это совсем нелегко. Попробуйте приучить льва аккуратно есть, не разбрасывая пищу по всему полу, не обижать живущих рядом других животных. Подумайте, наконец, над тем, как прокормить его. Ведь лев съедает в день девять килограммов мяса.

Силой принудить льва делать то, что вам хочется, — задача невыполнимая. Ведь в нем триста килограммов весу. А какая мощь, какая неистребимая энергия! Мы пробовали всей семьей вчетвером садиться на Кинга верхом, и он бегом мчал нас в гору, словно не замечая тяжести.

Мы зашли в комнату, где находился Кинг. Он вскочил при нашем появлении и стал прохаживаться взад и вперед, громко стуча хвостом. Зверь явно нервничал в присутствии посторонних. Но ни единого звука не издавал.

...Затихал вечерний Баку. Отчетливее слышался шелест листвы на деревьях, вздохи волн в бухте. Мы шли приморским бульваром: дети с пумой и собакой впереди, мы со Львом Львовичем сзади. Ева — старшая дочь Берберовых — вела пуму на поводке. Апа без привязи бежала рядом. Иногда Ляля начинала упрямиться, ложилась на дорожке. Тогда приходилось ее уговаривать, понуждать. И делала это Ева умело и спокойно. Встречным прохожим,

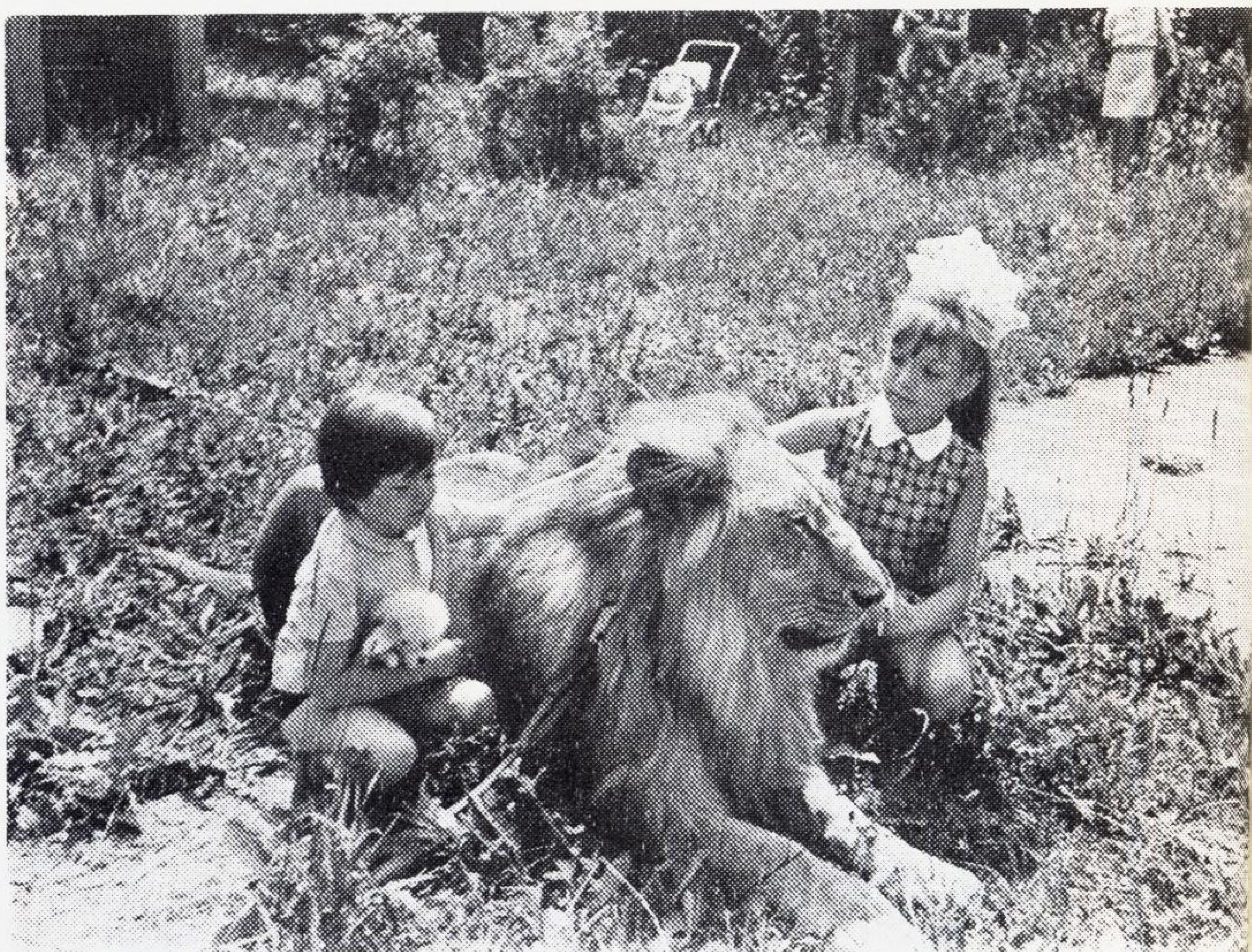
пожалуй, невдомек было, какого опасного хищника видят они. Догадку подтвердил Лев Львович.

— Однажды гуляли мы вот так, и вдруг откуда ни возьмись кошка. Ляля моментально среагировала: поводок вырвала и за ней. Кошка — на дерево, и Ляля туда же. Прохожий, наблюдавший эту сцену, застыл в недоумении с открытым ртом. Потом обратился ко мне: «Простите, что это за собака? Что за порода?» Пришлось объяснить ему.

Сейчас Лев Львович и Нина Петровна заканчивают работу над книгой «Не бойтесь, это — лев!».

В этой книге они рассказывают, что при добром, умелом обращении хищник становится преданным другом человека.

В. ГЛЕБОВ

Кеша, гиена пятнистая

В. МАРКОВСКИЙ

Ходит она по клетке. Туда — сюда. Передними ногами крупный шаг, задними поменьше. Занятная походка. В плечах зверь с крупного дога, а на задние ноги словно присел — они покороче. Крепкая шея поддерживает большую лобастую голову. Закругленные ушки. Черный, словно лакированный, нос. И громадные карие выразительные глаза.

Пасть раскроет — челюстям любой хищник позавидует: зубы крупные, крепкие, самую толстую кость, как сахар, разгрызут.

Это пятнистая гиена. Родом из Африки. Присмотритесь к ней повнимательнее. Очень красивый зверь! А слава о нем дурная. Насочиняли, напридумывали всякой всячины: гиена труслива, охотиться не умеет, крадется, поджавши хвост, за львом по пятам и объедки подбирает.

Наступило время, когда люди стали меньше охотиться на зверей, а больше наблюдать и изучать их. Вот тут-то и выяснилось — оговорили гиен!

Конечно, на таких ногах, как у гиены, антилопу или жирафу не догонишь. Но гиена смышленая. Собирает компанию сородичей, обязанности распределяет, и пошла охота! Одни в засаде сидят, другие на засаду дичь гонят. Выберут старое или больное животное и отбивают его от стада.

Однако почему же все-таки считали, что гиены за львами объедки подбирают? А очень просто! Услышат львы, что гиены захохотали (то ли добыче радуются, то ли жертву свою оплакивают) — и скорее к ним. Ну, со львами гиенам тягаться нелегко. У гиен только зубы, а у львов к ним когтистые лапы в придачу. Вот и приходится отойти в сторонку и ждать. Лев — гурман. Жир, кости не ест. Внутренностями тоже чаще пренебрегает. Мясом насытится — и на боковую. Тогда наступает черед гиен. А люди увидят, как гиены подчистую подъедают с барского стола, и говорят: «Падальщики».

Гиена Кеша приехала в зоопарк щенком. Поохотиться не успела. Поймали ее звероловы и отправили в далекую северную страну. Живет она в своем логове-клетке. Днем мимо клетки беспрерывным потоком идет шумная, яркая толпа людей, больших и маленьких. Они кричат, забрасывают в клетку куски хлеба, пирожки, конфеты... — все, что гиены не едят. Иногда это бывают камни, железки. Когда они попадают в Кешу, ей больно и страшно. А главное, непонятно — зачем? Зачем люди кричат и хотят ее ударить? Когда звери нападают один на другого, у них всегда есть цель: прогнать соперника, добыть пищу, защитить подругу или детей. В конечном счете — выжить, продлить свой род. Ни один зверь не дерется просто так, для развлечения.

Со временем Кеша научилась не смотреть на докучливых посетителей. Не замечать их.

Взгляд ее скользит поверх толпы. После обеда она часто укладывается в уголок и ждет закрытия зоопарка... Тогда появятся друзья — почистят клетку, поговорят с Кешей, иной раз приласкают, а в жаркую погоду искупают. Если бы не они, возможно, гиена озлобилась бы.

Когда к клетке подходят друзья, Кеша, пританцовывая, подбегает к решетке и подставляет то бок, то лоб, то шею. Задерет лобастую голову, в знак доверия подставит самое уязвимое место — шею и словно говорит: «Почеши!» При этом раскрывает пасть и обнажает огромные белые зубы. Может быть, улыбается? И ласково косит большими карими глазами.

„Любопытной Варваре нос..."

Мэри, гиена полосатая, страшно любопытна! Все, что перед решеткой, она уже изучила. Звери, что живут в клетках напротив, давно знакомы. Ночью в парке безлюдно и из клетки в клетку хорошо видно.

Напротив все видно, а рядом, за стенкой, — кто? Целая звериная семья, шумная, веселая и незнакомая. На родине Мэри, в Средней Азии, таких нет. Как бы посмотреть?

И начала Мэри проделывать лаз. Непросто в дощатой стене без инструментов дырку просверлить! Ну, ничего! Мэри сперва когтями поработала — не получается... Тогда принялась зубами доски прогрызать. А какие у гиен зубки, мы с вами уже знаем! К утру удалось проделать окошко к соседям. Правда, пролезть в него нельзя, но лапу просунуть можно! Мэри и просунула...

За стеной жила тоже Мэри, но ягуар. Жила она со своим супругом, и воспитывали они детей. Всю ночь Мэри-ягуар волновалась: кто-то хочет к ней в клетку, в ее дом, проникнуть. А дети еще маленькие, как бы их не обидели! Поутру смотрит — дыра в стене, и чья-то лапа пролезает...

Можете себе представить, что дальше было!

Служащие услышали отчаянный звериный вопль. Через несколько минут гиена лежала на операционном столе. Спасти лапу, побывавшую в пасти у ягуара, было невозможно, пришлось ампутировать почти до плеча.

Вскоре Мэри поправилась, но посетителям показывать эту жертву любопытства уже было нельзя. Перевели ее в служебное помещение, «на инвалидность». Тут Мэри тоже неплохо.

От любопытства Мэри не избавилась. За стеной ночуют тигры, и это тоже интересно! Поэтому Мэри, когда в помещении нет людей, снова принимается за работу. Только стенка здесь обита железом, зубам не поддается. Даже гиеньим!

ПЛАНЕТА ОКЕАН

«Почему суши меньше, чем морской воды? Это природный закон? Если морской воды станет меньше, что-то изменится на Земле?»

Ника АНИСИМОВА, 6-й класс, г. Махачкала.

Инопланетянин, впервые увидев нашу Землю, вполне мог бы назвать ее Океаном. Моря и океаны на нашей планете занимают более двух третей поверхности. Ни на одной планете Солнечной системы нет такого количества воды.

Когда Земля только родилась, из недр планеты стала выделяться вода и подниматься на поверхность. Постепенно она заполнила все понижения и впадины. Мировой океан продолжает пополняться и в наши дни.

Вода — самое распространенное вещество на Земле. Она есть в почвах и в горных породах. И в любой пылинке и в огненной магме, которая изливается из жерл вулканов. Ткани человека на 70% состоят из воды.

Вода — величайшая путешественница. Если для жидкости путь закрыт, вода оборачивается паром, снегом или льдом.

Поэтому на твой вопрос, Ника, можно ответить так: то, что морской воды на поверхности Земли значительно больше, чем суши,— закономерность развития нашей планеты.

Даже трудно предугадать, как изменилась бы жизнь всего человечества, если бы Мировой океан неожиданно обмелел.

...Изменился бы климат планеты. Тропическая жара на экваторе и полярный холод у полюсов настолько усилились бы, что жизнь там стала бы невозможной.

...Меньше воды в океанах и морях — меньше дождей. На месте цветущих земель появились бы пустыни.

...Если бы морской воды стало меньше, это сказалось бы и на рыболовстве, судоходстве, добыче полезных ископаемых (сегодня их в большом количестве извлекают из морской воды)...

Ф. А. МАКАРЕНКО, профессор, доктор геолого-минералогических наук.

ЧИТАЕМ СКАЗКИ...

Я прихожу в библиотеку, как всегда, утром, к открытию читального зала. Горы сказочных книг — сказочные горы за эти годы не уменьшились, а, пожалуй, стали выше и, как в ущелье, сжимают стол с зеленой лампой, похожей на аиста. Как много сказок написали люди! Перед сказкой равны народы, обладающие высокой культурой, и самые бедные, не имеющие даже письменности, как равны они в таланте матери любить ребенка и в таланте ребенка воображать и жить мечтой.

Горы книг откидывают глубокую тень, но стоит взять один из томов и погрузиться в чтение, как синяя дорога расстилается перед тобой — через стены и пространства.

И ты летишь по ней, словно на диком гусе Мартине, прирученном Сельмой Лагерлёф.

Я уже готовлюсь отправиться в новое путешествие, торопливо собираюсь, волнуюсь, как всегда волнуешься перед дальней дорогой, когда вдруг вспоминаю, что книга приблизилась к окончанию; и книги имеют свой срок: страницы — недели, главы — месяцы и годы.

Тут уж ничего не поделаешь, хотя далеко не все выполнено из задуманного и о стольких сказочниках надо было еще написать.

А. ШАРОВ.

Из книги «Волшебники приходят к людям».

КНИГИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ВЕКА

«Опасный» сказочник

Знаете ли вы, что серьезный человек, великий ученый и революционер Карл Маркс сочинял очень интересные сказки? Его младшая дочь Элеонора вспоминает, что в сказках отца царил волшебник Ганс Рёкле. У него была игрушечная лавка, полная чудесных вещей, — деревянные куклы, великаны и карлики, короли и королевы, животные и птицы жили там своей таинственной жизнью. Волшебник Ганс Рёкле очень похож на героев замечательного немецкого сказочника Эрнста Теодора Амадея Гофмана.

Гофман был очень талантливым человеком: он писал книги, картины, оперы. А жизнь прожил недолгую, полную лишений и невзгод. Он люто ненавидел коронованных деспотов, чванливых титулованных особ, алчных, изворотливых купцов, мелочных самодовольных мещан. И он не скрывал своей ненависти даже в сказках. Так сказочник Гофман прослыл в Германии начала прошлого века человеком политически неблагонадежным и даже опасным.

Особую ярость властей вызвали сказки «Повелитель блох», «Золотой горшок», «Житейские воззрения кота Мурра», «Крошка Цахес». Власти решили разделаться с неугодным автором. И тяжело больного писателя подвергли мучительному допросу. Только смерть избавила Гофмана от грозившей ему тяжелой расправы.

Немудрено, что художника нередко охватывало отчаяние. Поэтому, наверное, во многих его произведениях столько страшного, даже жуткого. Но безотрадной немецкой действительности Гофман пытался противопоставить мир, созданный его фантазией — мир художников, артистов и музыкантов, царство добрых фей и волшебников, отстаивающих справедливость, помогающих тем, кто обойден судьбой, людям бедным и обездоленным...

Только тогда он и был по-настоящему счастлив, когда творил этот мир — писал, сочинял музыку, стоял за дирижерским пультом.

Гофман любил детей. Рядом с ними он превращался

в чародея, завораживал всех своими чудесными выдумками, сам рисовал забавные картинки. В сказках «Щелкунчик и мышиный король», «Королевская невеста», «Чужое дитя» перед читателями развертываются захватывающие дух приключения. В «Щелкунчике» мы принимаем участие в целых сражениях между куклами и напавшими на них мышами во главе с королевой Мышильдой, в финале Щелкунчик ведет Мари через изюмно-миндальные ворота в волшебное царство сластей. В «Королевской невесте» к юной Анхен назойливо сватается потешный король овощей, Карота Первый, пожаловавший со своей свитой: бобовыми принцессами и салатными принцами, огуречными герцогами, генералами от лука и репы.

Сказки Гофмана вызывают у нас разные чувства, но всегда заставляют задуматься... Ведь, по убеждению их автора, невозможно «вдохнуть душу в сказку», если в нее не заложен глубокий смысл.

Г. ЗНАМЕНСКАЯ

Чтобы сказка получилась...

Мы не знаем, кто и когда сочинил сказки про Курочку рябу и Колобка, про Емелю и Щуку, про Сивку-бурку, про Ивана-царевича и Василису Премудрую. Мы привыкли к тому, что сказки эти существуют очень давно, чуть ли не вечно, что сам народ создавал их и хранил: отец дарил сыну, бабушка — внучке... Но есть и другие сказки — о рыбаке и рыбке, о Коньке-горбунке, сказки про Аленький цветочек, про девочку и трех медведей, про Лягушку - путешественницу. Мы знаем, что их написали Пушкин, Ершов, Аксаков, Лев Толстой, Гаршин. Нам точно известно, когда каждая из них появилась. Эти сказки не меняются со временем, не зависят от того, где и кто их читает или рассказывает, — писатели сочинили их раз и навсегда.

Вот и в этой толстой книге с красивыми картинками, которая называется «Волшебные краски», собраны сказки, написанные советскими писателями. Их имена всем хорошо известны: Аркадий Гайдар, Константин Паустовский, Евгений Шварц, Виталий Бианки, Валентин Катаев, Николай Носов...

Почему писатели сочиняют сказки? Потому, наверное, что чудесное, необыкновенное — это всегда мечта; в сказках ярче открываются наши мечты о счастье, о хороших людях и хороших делах.

Что бы мы ни читали о жизни и подвигах юных героев, мы всегда помним гайдаровского Мальчиша-Кибальчиша — он настоящий сказочный герой, но при этом соединяет в себе черты подлинных героев революции — своих ровесников.

Написано много книг про долгую и радостную жизнь тружеников и про лентяев, отодвигающих всякое дело на завтра и послезавтра. А Евгений Шварц написал сказку про третьеклассника, который стал стариком, потому что терял время понапрасну.

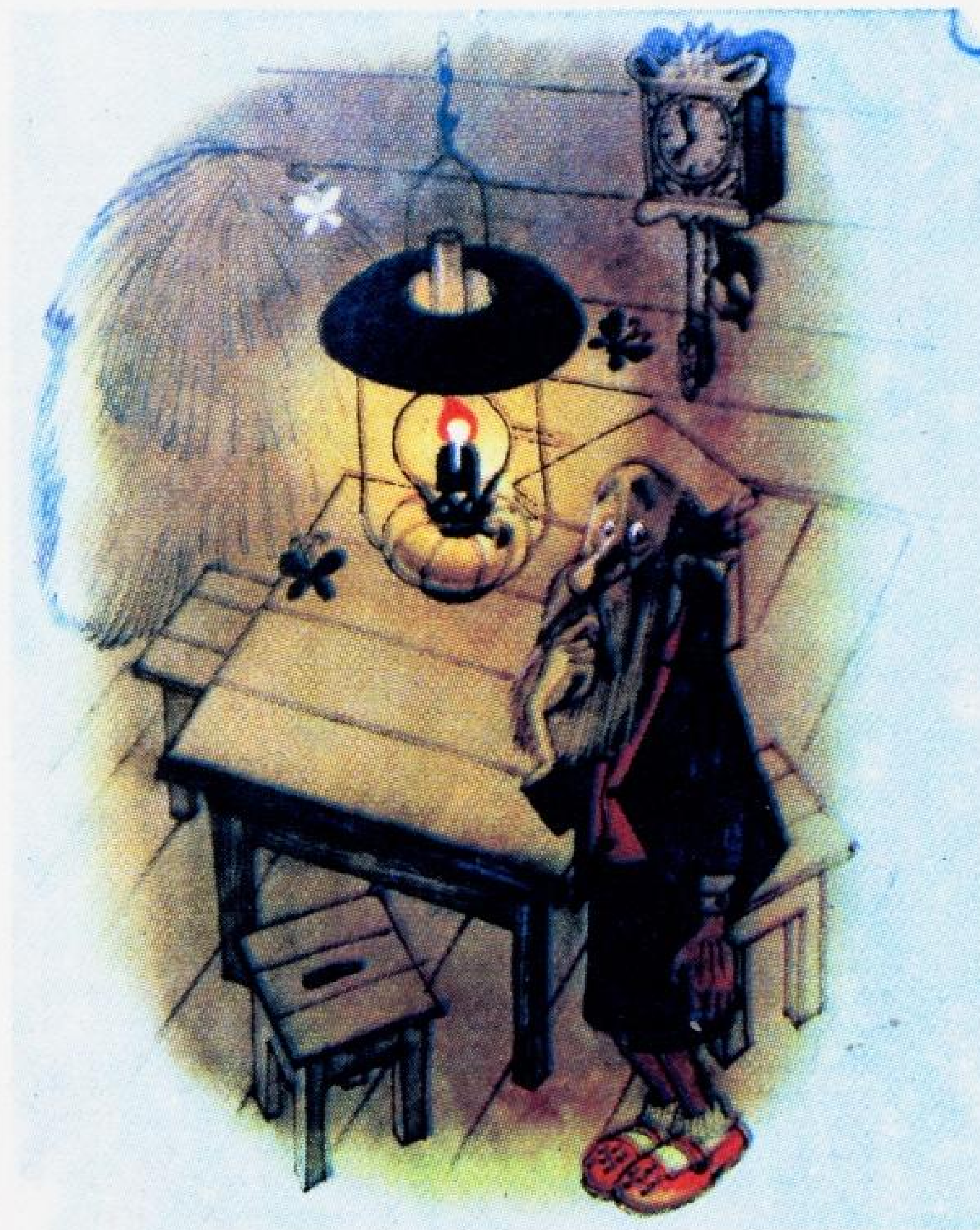
Вот так за чудесами спрятана в сказке главная правда, в которую мы верим.

Чудеса сказки не выдумка. Просто на чудеса самой жизни надо посмотреть добрыми, внимательными и веселыми глазами, умеющими удивляться. Об этом сказка Евгения Пермяка — ее название дало имя всей книге: простые краски становятся волшебными и преображают мир, когда попадают в руки доброго и трудолюбивого человека.

Сказки всегда счастливо кончаются... Это происходит, наверное, потому, что сами сказочники всегда верят, что правда одолеет неправду, что труд восторжествует над бездельем. Иначе сказка просто не получится...

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Живживкины задачи

Хвост Барбоса

Собаки с рыжими хвостами
Себе овсянку варят сами.
Тем, чьи хвосты стального цвета,
Не разрешают делать это.
Кто варит сам себе овсянку,
Гулять выходит спозаранку.
Все, кто гулять выходит рано,
Не терпят фальши и обмана.

Вид добродушный у Барбоса,
Но на сорок он смотрит косо.
И зло рычит: хотят сороки
У воробьев списать уроки!
Скажите — проще нет вопроса —
Какого цвета хвост Барбоса?
(Не делай грустного лица,
Стихи продумай — но с конца!)

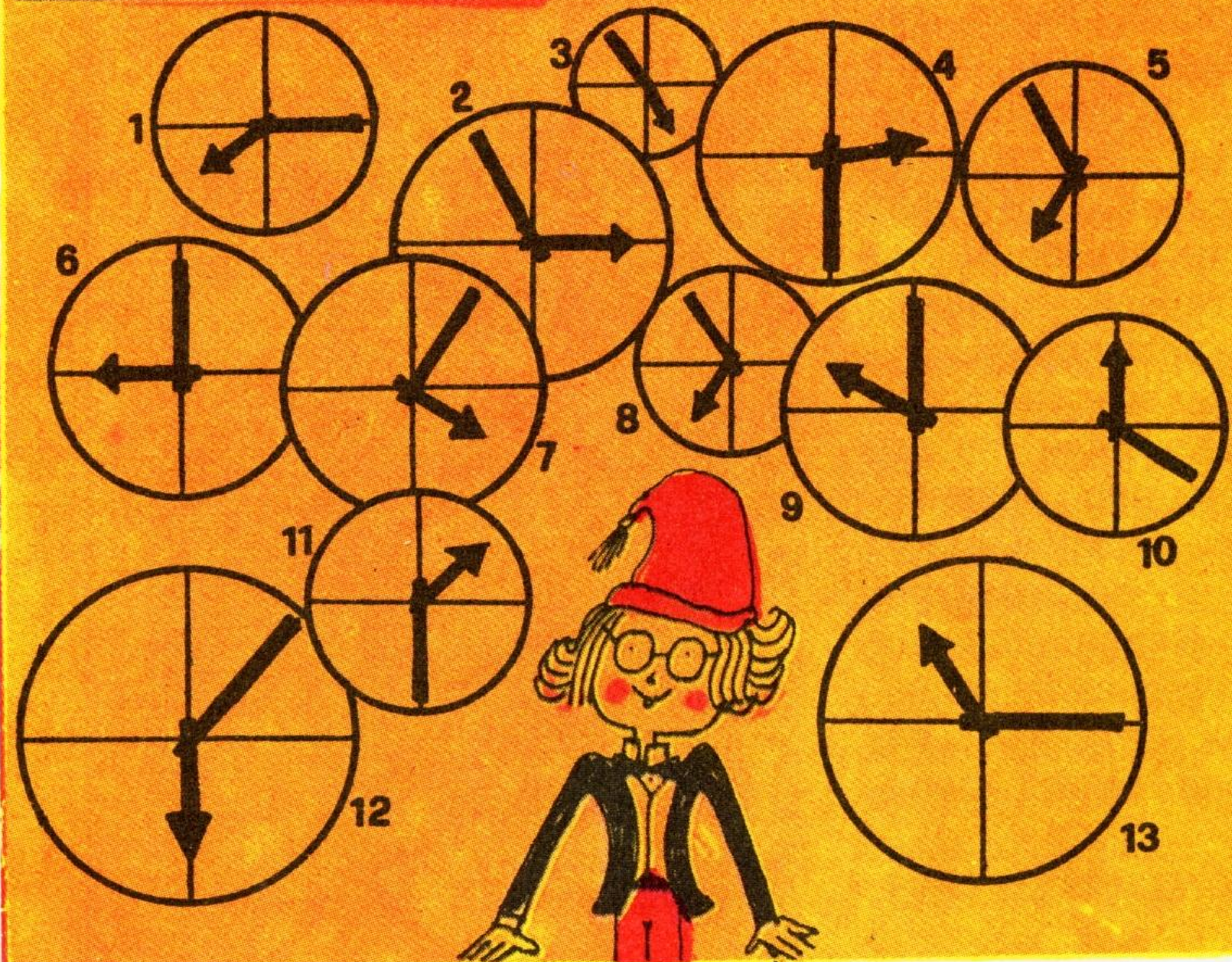
На этот раз Живживка предлагает вам, ребята, две задачи.

Чинить часы нелегкий труд!
А мне все новые несут!
Готовы только два заказа.
Вы их найдете на стене.
Задачка для ума и глаза.
Прошу ответы выслать мне.

Живживка.

ИГРЫ Лупы и Пинцета

Какой был счёт?

На марках, которые перед вами,— острые моменты встреч между командами Нигера, Мали и Чада. В таблице — данные об этих встречах. Здесь записаны не все результаты, но и приведенных достаточно, чтобы сказать, сколько прошло игр и какой в каждой из них был счет.

Ждем ваших ответов.

Лупа и Пинцет.

Название команд	Сыграно матчей	Проиграно	Ничьи	Забито мячей	Пропущено мячей
Нигер			0	3	
Мали				5	
Чад		0		4	4

ПОМОГИТЕ ЛУЧУ ЗАКАТА

Капитан Перо ищет помощника

Очень хочет Луч Заката
Поскорей доплыть до брата.
Поразмыслите немного
И такой найдите путь,
Чтобы волоком пирогу
Луч тащил совсем чуть-чуть
И не греб против теченья.
(Это слишком тяжкий труд!)
Я даю вам на решенье —
Вы согласны? —
пять минут!

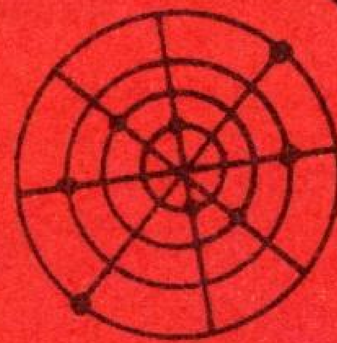
Капитан Перо

ответы • ответы • ответы • ответы • ответы •

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 6 ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Кроссворд ежа. Еж считает, что к его кроссворду подходят только такие слова: ягода, прореха, мухомор.

Плюсы и плюшки. У Медведя в кошелке было 7 плюшек. В первый раз Медведь съел $3^1/_2 + {}^1/_2$, во второй раз $1^1/_2 + {}^1/_2$ и в третий раз $^1/_2 + {}^1/_2$.

Дед Буквоед благодарит всех ребят за ответы на задачи и рисунки к ним.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

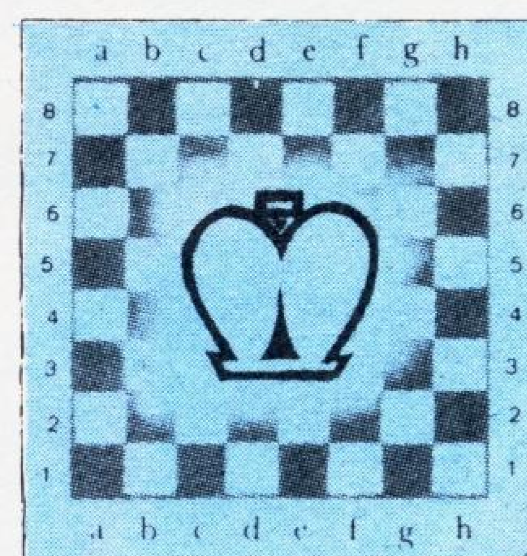
© Издательство «Правда», «Пионер», 1980.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 22.04.80.
Подписано к печати 28.05.80. А 10051. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1507. Заказ № 2348.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Пешкин отвечает на ваши письма

Только что в литовском городе Паневежисе отшумели сражения XII финального турнира клуба «Белая ладья» — борьба шла за призы нашего журнала — и Пешкин сейчас с удовольствием отвечает на вопросы своих друзей, участников соревнований «Белая ладья».

Первый ответ — **Ире Бондаревой** (Ленинград). **Ира спрашивает, когда и где проходил первый финальный турнир «Белая ладья», какая пионерская дружина одержала тогда победу.**

Этот турнир проходил в Московском дворце пионеров в июле 1969 года. Первое место заняла команда школы № 56 из Кишинева.

«Кто из участников турнира «Белая ладья» стал мастером и выступает в ответственных соревнованиях?»

Об этом просят рассказать **Витя Владимиров** (Тула) и **Карен Погосян** (Ереван).

Турниры «Белая ладья» — отличная школа для ребят, они получают здесь боевую закалку, учатся проводить интересные шахматные комбинации, овладевают техникой позиционной борьбы.

Среди участников «Белой ладьи», ставших мастерами, — Виталий Майоров из литовского города Плунге (Виталий выступал в составе сборной команды своей республики на VII летней Спартакиаде народов СССР) и ученик восьмого класса ле-

нинградской школы № 11 Валерий Салов (в этом году Валерий играл в мужском чемпионате Ленинграда).

На первых соревнованиях «Белая ладья» специальный приз журнала «Мурзилка» получил октябренок Зураб Азмайпарашвили. Сейчас Зураб — студент Тбилисского института физкультуры, он мастер спорта, второй призер юношеского шахматного чемпионата Европы 1979 года.

Интересное письмо прислал Сережа Кондыбин (Саратов): **«Я читал о том, что наши космонавты, отправляясь в космос, берут с собой и шахматы. Так ли это?»**

Вот что писал дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов: «В отряде космонавтов шахматы пользуются большой популярностью, регулярно проводятся турниры и первенства Звездного городка. Для космонавтов шахматы служат своеобразной тренировкой, проверкой быстроты реакции...

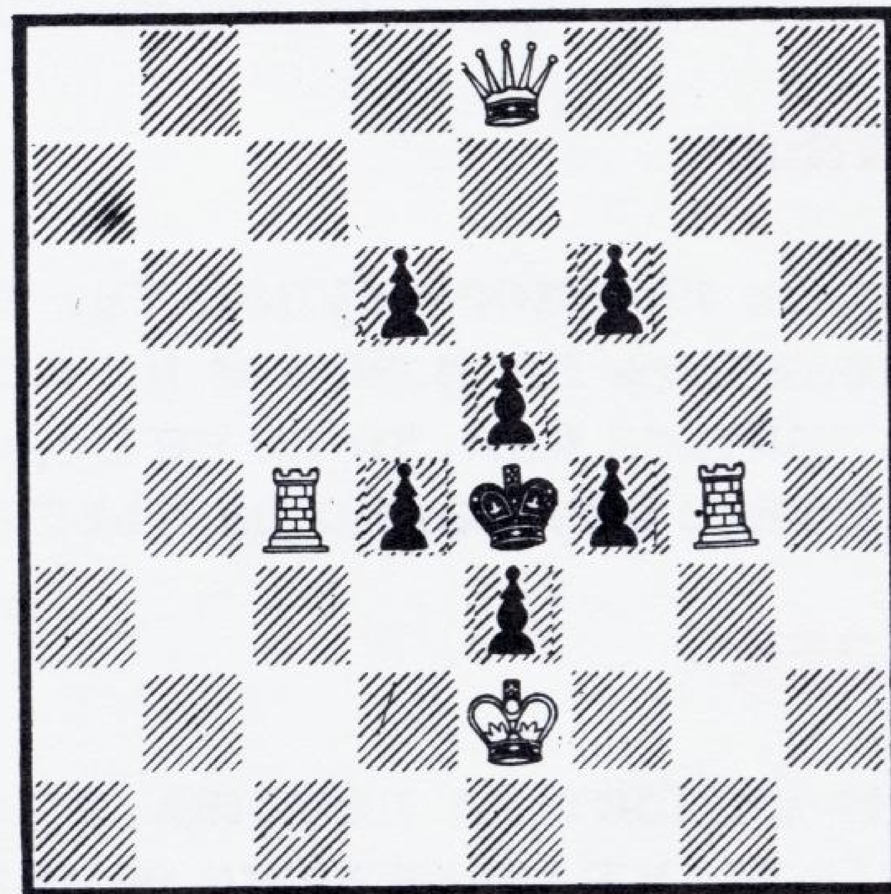
У шахмат большое космическое будущее. Это один из немногих видов спорта, доступных людям, находящимся в условиях невесомости... Люди в космических полетах не должны чувствовать себя обездоленными. От их настроения во многом зависит успех дела, которым они занимаются, и даже безопасность самого полета. И тут на помощь приходит шахматная игра с ее спортивным азартом, горячей заинтересованностью ее участников...»

Добавим к этому, что первая в истории шахмат партия Космос — Земля была сыграна 9 июня 1970 года. На корабле «Союз-9» игру вели космонавты А. Николаев и В. Севастьянов. За «команду Земли» играли Н. Каманин и В. Горбатко. Ходы передавались по радио. После упорной борьбы поединок закончился вничью.

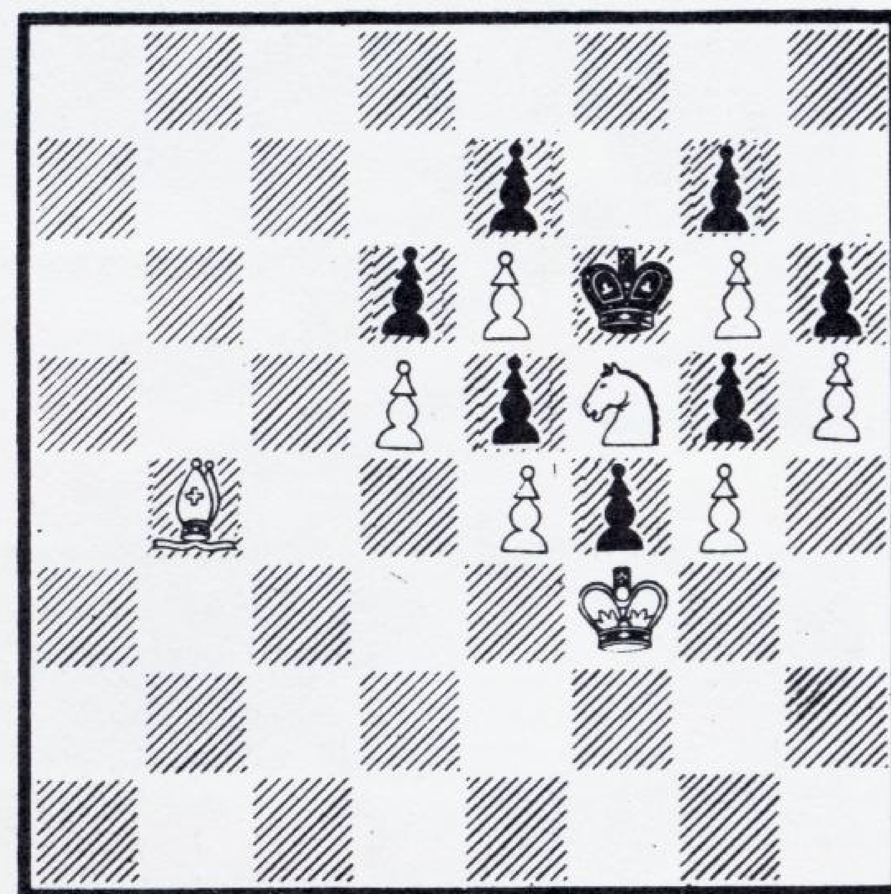
Штурм крепости

Хитростью и находчивостью можно покорить любую, казалось бы, неприступную крепость. Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

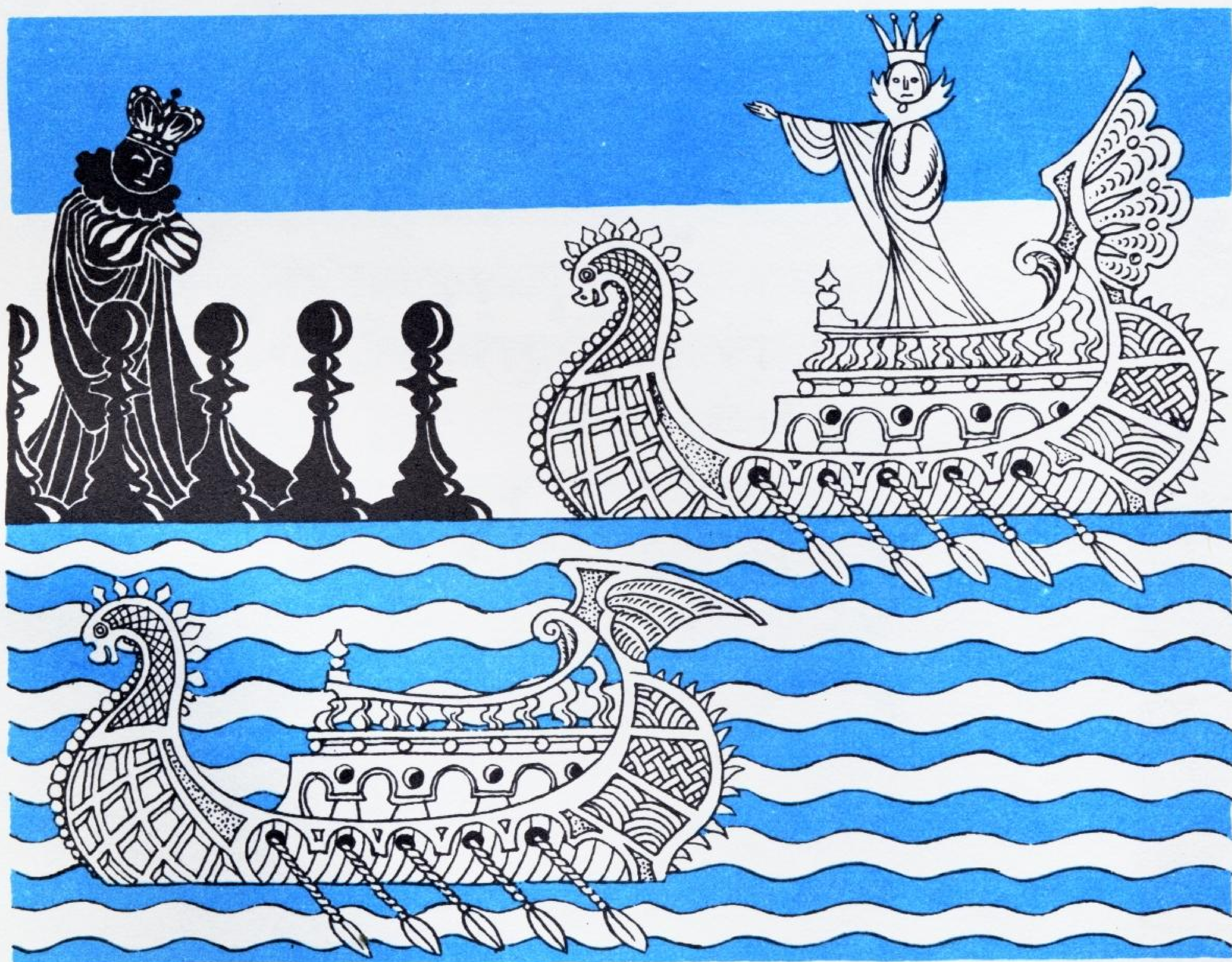

И здесь черный король укрылся за частоколом черных пешек.

Но белые все же могут прорвать оборону противника. Найдите, как они дают мат в четыре хода.

Пешкин советует вам, ребята, провести в шахматной секции вашего пионерского лагеря конкурс на решение этих задач.

ОЛИМПИЙЦЫ СРЕДИ НАС

Музыка Александра БЕРЛИНА.

Стихи Раима ФАРХАДИ,
лауреата премии Ленинского комсомола Узбекистана.

В нашем классе есть футбольная команда,
Есть гимнасты и штангисты тоже есть!
Тренируются ребята все, как надо,
И значкистов ГТО у нас не счесть!

ПРИПЕВ: Отставать нам не годится,—
Повторяет весь наш класс.
Олимпийцы,
Олимпийцы,
Олимпийцы среди нас!

Наш девиз: быть на площадке смелым, ловким
И в спортзале не робеть и у доски.
Если плавать, то не в классе на уроке,
А в бассейне брассом наперегонки.

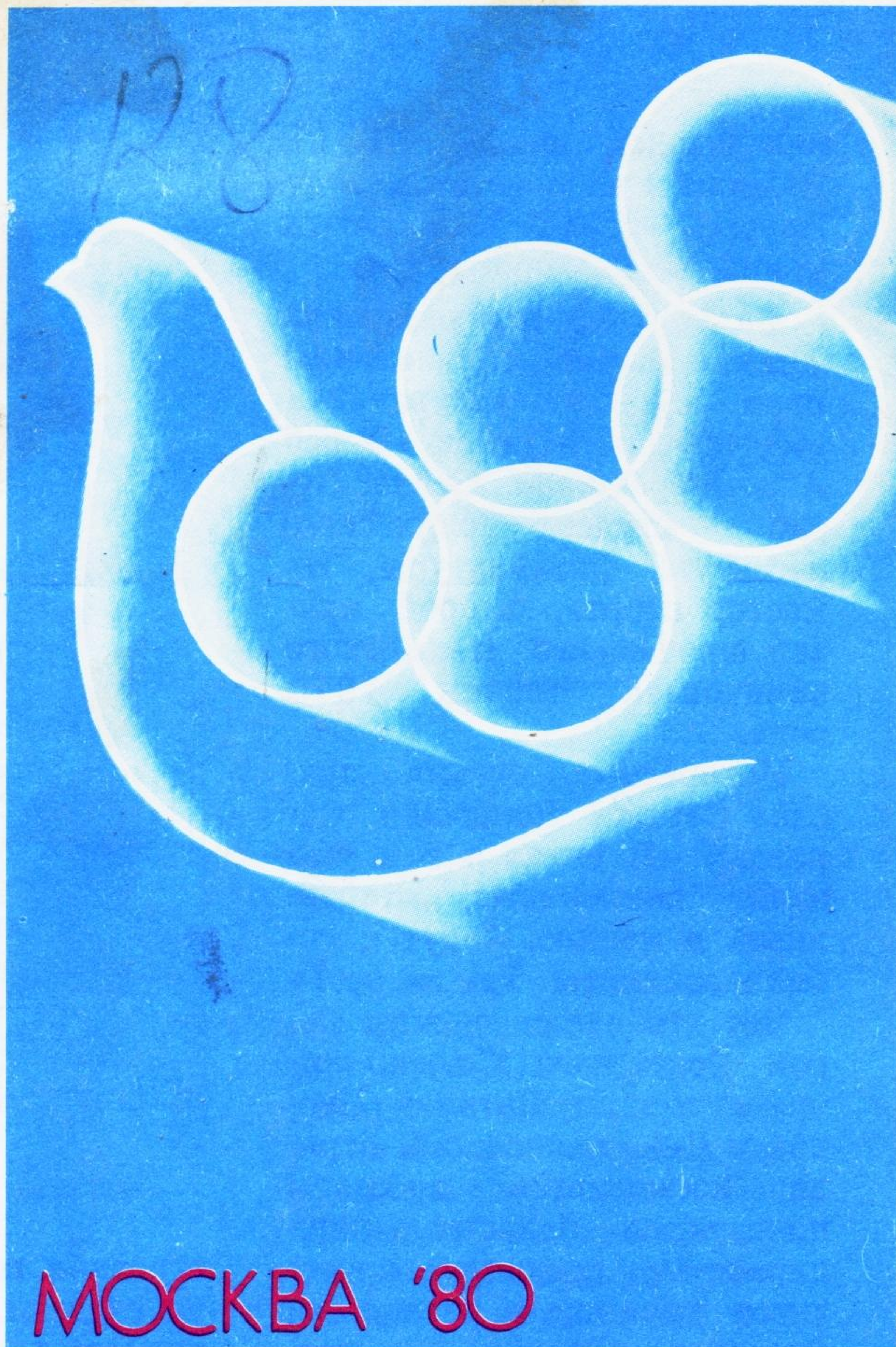
ПРИПЕВ.

В спорте главное — упорство и уменье,
Не мельчить ни в чем и не кривить душой.
Если драться нам, то не на перемене,
А на ринге неустанно рваться в бой.

ПРИПЕВ.

К нам спешит на помощь тренер, если нужно,
Иногда ведь плачет даже чемпион...
Штурм рекордов — дело юных, дело
дружных!
Скоро нам зарукоплещет стадион!

ПРИПЕВ.

Andantino

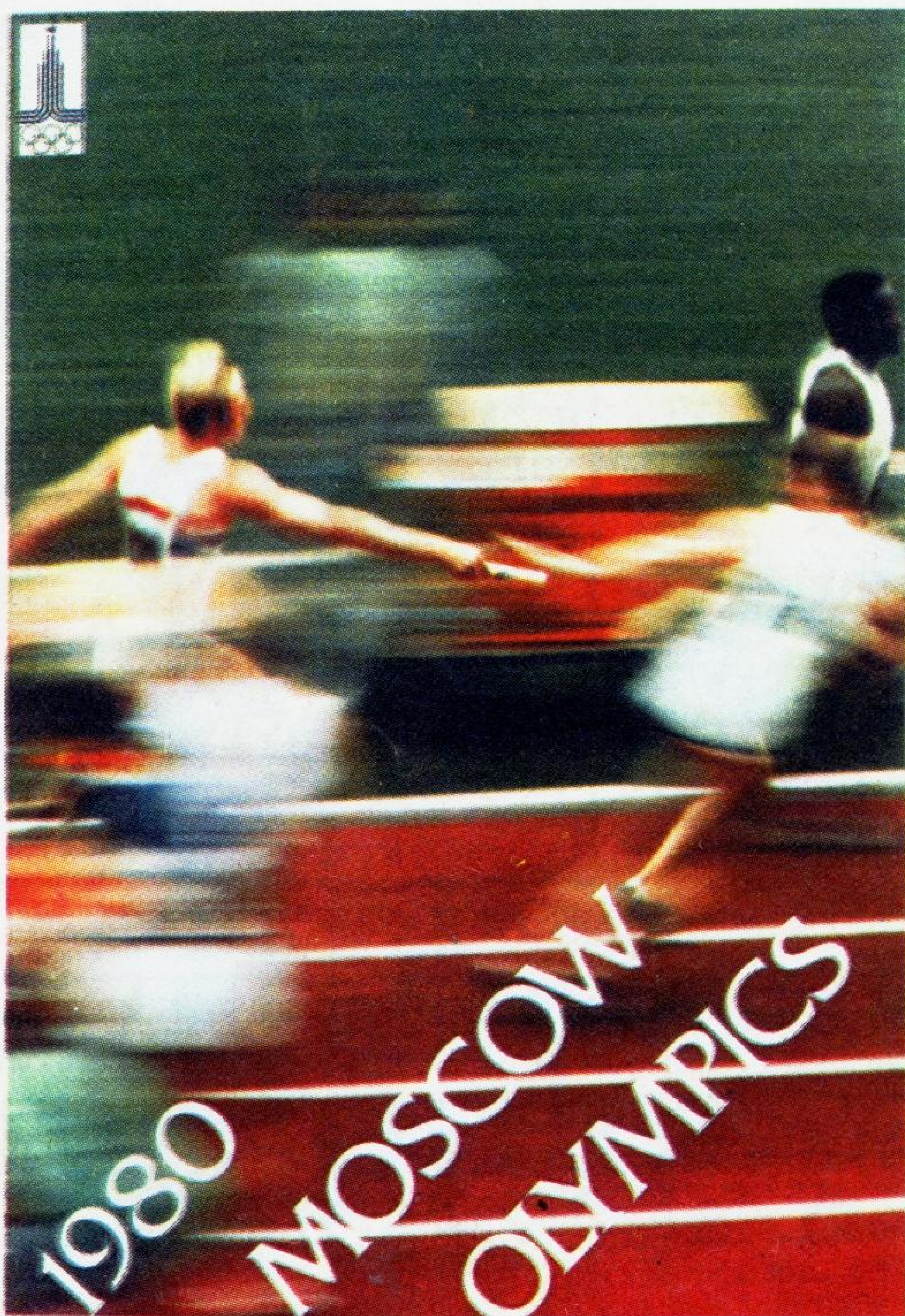
В на_шем
клас_се есть фут_боль_на_я ко_ ман_да, есть гим_нас_ты и штан_гис_ты то_же
есть! Тре_ни_ру_ют_ся ре_бя_та все как _на_до, и знач-
_кис_тов Г. Т. О у нас не счесть!

Припев:

От_ста_вать нам не го_
_дит_ся по_вто_ря_ет весь наш класс. О_лим_
_пий_цы, о_лим_пий_цы, о_лим_пий_цы сре_ди
нас! О_лим_пий_цы сре_ди нас.

Для повторения | Для окончания

Нк де_нас. О_лим_
_пий_цы, о_лим_пий_цы, о_лим_пий_цы сре_ди нас!

Цена 25 коп. Индекс 70694.

ISSN 0130-8009